

Уильям ЭЙНСВОРТ

БОРЬБА ЗА ТРОН

Уильям Гаррисон Эйнсворт
Борьба за трон (сборник)

«ВЕЧЕ»

1874, 1878

Эйнсворт У.

Борьба за трон (сборник) / У. Эйнсворт — «ВЕЧЕ», 1874,
1878 — (Серия исторических романов)

В сборник знаменитого английского писателя Уильяма Эйнсворта вошли два произведения, рассказывающие о наиболее драматических эпизодах из истории Туманного Альбиона. События романа «Борьба за трон» происходят во второй половине XVII века. В ходе государственного переворота, именуемого в народе «Славной революцией», король Яков II из шотландской династии Стюартов был свергнут и укрылся во Франции. Власть перешла в руки правителя Нидерландов Вильгельма Оранского. Но сможет ли смириться со своей потерей гордый шотландец, тем более когда у него есть такой могущественный покровитель, как король Людовик XIV? В романе «Уот Тайлер» ярко показана мятежная Англия эпохи Ричарда II, в которой на смену Черной смерти пришла корыстолюбивая знать, задушившая страну непомерными налогами. Кузнец Уот Тайлер решает доказать королю, что народ умеет не только стучать молотом по наковальне да гнуть спину перед своим феодалом.

© Эйнсворт У., 1874, 1878

© ВЕЧЕ, 1874, 1878

Содержание

Об авторе	6
Борьба за трон	8
Пролог	8
I	8
II	17
I	33
II	42
III	46
IV	52
V	55
VI	59
VII	64
VIII	68
IX	76
X	81
XI	83
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Уильям Эйнсворт

Борьба за трон

© ООО «Издательство «Вече», 2014

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Об авторе

Английский писатель Уильям Гаррисон Эйнсворт родился 4 февраля 1805 года в Манчестере. Он был сыном процветающего адвоката Томаса Эйнсворта и дочери священника Анн Гаррисон Эйнсворт. В 1817 году Уильям поступает в классическую гимназию (Грэмер-скул). Школьную атмосферу он опишет позже в повести «Мервин Клитероу». Эта среда с ее строгой дисциплиной и системой коллективных наказаний отталкивала будущего писателя. Он рано приобщается к творчеству. Первым печатным произведением Уильяма была пьеса «Соперники» (1821). В декабре того же года «Эдинбург Мэгезин» публикует историческую драму гимназиста «Венеция, или Падение Фоскари». Уже в следующем году Уильям оставляет школу из-за литературной занятости. В августе 1822 года он навещает в Эдинбурге своего школьного друга Джеймса Кроссли, который знакомит Уильяма с владельцем литературного журнала Уильямом Блэквудом, открывшим дорогу многим молодым талантам. Уже в конце года У.Г. Эйнсворт выпускает поэтический сборник. В 1823 году Эйнсворт и Кроссли совместно пишут повесть «Сэр Джон Чивертон», но издать ее друзья не смогли. В конце 1823 года Эйнсворт уговорил издателей Уиттакеров опубликовать несколько своих рассказов. В следующем году Эйнсворт пытается создать собственный журнал, но выпустить удалось только один номер. В июне 1824 года умер Томас Эйнсворт, и Уильяму, наследнику крупной доли в адвокатской конторе, приходится приступить к изучению юриспруденции. Он поехал в Лондон, стажировался у одного из крупных адвокатов, но вместе с тем не бросил литературного творчества. Важное значение для Уильяма имела встреча с Джоном Эберсом, бывшим в то время заведующим коммерческой частью оперного Театра Его Величества на улице Хеймаркет. Эберс ввел Уильяма в литературные круги. Уильям увлекся Фани, дочерью Эберса, и вскоре молодые люди сыграли свадьбу. Некоторое время Эйнсворт работает составителем театральной рекламы, потом становится журналистом. Он все-таки выучился на адвоката, но ремесло это всегда рассматривал как вспомогательное. Уильям выпускает несколько поэтических сборников, перерабатывает повесть «Сэр Джон Чивертон» и издает ее под своим именем в июле 1826 года. Произведение это привлекло внимание Вальтера Скотта, а в 1826 году Эйнсворту удалось встретиться с шотландским бардом.

В 1830 году у четы Эйнсвортов родилась третья дочь, резко ухудшилось финансовое положение семьи, и Уильям начал сотрудничать в журнале «Фрейзерс мэгезин». В 1833 году Эйнсворт заканчивает первый роман «Руквуд», принесший ему серьезный успех. Среди главных героев этого авантюрного романа фигурирует легендарный английский разбойник Дик Терпин. В 1835 году Эйнсворт познакомился с Чарльзом Диккенсом и даже помогал знаменитому писателю одолеть первые ступеньки карьеры. Дружба их закончилась в начале 1839 года, когда началась публикация романа «Джек Шеппард», описывавшая жизнь лондонского преступного мира. В чем-то роман Эйнсворта пересекался с диккенсовским «Оливером Твистом». Видимо, это и послужило причиной размолвки. В дальнейшем Эйнсворт выбирает для себя путь исторического романиста. В 1840 году выходит необычная для тогдашней литературы книга: «Башня» («Тауэр»), в которой главным героем становится одно из древнейших строений Лондона. Через судьбы людей, связанных с Тауэром, писатель пытался заинтересовать лондонское общество историей знаменитой Башни. В следующем году появляется роман «Гай Фокс, или Пороховой заговор», в 1843 году – «Виндзорский замок», в 1844 году – «Сент-Джеймс, или Двор королевы Анны» и многие другие. Эти многие другие исторические романы Эйнсворта пользовались большой популярностью. Меньший интерес вызывали его романы из современной жизни, к которым писатель обратился в середине 1860-х годов.

Всего Эйнсвортом написано 40 романов, большое количество произведений короткого жанра, с десятков поэтических сборников, несколько десятков серьезных экономических и юридических статей и бесчисленное количество мелких заметок и рецензий, авторство которых не установлено с достаточной степенью уверенности. Последний роман Эйнсворта вышел в 1881 году. Писатель умер на юге Англии в Рейгейте 3 января 1882 года. Кто-то из современников назвал Эйнсворта «одной из самых живописных личностей XIX века». И хотя этот успешный и плодовитый писатель очень быстро был забыт литературной критикой, часть его произведений (особенно исторических) продолжает переиздаваться и по сей день.

Анатолий Москвин

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ УИЛЬЯМА ЭЙНСВОРТА:

- «Руквуд» (Rookwood, 1834)
- «Заговор королевы» (Crichton, 1837)
- «Джек Шеппард» (Jack Sheppard, 1839)
- «Гай Фокс» (Guy Fawkes, 1841)
- «Ланкаширские ведьмы» (The Lancashire Witches, 1849)
- «Джон Лоу» (John Law: The Projector, 1864)
- «Коннетабль Бурбонский» (The Constable de Bourbon, 1866)
- «Уот Тайлер» (Merry England, or Nobles and Serfs: Wat Tyler, 1874)
- «Борьба за трон» (Beatrice Tyldesley, 1878)

Борьба за трон

Пролог

I

Агенты сверженного короля

В четверг 13 июня 1689 года ранним утром в устье реки Луны недалеко от Кокергама бросил якорь большой, тяжелый корабль с узкой кормой. С него немедленно спустили шлюпку, и два пассажира поспешно сошли на берег в Корке, расположенном на южном берегу реки возле самой гавани. В обоих пассажирах заметна была военная выправка. Они несли с собой два ящика с пистолетами, две шпаги и большой дорожный мешок.

Выходя из лодки, один из них вспомнил или сделал вид, что вспомнил, что он забыл взять с собой свои седельные выюки, и хотел было вернуться за ними. Но товарищ удержал его, заметив, что теперь таможенные чиновники уж наверно явились на корабль и, несомненно, арестуют его.

Чтобы понять значение этого предостережения, необходимо иметь в виду, что весной этого года бывший английский король Иаков II, поддерживаемый Людовиком XIV, высадился в Кингселе в Ирландии и торжественно вступил в Дублин, где был восторженно принят народом. Скоро он оказался во главе значительной армии и принялся осаждать город Лондондерри на севере Ирландии.

Чтобы поднять восстание среди приверженцев Иакова в Ланкашире и северных графствах, из Дублина и других портовых городов беспрестанно шныряли тайные агенты короля. Вот почему были приняты все меры, чтобы их арестовывать и предупреждать их преступные замыслы. Но меры эти не всегда удавались.

Судя по тому, как высадились на берег наши незнакомцы, и принимая во внимание ранний час, было естественно заключить, что они принадлежали к числу агентов Иакова II. Так оно действительно и было.

Незнакомцы, по-видимому, не боялись погони за собою, так как один из них, тот самый, который забыл свои седельные выюки, приказал матросам принести их потом к нему в маленькую гостиницу в Кокергаме Тома Твистона, в которой он намерен был позавтракать.

Не успели матросы сделать несколько шагов, как чиновники местной таможни Лейланд и Гольт явились на борт корабля.

Они стали опрашивать судовладельца Чарлза Каусона относительно груза и получили ответ, что на корабле нет ничего, кроме тонны-другой железных горшков, тонны-другой железных брусьев и девяти бочонков с мясом. Хозяин заявил еще, что он привез из Дублина двух пассажиров, которые только что высадились.

— Почему же они обнаружили такую поспешность? — подозрительно спросил Лейланд. — Вы обязаны были, как вам, наверно, безызвестно, задержать их до нашего прибытия.

— Они настаивали на том, чтобы их немедленно спустили на берег, и я не мог помешать им, — отвечал Каусон.

— Мы этого так не оставим, — сердито вскричал Гольт. — Был у них какой-нибудь багаж?

— Багажа было немного, сэр. Они оставили здесь пару седельных выюков.

— Седельные выюки! Ага! Где же они?

– В трюме, сэр, – отвечал Каусон.

– Вам, конечно, известны имена и род занятий этих людей? – спросил Лейланд.

– Что касается рода их занятий, то на этот счет я ничего не могу сказать, – возразил Каусон. – Но имена их я вам могу назвать. Одного из них зовут Трельфолль, другого Лент. Последний, как я полагаю, ирландец. Оба, как я уже сказал, прибыли из Дублина.

– Все это очень подозрительно, – заметил Гольт. – Осмотрим-ка их багаж.

В сопровождении судовладельца оба чиновника спустились в трюм и скоро отыскивали там забытые выюки. Они оказались набитыми разными бумагами весьма компрометирующего содержания – бланками короля Иакова, списками дворян-католиков, воззваниями к этим дворянам с приглашением поднять войска, захватить командование милицией и быть готовыми к восстанию по данному сигналу. Все это доказывало, что в северных областях ожидалось восстание.

Оба чиновника с изумлением смотрели друг на друга. Они не могли понять, каким образом могли быть забыты столь важные документы.

– Ну, мистер Каусон, – воскликнул Гольт, – что вы на это скажете? Можно ли теперь отрицать, что вы втянуты в заговор якобитов? Оба эти заговорщика, которых вы привезли из Дублина, всеконечно, будут повешены как изменники. Надо только их захватить. Но, всеконечно, в то же самое время будете повешены и вы за их укрывательство.

– С нами крестная сила! – воскликнул Каусон, боязливо смотревший, как таможенные вскрывали выюки. – Ведь я не имею никакого отношения к революции и никогда не участвовал в ней ни здесь, ни в Ирландии. Я верный подданный короля Вильгельма и королевы Марии. Я не знаю ничего об этих людях, но не могу не похвалить их: за переезд они заплатили мне десять фунтов. Провизия и вино у них были свои. К экипажу они также были очень щедры. Но они требовали, чтобы, кроме них, других пассажиров не было.

– И это обстоятельство не возбудило у вас подозрения? – спросил Лейланд.

– Они хорошо платили, и я их не расспрашивал. Но если бы я подозревал в них агентов короля Иакова, которые стараются поднять восстание и возвести его на трон, то я, конечно, выдал бы их.

– Вам и надо было бы это сделать, мистер Каусон, – сказал Лейланд. – Но так как вы не исполнили вашей обязанности, то вам и придется отвечать за это. Вас будут теперь считать их сообщником.

– Что же я должен сделать, чтобы оправдаться? – воскликнул Каусон.

– Съехать с нами на берег и помочь нам задержать их. Если мы их арестуем, вы будете свободны от обвинения.

– Если так, то я готов ехать с вами, – отвечал судохозяин.

Чиновников ждала таможенная лодка. Все втроем они спустились в нее, захватив с собою и седельные выюки.

Пристав к берегу, таможенные вместе с гребцами, которые были вооружены пистолетами и тесакми, быстро двинулись к маленькой гостинице, рассчитывая захватить там якобитских агентов.

Совсем уже рассвело. Когда они подошли к гостинице, служившей также и почтовой станцией, они увидели Тома Твистона, который стоял у притолоки открытой двери.

На расспросы таможенных он отвечал, что два джентльмена, которых они ищут, часа полтора тому назад наняли лошадей и уехали в Гарстанг.

– Черт возьми! – вскричал Гольт. – Уж не вы ли дали им лошадей?

– Да, я, – возразил Твистон. – Я отправил с ними почтальона. Все как следует.

– Вы ошибаетесь, Том, – возразил Гольт. – Вовсе не все как следует. Вы впутались в очень серьезное дело. Эти люди – тайные агенты якобитов.

– Каким образом, черт возьми, я мог это знать? – воскликнул хозяин. – Я их принял за офицеров милиции.

– Говорят вам, что это изменники, которые пытаются поднять восстание, – сказал Гольт. – Был у них какой-нибудь багаж?

– Хорошенько не помню, – уклончиво отвечал хозяин гостиницы. – Ах, да! С ними был большой сверток, который они поручили везти почтальону.

– Вы наверно знаете, что они поехали в Гарстанг?

– В этом я уверен, сэр, – отвечал Твистон. – Они отправились в этом направлении. Вот все, что я о них знаю. Самое лучшее для вас – отправиться поскорее вслед за ними.

– Они от нас не уйдут, – воскликнул Лейланд. – Мы живо нападем на их след. Дайте нам лошадей, – приказал он своим людям. – Постарайтесь, если можете, добыть экипаж для мистера Каусона.

– Если они не найдут, то я могу дать свой, – прибавил Твистон. – Войдите, господа. Стаканчик вина выгонит холод из желудка.

Ни таможенные, ни судохозяин не возражали против предложения и вошли в главную комнату гостиницы. Хозяин принес бутылку вина и поставил стаканы.

Вино было испробовано как следует, когда привели наконец лошадей, и трое преследователей, значительно повеселевшие, пустились на поиски.

Том Твистон предложил было сохранить у себя в целости столь важные седельные вьюки, пока они не возвратятся обратно, но они отказались оставить их у него.

По дороге пришлось объезжать обширное и опасное болото, лежащее около Гарстанга. Добравшись до этого небольшого городка, лежащего на правом берегу Вайры, они не могли получить никаких сведений о всадниках; очевидно, якобитские агенты и не думали останавливаться в Гарстанге. Тем не менее преследователи переправились через реку повыше моста и быстро двинулись к городу.

Здесь их постигла новая неудача.

И на мосту они не могли получить нужных сведений. Беглецы, по всему вероятно, направились в Престон, а может быть, они укрылись в Майерскофе, резиденции полковника Тильдеслея, видного члена партии Иакова и Папы. Он-то, вероятно, и приютил их у себя.

Обсудив положение, чиновники решились ехать дальше в Майерскоф. Пустив лошадей крупной рысью, они скоро увидели перед собою красивое старинное здание, обсаженное со всех сторон рощей старых деревьев.

Добравшись до въезда в парк, они заметили, что ворота его заперты. Привратник в одежде с гербами Тильдеслеев отказался впустить их в парк, говоря, что в такой ранний час никого нельзя впустить в Майерскоф, не известив хозяина.

– Ты уверен, что никто еще не приезжал сюда сегодня? – недоверчиво спросил его Лейланд.

– Через эти ворота никто не проезжал, – отвечал привратник.

– Ты лжешь, негодяй! – гневно воскликнул Гольт. – Но с нами шутки плохи. Ты знаешь, что мы чиновники и явились в Майерскоф по долгу службы. Ты заплатишься, отказываясь впустить нас!

– Я не имею права открывать ворота без позволения полковника Тильдеслея, – упрямо твердил привратник.

– Приказываем тебе отворить! – кричали оба таможенника.

– Если вам угодно будет подождать здесь несколько минут, я сбегаю в дом. Впрочем, нечего кричать – вот едет сюда сам полковник и его родственница мисс Тильдеслей.

Пока он говорил, на узкой дороге, ведущей к воротам, показалась кавалькада: красивый мужчина в расцвете молодости и прелестная девушка лет восемнадцати, сопровождаемые двумя грумами в таких же ливреях, какая была на привратнике.

Полковник, очевидно, не считал нужным подгонять лошадей, хотя и видел чиновников, стоявших за воротами.

Полковнику Тильдеслею, внуку знаменитого сэра Томаса Тильдеслея, который так отличился во время междоусобной войны и был убит в битве при Виган-Лэне, было года тридцать два. Он был женат на молодой и красивой женщине, от которой у него не было детей и которую он скоро потерял.

В то время, к которому относится наш рассказ, миссис Тильдеслей жила у своего дяди в Престоне, и полковник, очевидно, ехал к ней со своей родственницей.

Высокого роста и крепкого сложения, полковник красиво сидел на лошади, которая как будто и не чувствовала его тяжести. Его красивый камзол, вышитый золотом, с целым рядом пуговиц спереди заканчивался на руках широкими отворотами. Жилет того же цвета и так же вышитый спускался до колен, почти касаясь огромных сапог с раструбами.

Пышный парик из светло-каштановых волос, длинный кисейный галстук, белая шляпа с широкими полями, приподнятыми с боков, украшенная страусовыми перьями, довершали его костюм. В руках он держал тяжелый хлыст, хотя его крепкий гнедой конь обнаруживал такой ум, что для него не нужно было ни хлыста, ни шпор.

Полковник Тильдеслей отличался правильными, красивыми чертами лица и приветливым, благородным обращением, свойственным дворянам этой местности.

Беатриса Тильдеслей представляла полную противоположность своему дяде родственнику. Ее тонкая изящная фигура красиво обрисовывалась в амазонке из голубого, вышитого серебром камлота. Небольшая бархатная шляпа, сдерживавшая ее черные кудри, была украшена лишь одним белым пером.

Беатриса была брюнетка, с чудными черными глазами и длинными ресницами. Ее лицо отличалось тонкими чертами, а ее зубы блестели, как жемчужины.

– Что вы будете делать с этими людьми, кузен? – спросила она полковника.

– Предложу им отправиться по своим делам, если они пойдут.

– Ну а если не пойдут, тогда что?

– Тогда я должен впустить их в дом и так или иначе от них отделаться. Я спокоен. Они, конечно, ничего не откроют. Отец Джонсон уж позаботится о наших гостях.

– Но ведь они могут заметить почтовых лошадей на конюшне. Ведь не могли же они прискакать сюда без всадников. Как же вы объясните это обстоятельство?

– Почтовые лошади уже отправлены. Чтобы выиграть время, я и приказал задержать насколько возможно таможенных досмотрщиков у ворот.

– При виде их я не могу удержаться от смеха, хотя и должна была бы держать себя серьезно. Какое смешное положение!

– Ну, если наших тайных агентов поймают, положение будет далеко не смешное, – заметил полковник.

– Но ведь, по вашим словам, их не поймают?

– Думаю, что так, ибо отец Джонсон не даст им совершить ни малейшей неосторожности. Но едем дальше.

Минуты через две полковник Тильдеслей приказал привратнику открыть ворота.

Досмотрщики вместе с мистером Каусоном ринулись в парк. Завязались переговоры.

– Вы имеете какое-нибудь дело ко мне, джентльмены? – спросил полковник, вежливо отвечивая поклон.

– Весьма важное дело, сэр, – отвечал Лейланд. – Мы ищем двух якобитских агентов, которые, по нашим сообщениям, укрылись здесь. Отказ вашего привратника отворить ворота еще более усилил наши подозрения.

– Жалею о том, что вас задержали, – возразил полковник. – Но мой служитель совершенно прав. Ему строго-настрого приказано держать ворота на запоре ранним утром.

– Необыкновенная предосторожность, полковник, – заметил Голт. – Но мы вынуждены просить вас возвратиться вместе с нами назад, к дому. Мы намерены обыскать его, если заговорщики не будут нам выданы. Мы имеем убедительные доказательства их измены в этих выюках, которые они забыли на корабле, доставившем их из Дублина в Кокергам. Владелец корабля Чарлз Каусон здесь и может опознать изменников.

– Пожалуйста, общите весь дом, джентльмены, – отвечал полковник. – Тут вы не найдете никаких якобитских агентов. Но я самым решительным образом должен протестовать против незаконного вторжения в мой дом.

– Может быть, вы не верите, джентльмены, и тому, что полковник Тильдеслей и я едем в Престон к моему отцу? – спросила Беатриса.

– К великому сожалению, нам приходится расстроить ваши планы, – возразил Лейланд. – Мы не можем разрешить полковнику продолжать путь дальше.

Всякие возражения были излишни, и полковник Тильдеслей и его прекрасная родственница вернулись домой в сопровождении таможенных чиновников и Каусона.

Майерскоф, содержащийся в период, к которому относится наш рассказ, в полном порядке, был построен в начале шестнадцатого века. С того времени часть его была скрыта, часть обращена в ферму. Построенное почти исключительно из дуба, старое здание было украшено множеством островерхих башенок. По его фасаду тянулась длинная галерея, освещавшаяся целым рядом окон с частым переплетом; по другую сторону от главного входа находилось большое окно с разноцветными стеклами.

Вокруг дома шел крепостной ров. Каменный мост вел через него к подъезду.

Просторный зал с дубовым потолком, который поддерживался толстыми балками, славился своим огромным камином, над которым развешаны были родовые гербы и оружие Тильдеслеев.

По стенам висели портреты предков хозяина, из которых самым известным был сэр Томас Тильдеслей, дед теперешнего владельца имения.

Широкая дубовая лестница с резной дубовой решеткой вела в верхние покои, уставленные старинной мебелью.

На южной стороне дома находилась очень красивая небольшая домовая церковь, которая, по-видимому, была построена ранее дома. В ней висел образ Святой Девы, которому народная молва приписывала чудотворную силу.

С тех пор как отец Джонсон, о котором нам приходилось уже упоминать, появился в доме, в церкви каждый день служилась обедня.

Майерскоф удостоился посещения Иакова I в 1617 году и Иакова II в 1651 году, незадолго до того, как его храбрый хозяин погиб в битве при Виган-Лэне.

Прежде чем полковник Тильдеслей успел въехать на каменный мост, ведущий к подъезду, его возвращение было замечено обитателями дома, и три или четыре слуги во главе с дворецким, мистером Горнби, вышли ему навстречу.

– С вами что-нибудь случилось, господин полковник? – спросил Горнби.

– Да, вот эти господа не позволяют мне ехать в Престон. Они ищут двух якобитских агентов, которые, по их словам, укрылись в нашем доме.

– Я знаю этих господ, – сказал дворецкий, пристально взглянув на чиновников. – Они из таможни в Кокергаме.

– Совершенно верно, – отвечал Лейланд. – Мы тоже знаем вас, мистер Горнби, и не думаем, чтобы вы злостным образом стали нас обманывать. Здесь ли те два человека, которых мы ищем?

– Ничего не могу вам сказать на этот счет, – отвечал дворецкий.

– Проводи господ таможенных чиновников в дом, и пусть они сами удовлетворят свое любопытство, – сказал полковник. – Они найдут меня в столовой, когда окончат свой обыск.

Беатриса, сдерживавшая до сих пор свою веселость, входя в дом за полковником, вдруг громко расхохоталась.

– Удивляюсь, как вежливы вы были с этими таможенными, – вскричала она. – Я бы не позволила им войти в дом.

– Но они вооружены властью, которой нельзя безнаказанно сопротивляться, – возразил ее спутник. – К тому же, как я только что сказал, нам нечего здесь бояться. Тут они ничего не найдут.

– Они не найдут того, кого ищут, но зато тщательно осмотрят весь дом. Поверьте мне, после этого они вскоре явятся сюда вторично.

– Ну нет. Я надеюсь, что это будет их последний визит. Вскоре мы совсем освободимся от всех этих неприятных посещений.

– Да, конечно, если скоро разразится восстание, но только в этом случае.

– Не говорите так громко, – сказал полковник. – Нас могут подслушать.

– А мне даже хочется, чтобы эти наглые посетители услышали меня. Может быть, они сделают что-нибудь такое, что заставит и вас, мой долготерпеливый кузен, перейти к действию.

– Они уж и так для этого много сделали. Но мы должны действовать осторожно. Не настало еще наше время.

– Не следует ли мне сходить к отцу Джонсону и рассказать ему обо всем, что случилось?

– Пожалуй, – сказал полковник, – но только будьте осторожны.

Выйдя из зала, Беатриса поднялась по главной лестнице и быстро пошла по коридору, пока не достигла двери в самом его конце, в которую она и постучала.

Отец Джонсон сейчас же сам открыл ей дверь.

Высокая худая фигура священника была облачена в длинное черное одеяние. На голове у него была черная шапочка. На смуглом лице блистали острые пронизательные глаза.

Он, видимо, удивился, увидев перед собою Беатрису, и с тревогой спросил, зачем она вернулась. Беатриса в двух словах рассказала ему обо всем, что произошло, и предупредила его, чтобы он держался настороже, так как досмотрщики начали уже обыскивать дом. Исполнив поручение, она быстро ушла.

Оба незнакомца сидели в комнате священника.

Оставшись один, отец Джонсон открыл потайную дверь в дубовой панели, за которой оказался узкий коридор. Оба незнакомца быстро скрылись в него, после чего панель была приведена в прежний вид.

Между тем таможенные, сопровождаемые Каусоном, которому все происходившее, видимо, было не по душе, безуспешно обыскивали нижнюю половину дома.

Затем они направились в конюшню, где конюхи дали все требовавшиеся ими объяснения относительно лошадей. Вернувшись в дом, они пожелали осмотреть церковь.

Горнби поспешил исполнить их желание. Он рассчитывал, что Лейланд расстанется со своими седельными выюками, но осторожный досмотрщик всюду таскал их за собою. Однако, войдя в церковь, он сложил их на пол, полагая, что они здесь в полной безопасности, и принялся за поиски.

На одной стороне церкви высился белый мраморный памятник знаменитому сэру Томасу Тильдеслею, привлекая к себе особенное внимание таможенных. Пока они рассматривали его, Горнби незаметным образом скрылся из церкви.

Видя, что он не возвращается, таможенные хотели было позвать его, но дверь из церкви оказалась запертой, а выюки исчезли.

Попавшись в ловушку, таможенные подняли шум и стали браниться, но никто не отвечал на их угрозы. Им даже показалось, что снаружи послышался смех, и это обстоятельство еще более усилило их ярость.

Что касается судовладельца, то он быстро примирился со своим положением и, усевшись поудобнее на скамью, погрузился в глубокий сон.

Так прошло более часа. Таможенным начинало уже казаться, что их никогда не выпустят отсюда, как вдруг дверь церкви отворилась и вошли полковник Тильдеслей с Беатрисой и отцом Джонсоном.

Среди них следовали Горнби и несколько слуг.

– Известно ли вам, полковник, что выюки, которые мы привезли с собою, исчезли? – вскричал угрожающим тоном Лейланд.

– Я не вполне понимаю вас, сэр, – ответил полковник, делая вид, что он очень удивлен.

– Говоря прямо, ваш дворецкий Горнби обокрал нас и насильственным образом задержал нас здесь.

– Так ли это, Горнби?

– Совершенно не так, господин полковник. Я не брал выюков. А запер я их в церкви совершенно нечаянно.

– Но ведь мы пробыли здесь более часа, – в ярости вскричали оба таможенника.

– Чрезвычайно сожалею об этом, – сказал полковник, еле удерживаясь от смеха. – Но прошу позавтракать с нами. Мы только что получили свежую провизию.

Чиновники, пораздумав немного, сочли за лучшее принять приглашение.

Между тем Каусон продолжал себе спать на скамье. Горнби разбудил его и, сказав ему на ухо несколько слов, повел его в зал, где уже готов был весьма обильный завтрак из холодных блюд, жареных птиц, ветчины и пирога с голубями.

Когда таможенные вошли в комнату, там уже сидели два человека. Оба привстали и сделали легкий поклон.

Одного из них звали Арчером, другого Фоулером. Первому было лет тридцать; его лицо носило отпечаток бесстыдства и хитрости, которые еще более подчеркивали острые серые глаза.

Фоулер был несколько старше. Лицо его было приятнее, манеры лучше: видно было, что это джентльмен.

Оба были одеты в красные камзолы, высокие сапоги; длинные галстуки и парики довершали их костюм. Их треуголки висели тут же в зале, на рогах оленя.

При первом взгляде на них таможенные почувствовали, что это и есть якобитские агенты, которых они ищут. Решив действовать безотлагательно, они обратились к Каусону, который держался за ними:

– Посмотрите на этих людей. Не признаете ли вы их?

Владелец корабля отрицательно покачал головой.

– Вы утверждаете, что никогда не видали их? Посмотрите хорошенько!

– Нечего мне смотреть, – возразил Каусон. – Я все равно их не признаю, хотя бы пришлось на них смотреть полчаса.

– Вы привезли с собою мистера Каусона в качестве понятого, – вмешался полковник, – и стараетесь подорвать доверие к его словам и уверить его, что это те самые люди, которых вы ищете. Вы ошибаетесь, однако. Капитан Арчер и капитан Фоулер прибыли сюда не из Ирландии, как вы думаете, и не были на борту корабля. Они приехали из Престона. Я сказал вам все, что вам нужно знать, и не желаю отвечать на дальнейшие расспросы. А теперь не угодно ли вам, господа, садиться?

Священник прочитал по-латыни краткую молитву, и завтрак начался.

Полковник Тильдеслей сидел во главе длинного дубового стола. Направо от него занимал место Джонсон, налево Беатриса.

Недавно прибывшие гости и таможенные досмотрщики сидели друг против друга. Владелец корабля, видимо, перешел на их сторону и мирно беседовал с ними, что еще более усиливало подозрения досмотрщиков, которые в конце концов решили привлечь его к ответственности по обвинению в измене. Но Каусону, весело уничтожавшему завтрак, казалось, и дела ни до чего не было.

За столом то и дело слышался смех Беатрисы, которая, казалось, забавлялась происходящим и время от времени что-то говорила полковнику и отцу Джонсону.

Капитан Арчер говорил громко и не стеснялся. Никто его не останавливал. Все отлично понимали, что таможенные считали его и Фоулера врагами правительства и не прочь были бы арестовать их.

– По-моему, лучше было бы прекратить эти разговоры, – тихо сказал полковнику отец Джонсон.

– Я охотно сделал бы это, но ведь капитан Арчер не слушает меня, – так же тихо отвечал полковник.

– Может быть, он слушает меня, – сказала Беатриса.

– Готов повиноваться всем вашим приказаниям, мисс, – вмешался Арчер, услышавший ее слова.

– В таком случае попросите прощения у этих господ, – рассмеялась она.

– Просить у них прощения! – воскликнул Арчер. – Извините меня, мисс Тильдеслей, но этого я не могу сделать. Я могу только не оскорблять их в вашем присутствии, иначе я бы...

– Что же вы намеревались бы сделать, сэр? – спросил Гольт.

– Выплеснуть вам в лицо остатки моего стакана.

– Не советую вам делать подобную вещь, – продолжал Гольт, схватывая свою шпагу.

Но Арчер, без сомнения, привел бы свою угрозу в исполнение, если бы его не удержал его товарищ. Кроме того, поднялась и Беатриса с явным намерением оставить комнату, и капитан Арчер бросился упрашивать ее остаться, обещая держать себя спокойнее.

– Прошу вас, – отвечала ему молодая девушка, снова занимая свое место.

– Считаю нужным заявить вам, полковник Тильдеслей, – вскричал Гольт, – что мы немедленно будем просить распоряжения лорда Джерарда Брандона, лорда-лейтенанта этой местности, об аресте этих двух лиц.

– В таком случае я вынужден буду задержать ваш отъезд, – отвечал полковник.

– Но вы поплатитесь жизнью за наш арест, – вскричали таможенные.

– Прикажи хорошенько сторожить мост, – отнесся полковник к Горнби. – Никто не смеет выехать отсюда без особого моего разрешения.

– Слушаю, господин полковник, – отвечал дворецкий.

Как ни неприятно было чиновникам, но приходилось повиноваться. Они поняли, что их лошади уведены, и ясно видели, что Каусон не расположен помогать им.

– Эти чиновники вели себя довольно дерзко, – прошептала Беатриса полковнику. – Не выпускайте их на свободу, пока не обезопасите себя от них.

Пока полковник размышлял, как ему поступить при данных обстоятельствах, Горнби быстро вернулся и доложил, что прибыли капитан Вальтер Кросби и один джентльмен-квакер.

Хотя имя Вальтера Кросби было произнесено шепотом, Беатриса тотчас уловила его, и на щеках ее выступила легкая краска.

– Капитан Кросби прибыл один? – спросила она.

– Никак нет, – отвечал дворецкий. – С ним доктор Бромфилд, квакер.

Услышав это, полковник Тильдеслей и отец Джонсон в изумлении переглянулись между собою. Не успели они, однако, вымолвить слово, как оба новоприбывшие вошли в зал. Полковник поднялся им навстречу.

Вальтер Кросби принадлежал к хорошей семье католиков, которая имела постоянное жительство в Ланкашире. Пятнадцати лет от роду он остался сиротой. Его отец лишился всех своих имений во время междоусобной войны и умер в бедности.

Хотя молодой человек не имел состояния, зато он обладал красивой внешностью и изящными манерами. Кроме того, у него было несколько влиятельных друзей, и один из них представил его Карлу II. Добродушный король был так поражен его внешностью, что тотчас сделал его своим пажом.

Счастливая внешность молодого человека сослужила ему хорошую службу при дворе. Он пользовался большим успехом у дам и вел довольно веселый образ жизни.

Так же милостиво относился к нему и Иаков II, переведший его в свою гвардию. Поскольку дело шло о наружности, Кросби вполне оправдывал выбор короля и считался красивейшим мужчиной в полку. Но он был в то же время и лучшим офицером, отличаясь умом и храбростью.

Мы не будем следить здесь за его карьерой и ограничимся лишь упоминанием о том, что после изгнания его августейшего покровителя Вальтер сопровождал его во Францию и не раз исполнял тайные поручения сверженного короля, передавая его распоряжения ланкастерским якобитам, и принимал участие в заговоре, имевшем целью снова посадить Иакова на престол.

Великим его желанием было сопровождать Иакова в Ирландию, чтобы принять участие в осаде Лондондерри, но король не разрешил ему следовать за собою, полагая, что он будет гораздо полезнее в Ланкашире.

Капитан Кросби отличался огромным ростом и прекрасным сложением. Он был одет в темное дорожное платье, высокие сапоги и широкополую шляпу с пером.

Спутник его был гораздо ниже и коренастее его и казался старше его лет на двадцать. Сюртук из темного драпа с высоким стоячим воротником обличал в нем квакера.

На нем был скромный парик, простая шляпа и длинный белый галстук. Так как ехать ему приходилось верхом, то ему нельзя было отказаться от некоторого комфорта в виде больших сапог и хлыста, которым он владел так же легко, как и полковник.

Лицо доктора Бромфилда носило отпечаток доброты и кротости. Хотя он, очевидно, принадлежал к мирным людям, но натура у него была боевая, и его легко было вовлечь в мятежное восстание. Он немало изъездил на своем веку и – странное дело – всюду находил прекрасный прием у католического дворянства Северной Англии, у которого чувствовал себя как дома.

Некоторые утверждали, что одевание квакера было простым маскарадом, но слухи эти оставались голословными. Достоверно было только одно, – что он был в дружбе со знаменитым Вильямом Пенном.

Доктор Бромфилд впервые появился в Майерскофе, хотя его давно уже приглашали приехать сюда. Он прибыл прямо из Престона, где встретился с Вальтером Кросби, который и привез его с собою.

Пока полковник приветливо здоровался с новоприбывшими, доктор Бромфилд быстро осмотрел зал и заметил таможенных досмотрщиков, о которых его успел предупредить Горнби.

Он узнал также Арчера и Фоулера и припомнил Каусона, на судне которого ему однажды пришлось совершать переход.

– У вас здесь, как я вижу, не совсем приятные посетители, друг мой, – сказал он полковнику.

– Да. Не знаю, что мне с ними делать. Если отпустить их, то они, очевидно, добьются приказа о моем аресте.

– Кроме того, они легко могут получить помощь от капитана Бриджа, который рыщет в окрестностях с отрядом голландских драгун, – сказал Вальтер Кросби.

– Не лучше ли было бы подкупить их? – спросил доктор Бромфилд. – Я мог бы попробовать спасти вас от ланкастерской тюрьмы.

– Как вы думаете, возьмут они взятку или нет? – спросил полковник.

– Ручаюсь вам, что возьмут, только дайте побольше, – продолжал Бромфилд.

– Капитана Бриджа и его гвардейцев также можно подкупить, – заметил Кросби.

– Отлично, я дам этим молодцам на дорогу, – сказал полковник. – Но нужно иметь какое-нибудь ручательство в том, что они не явятся сюда вторично.

– Тогда застрелить их обоих, – засмеялся Вальтер.

– Нет. Это вызовет волнение. Уведите их в другую комнату, а я устрою дело к вашему удовольствию, – промолвил доктор Бромфилд.

Послушавшись его, полковник увел таможенных в свой кабинет, куда за ними последовал и доктор.

Полковник отпер бюро и вынул оттуда мешок с золотом.

– Сколько у вас здесь? – спросил Бромфилд.

– Двести гиней. Довольно этого?

– Даже слишком. Лучше действовать прямо.

По его знаку ввели обоих таможенных.

– Пусть подадут лошадей этих джентльменов, – сказал полковник.

Горнби поклонился и вышел.

– Стало быть, вы хотите отпустить нас, полковник, – воскликнули досмотрщики.

– Доктор Бромфилд объяснит вам мои намерения.

– Полковник Тильдеслей полагает, что некоторые неприятности, которые здесь произошли, нужно предать забвению, – сказал Бромфилд. – Он надеется, что мы можем лучше столкнуться между собою. В доказательство своего доброго расположения к вам он просит вас принять от него этот мешок с деньгами, в котором, как мне известно, двести гиней.

Услышав эту цифру, таможенные не могли скрыть своего изумления и жадно посматривали на мешок, не решаясь, однако, взять его.

Видя, что они колеблются, доктор Бромфилд стал действовать энергичнее.

– Не отказывайтесь, пожалуйста, от этого подарка, – сказал он. – Вы можете оказать полковнику Тильдеслею услугу, за которую он готов поблагодарить вас заранее.

После такого намека досмотрщики, не говоря ни слова, взяли мешок и заявили, что они готовы исполнить желание полковника и не будут больше вмешиваться в его дела.

– Я полагаю, что Каусона вам лучше взять с собою, – сказал вошедший полковник.

Таможенные выразили согласие и вскоре вместе с судовладельцем покинули Майерскоф.

Прибыв в маленькую гостиницу в Кокергам, они нашли там почтовых лошадей, которые уже вернулись обратно. На этот раз они не нашли нужным входить в какие бы то ни было объяснения с Томом Твистеном, но хитрый трактирщик быстро заметил, что они более чем довольны результатом своей поездки.

II

Тайный предатель

После отъезда таможенных и Каусона гости и хозяева Майерскофа собрались в комнате, прилегавшей к библиотеке, и стали совещаться о том, что теперь делать. На этом

совещании было разрешено присутствовать и Беатрисе в качестве ревностной сторонницы короля Иакова.

Велено было принести сюда седельные вьюки, которыми Горнби успел овладеть в церкви, и Лент – мы должны с этих пор называть его настоящим именем – открыл их. Он вынул оттуда несколько бланков патентов и положил их на стол, за которым сидели все присутствовавшие.

– Я привез эти патенты прямо от его величества короля Иакова, которого я имел счастье видеть всего неделю тому назад с генералами Розеном и Гамильтоном перед Лондондерри. Один из этих патентов предназначается для вас, полковник, – сказал он, обращаясь к Тильдеслею. – Это назначение вас полковником драгунского полка с предоставлением вам права самому выбрать себе офицеров.

– Позвольте мне его, – сказал доктор Бромфилд, запасшийся уже свечой и воском.

Приложив к приказу большую печать, он передал его полковнику Тильдеслею, который принял его на коленях и поднес к губам с видом самой глубокой преданности.

– Я положу свою жизнь за восстановление моего короля, – сказал он. – Первое, что я сделаю по предоставленному мне праву, – это назначу вас майором в мой полк, – прибавил он, обращаясь к Вальтеру Кросби.

С этими словами он взял перо и заполнил бланк именем молодого человека.

– Уверен, что я оправдаю ваше доверие, – отвечал Кросби, горячо благодаря полковника за оказанное ему отличие.

– Я никогда и не сомневался в этом, – последовал ответ.

Беатриса, видимо, была в восторге.

– Если вы укомплектуете ваш полк так же удачно, как вы начали, – сказала она, – то королю можно будет лишь радоваться.

– Кого прикажете вписать подполковником? – спросил доктор Бромфилд.

– Джона Джерлингтона, – отвечал Тильдеслей. – А капитанами я назначаю Генри Бутлера, Александра Бутлера и Томаса Каруса, лейтенантами Вильяма Вестби, Джорджа Каруса и Томаса Бутлера, корнетами Николаса Найна и Чарлза Кола.

– Но согласятся ли все эти господа занять предлагаемые должности? – спросил Лент.

– Все согласятся. Я отвечаю за них, – отвечал полковник.

– В таком случае полк сформирован, – заметил доктор Бромфилд, продолжавший вписывать имена.

– Сформирован только офицерский состав, – возразил полковник Тильдеслей. – Но нужно еще позаботиться о людях, лошадях, оружии и амуниции. Как бы то ни было, я ручаюсь, что через месяц все будет готово.

– Полковник Тильдеслей всегда обещает только то, что может сделать, – заметил отец Джонсон.

– Мы будем в состоянии поднять целую дюжину конных полков в этой местности, – сказал Лент. – Лорд Молинэ и сэр Вильгельм Джерард писали уже королю Иакову, что его величество может вполне на них рассчитывать.

– Король приказывает всем своим верным подданным в Ланкашире и Йоркшире быть наготове, – сказал Трельфолль. – Как только они услышат, что герцог Берик высадился в Шотландии, пусть они ждут его прибытия из Ирландии с большими силами.

– Вторжение произойдет со всех сторон, – сказал Кросби. – Одновременно французы высадятся в Корнвелле и оттуда двинутся на Лондон.

– Вы хотите присоединиться к ним? – тихо спросила Беатриса.

– Хорошенько еще не знаю, – отвечал он, – но думаю сделать так.

– Бог скоро изгонит узурпатора из пределов королевства! – вскричал отец Джонсон.

– Аминь! – произнес доктор Бромфилд. – Куда вы теперь двинетесь? – спросил он у Лента.

– Сначала мне нужно попасть в Денкенгальф-Парк. Я желал бы переговорить с полковником Вольмслеем. Затем я поеду к сэру Томасу Клифтону, от него к Филиппу Лангтону, Вильяму Дикконсону и, наконец, к Блонделлю.

– Все это народ верный и честный, – сказал Бромфилд. – В Чешире можно ручаться за Эгертона, Чольмондлея из Королевской Долины и Чольмондлея из Гольфорда.

– А в Камберленде и Нортумберленде я отвечаю за двадцать хороших семей, – сказал Трельфолль. – В этих округах завербовано уже более четырех тысяч человек. Как только король высадится, Карлайл и Ньюкасл окажутся в его руках. Тогда можно будет атаковать Берик и Честер.

– За успех можно ручаться, только бы наши планы не потерпели крушения, – заметил Вальтер.

– Вы, конечно, понимаете, полковник, что ни я, ни Лент не можем оставаться здесь долее, – сказал Трельфолль. – Через час мы должны отправляться далее для исполнения возложенных на нас поручений. Как я уже говорил, я беру на себя Камберленд, Нортумберленд и округа, лежащие между ними, а мистер Лент ограничится Честером и Ланкаширом. Но нам нужны лошади.

– Лошади для вас будут, – отвечал полковник. – Только пришлите мне их обратно, они мне понадобятся самому. Вы оказали бы мне огромную услугу, если бы приняли на себя вербовку для меня людей да, кстати, закупили бы и лошадей.

– Можете рассчитывать на нас, полковник, – сказал Лент. – Но для этого нужно иметь на руках кое-какие деньги – хотя бы по сотне каждому.

– Пойдемте со мной в кабинет, – предложил Тильдеслей.

– С вашего позволения, я пойду с вами, господа, – сказал отец Джонсон. – Я хочу вам дать кое-какие советы.

Гости разделились. Полковник с своими собеседниками удалился в кабинет, а остальные вышли в сад.

Стоял великолепный день. Трудно было найти что-нибудь более очаровательное, чем этот старомодный майерскофский сад. Доктор Бромфилд сел на скамейку, а Вальтер и Беатриса отправились гулять.

Медленно отойдя на несколько шагов, они остановились под тенью развесистого дуба.

– Если не ошибаюсь, я должен был видеть вас и полковника сегодня утром в Престоне, – начал Вальтер.

– Нас задержали эти таможенные досмотрщики. Но мы поедем туда днем, если мистер Тильдеслей будет свободен. Вы долго были в Престоне, Вальтер?

– Со вчерашнего дня. Я приехал к вашему отцу вместе с доктором Бромфилдом и застал его поглощенным приготовлениями к восстанию. Я должен скоро вернуться в Сен-Жермен, если здесь не произойдет чего-нибудь важного. Вы знаете, я теперь пользуюсь полным доверием королевы. Она вечно устраивает какой-нибудь заговор для восстановления короля и при этом всегда пользуется моими услугами.

– Вам доставляет удовольствие служить ей?

– Иначе и быть не может. Королева Мария – очаровательнейшая из женщин.

– Мне бы так хотелось быть фрейлиной ее величества, – сказала Беатриса. – Я уверена, я полюбила бы Сен-Жермен.

– Надеюсь, что двор скоро вернется в Сент-Джемский дворец, и тогда вы сможете исполнить свое желание, – отвечал Кросби.

– Я предпочитала бы быть во французском дворце, – сказала Беатриса. – Но я говорю о дворе, как будто бы знаю, что такое двор. А между тем я его никогда не видала, да, по всей вероятности, никогда и не увижу, – прибавила она, вздохнув.

– Нельзя так говорить, – возразил Вальтер. – Если когда-нибудь вы будете представлены королеве Марии, я уверен, что вы скоро завоюете ее расположение.

– Вы льстите мне, Вальтер.

– Нет. Вы как раз из тех, кто нравится королеве. Вы отличаетесь откровенностью и прямоотой, которая способна очаровать ее. Я уверен, что в один прекрасный день вы будете в числе ее приближенных.

– Будем надеяться, – воскликнула она. – Вы можете помочь мне в этом. Но что вы теперь будете делать и останетесь ли здесь?

– Ненадолго. Я ожидаю приказаний короля. Мне, должно быть, придется сопровождать доктора Бромфилда.

– Он действительно квакер, этот доктор Бромфилд? – спросила Беатриса. – Мне как-то не верится в это.

– Не спрашивайте меня. Это необыкновенная личность, к какой бы религиозной секте он ни принадлежал. Я привез его сегодня с собою, так как он хотел познакомиться с полковником Тильдеслеем, с которым ему не приходилось еще встречаться. За исключением полковника Паркера, это самый деятельный из всех приверженцев короля Иакова.

– Вы слишком мало цените себя, Вальтер. Вы деятельнее их всех.

– Я могу только ездить быстрее и дольше их. Могу исполнять важные поручения и привозить больше ответов. Но я не могу так хорошо обдумывать заговор. Полковник Паркер – отличный офицер. Он в прекрасных отношениях с королем. Когда вспыхнет восстание, он, несомненно, будет поставлен во главе его. Теперь он в Престоне.

– Здесь, в Майерскофе, должен быть сбор всех якобитских сил, – сказала Беатриса. – Сэр Джон Фенвик из Нортумберленда, который, как вы знаете, находится во главе нашей партии, собирается посетить полковника Тильдеслея. Для встречи будут приглашены некоторые его друзья.

– Сэр Джон Фенвик и леди Мария уже едут сюда и будут здесь, вероятно, сегодня же, – сказал Вальтер. – Они останавливались у полковника Тоунлея и приедут сюда вместе с ним и Паркером.

– Мне никогда не случалось видеть Фенвика. Говорят, он очень красив, но чересчур высокомерен.

– Вам описали его совершенно верно, – ответил Вальтер. – Он страшно горд. Он, впрочем, имеет право гордиться, так как принадлежит к одному из древнейших родов, который владеет Фенвиком со времен Генриха Третьего. Их род всегда отличался воинственностью и бесчисленное количество раз принимал участие во всяких военных столкновениях. Сэр Джон и сам в тысяча шестьсот семьдесят шестом году командовал с отличием конным полком у принца Оранского. Но хотя он и служил у принца, однако не отрекся от своего законного государя и отказался поднять меч за узурпатора. Леди Фенвик, дочь графа Карлейля, точно так же предана королю Иакову.

– Я знаю это, – заметила Беатриса. – Сэр Джон является, без сомнения, призванным вождем якобитов. Но почему он не с королем под Лондондерри?

– Он будет полезнее для его величества здесь, – отвечал Вальтер.

Здесь их разговор был прерван доктором Бромфилдом, который объявил, что приехала из Престона миссис Тильдеслей, а с нею сэр Джон Фенвик с супругой и полковник Паркер.

– Как это странно! – воскликнула Беатриса. – Мы только что говорили о них. Пойдемте скорее в дом: мне хочется видеть Фенвиков.

Они нашли гостей уже в зале.

Миссис Тильдеслей, прибывшая из Престона в своем экипаже, быстро поднялась по лестнице и вместе с мужем встречала своих знатных гостей.

Действительно, нортумберлендский баронет был очень красив, чему немало способствовал и его костюм. Богато вышитый камзол красного цвета прекрасно облегал его высокую элегантную фигуру. Большой ненапудренный парик из светло-каштановых волос широкими кудрями падал на его плечи. Галстук его был из голландских кружев. Такие же кружева украшали его рукава. Через плечо на богато украшенной перевязи висела шпага. На ногах были шелковые чулки и высокие башмаки, которые застегивались брильянтовой пряжкой. В руках он держал вышитую шляпу с пером, ухитряясь в то же время беспрестанно открывать свою табакерку.

Манеры сэра Джона Фенвика вообще были довольно высокомерны, но теперь он держался непринужденно, что с ним бывало довольно редко, и был особенно любезен с окружающими.

Леди Мэри Фенвик, как мы упоминали уже, была дочерью графа Карлейля. Она отличалась приветливым обращением и хотя не блистала красотой, однако не была и дурнушкой. У нее были кроткие голубые глаза, прекрасный цвет лица, в котором косметическое искусство было ни при чем, и выразительное лицо, привлекавшее к ней немало поклонников.

Полковник Тильдеслей, которому никогда еще не приходилось ее видеть, был от нее в восторге.

К тому времени женский костюм стал скромнее, и прелести, которые в эпоху Карла II, быть может, слишком явно выставлялись напоказ, теперь тщательно прикрывались, так что вся фигура пряталась в длинный, туго зашнурованный корсаж. Широкие рукава теперь сменились узкими, обшитыми кружевами, которые спускались до локтя...

Косы не спадали уже на плечи, как было во времена графа де Граммона, но заплетались на лбу, украшались лентами и покрывались сверху богатой фатой.

Так были причесаны обе дамы – леди Фенвик и миссис Тильдеслей.

Высокая прическа с целым ворохом лент делала первую выше ростом. Зато миссис Тильдеслей, которая была моложе и красивее, эта прическа не совсем шла, и прежняя мода, несомненно, была бы ей более к лицу.

Полковник Тоунлей, принадлежавший к одной из самых старых католических семей Ланкашира и немало пострадавший за принадлежность к религии своих отцов, имел вид настоящего сельского дворянина, который большую часть своего времени посвящает охоте и спорту.

Он был воплощением здоровья. Хотя он уже давно перешел средний возраст, но смотрелся таким бодрым и веселым, что можно было бы поручиться, что он проживет еще лет пятьдесят, если не сломает себе шею на охоте.

Приятно было смотреть на это свежее, полное добродушия лицо с голубыми глазами.

Полковник Паркер, приехавший с ним в одном экипаже, был гораздо моложе его. Он точно так же принадлежал к хорошей ланкаширской фамилии, но не обладал собственным именем. Его красивое лицо принимало иногда зловещее выражение, но его манеры были удивительно мягки и подкупающи.

На нем был полувоенный дорожный костюм, парик, треугольная шляпа с пером, большие сапоги и шпага.

Как мы уже сказали, Паркер был закоренелым приверженцем короля Иакова и принимал участие в каждом заговоре, имевшем целью восстановление изгнанного короля. Говорили, что он не был чужд и замыслов убить того, кого он называл узурпатором. Король Вильгельм чем-то оскорбил его, и Паркер дал клятву отомстить ему за это.

Полковник был давно в дружбе с отцом Джонсоном, который радостно приветствовал его приезд. Пока Тильдеслей принимал Фенвиков, они отошли в сторону и принялись беседовать.

– Наконец-то я вижу в Майерскофе вас и леди Марию, – сказал хозяин, обращаясь к своим знатым гостям. – Много раз я ждал вас к себе, но все напрасно.

– Мне нечего объяснять вам, почему я мог попасть к вам только теперь, полковник, – отвечал сэр Джон. – Но я очень рад, что я наконец у вас. Резиденция вашего храброго деда всегда была для меня предметом живейшего любопытства.

– И для меня, – прибавила леди Мария. – Я и не подозревала, что это такой прелестный уголок.

– Ему, конечно, далеко до Тоунлея, – возразил полковник.

– Может быть, у вас нет таких дубов, как у нас, – заметил полковник Тоунлей, – зато у нас нет ничего подобного этому прекрасному залу.

– Вы, очевидно, говорите это из любезности, сэр, – отвечал хозяин. – Но каковы бы ни были достоинства и недостатки моего дома, он достаточно велик для того, чтобы принимать в нем моих друзей, и я рад видеть вас у себя.

Он подошел к гостю, и они обменялись рукопожатием.

– Надеюсь, вы привезли с собою хорошие новости.

– Превосходные новости из Шотландии, – отвечал Паркер. – Виконт Денди только что выиграл большое сражение и разбил генерала Маки при Килликранки. К несчастью, сам Денди ранен насмерть.

– Это лишает победу половины ее значения, – заметил полковник Тильдеслей.

– Эта новость была получена из Шотландии с нарочным. Послали уже сказать об этом королю Иакову. Отец Джонсон передавал мне, что здесь были Лент и Трельфолль.

– Они только что уехали, едва избегнув таможенных и ареста, – отвечал хозяин. – Дело, кажется, хорошо идет в Ирландии, хотя осада Лондондерри затягивается. Но я с удовольствием узнал, что наши друзья в этой стране готовы восстать.

– Они только ждут сигнала, – сказал Паркер. – Но как-нибудь при более удобном случае я расскажу вам все подробности.

– Пойдемте со мною в библиотеку. Там нам не помешают, – предложил полковник Тильдеслей. – Я горю нетерпением узнать, как идут наши дела.

И, обратившись к леди Марии, он просил извинить его, если он на несколько минут оставит ее в обществе своей жены.

– Пожалуйста, не стесняйтесь, полковник, – отвечала она. – Женщинам нечего делать, когда мужчины говорят о делах.

– Позвольте с вами не согласиться, – заметила миссис Тильдеслей. – Я полагаю, что иной раз и мы, женщины, можем дать хороший совет. Но если у нас его не спрашивают, то, конечно, нам нечего и беспокоиться. Пока мужчины будут обсуждать дела, позвольте мне проводить вас в вашу комнату.

Пройдя через зал, леди Мария в сопровождении хозяйки поднялась по лестнице и вошла в большую комнату, отделанную темным дубом и сплошь увешанную коврами. Здесь стояла старинная мебель, дубовая кровать с высокой резной спинкой и тяжелое канапе.

Благодаря такой меблировке комната имела мрачный вид, но леди Мария осталась, по-видимому, вполне довольна ею.

Между тем мужчины, собравшиеся в библиотеке, уселись вокруг стола, стоявшего в середине комнаты.

За дверями стал Горнби, которому был дан строгий приказ никого не пропускать в библиотеку.

– Теперь можно открыть наше совещание, господа, – сказал хозяин. – Позволяю себе спросить наиболее из нас осведомленных: все ли готово для восстания?

– Мы ждем только приказа короля, – отвечал Паркер. – Доктор Бромфилд и мистер Кросби, которые так же хорошо знают положение дел, как и я, могут подтвердить, что все приготовления уже сделаны, оружие, седла, сбруя – словом, все необходимое уже имеется и скрыто в домах наших единомышленников. Во всех частях графства и прилегающих к ним местностях уже наберено изрядное количество людей. Кроме того, помощь людьми и оружием мы получим от короля Людовика Четырнадцатого.

– По этому поводу я доставил лорду Молинэ письмо королевы Марии, – сказал Вальтер Кросби.

– А я получил письмо от лорда Мельфорда, – сказал доктор Бромфилд, – в котором его милость сообщает, что, как только Лондондерри будет взят, – а это может случиться каждую минуту, – король Иаков высадится в Англии. В то же самое время в Шотландии высадится герцог Берик. Победа, которую одержал храбрый Денди, без сомнения, заставит его теперь действовать.

– При всей вашей осведомленности вы, может быть, не знаете, – сказал Джон Фенвик, сидевший рядом с хозяином, – что в Нортумберленде размещено уже пятьсот ирландских солдат. Через несколько дней они будут готовы помогать королю Иакову, если в здешних местах вспыхнет восстание.

Со всех сторон слышались выражения живейшего удовольствия.

– Я, с своей стороны, могу рассчитывать на сотню людей, которых я берусь снарядить, – сказал полковник Тоунлей. – Со мной будут подполковник Стандиш и капитан Бирлей.

– А я могу выставить конный полк, командиром которого я назначен, – заявил, в свою очередь, хозяин. – Со мной будет подполковник Гирлингтон и полдюжины офицеров. У меня сделан большой запас оружия, которое скрыто здесь в доме. Настоятель нашей церкви может вам подтвердить это.

– Да, да, оружие и снаряжение на целый полк, – отозвался отец Джонсон.

– Все это хорошо, господа, – заметил полковник Паркер. – Но вы забываете одно: мы не можем оставить короля в Ирландии без поддержки. Герцог Шомбергский, храбрость и военные дарования которого отрицать нельзя, поспешно набрал из английского ополчения и французских беглецов армию в десять тысяч человек, которую он предполагает высадить в Ульстере. Вскоре, следовательно, произойдет битва, которая может существенно повредить нашим будущим планам. Но каков бы ни был исход сражения, по-моему, только одним путем можно обеспечить наш успех.

– Говорите, говорите, – воскликнул отец Джонсон.

– Вильгельм Нассауский теперь в Голландии. Он не должен вернуться сюда обратно.

– Это, конечно, в высшей степени желательно, – сказал священник. – Но как воспрепятствовать ему?

– Не догадываетесь? – значительно спросил Паркер.

Ответ был у всех на языке, но возражений не было.

В конце концов заговорил полковник Тильдеслей.

– Я не хочу делать вид, будто не понял вас, полковник Паркер, – сказал он серьезно. – Но как ни желательно устранить принца, нужно же все-таки быть справедливым.

– Это злейший враг нашей религии, – сказал отец Джонсон.

– Это узурпатор, – добавил доктор Бромфилд. – Он не имеет никакого права на престол.

– Но все-таки не следует лишать его жизни, – отвечал полковник Тильдеслей.

– Нет, нет! – вскричал Тоунлей. – Я никогда не приму участия в таком предприятии!

– Вы слишком уж щепетильны, господа, – сказал Паркер.

– И я так думаю, – добавил Бромфилд.

– Ваше предложение довольно неожиданно. Нужно его хорошенько обдумать, – сказал Фенвик.

– Незачем его и обдумывать, – возразил Тильдеслей.

– В таком случае позвольте мне заметить, – сказал Паркер, – что этот план был одобрен, даже больше того – подсказан одним из высших иерархов нашей святой церкви.

– Не отрицаю этого, – сказал Джонсон.

– Но если этот план и встретил поддержку кое-кого, то все равно нужно отказаться от него, – продолжал Тильдеслей. – Если мы приведем его в исполнение, то этим самым только повредим своему делу.

– Вильгельм Нассауский навлек на себя такую ненависть, что сотни кинжалов готовы его поразить, – сказал Паркер. – Удивительно, как еще до него никто не добрался.

– Предоставьте его своей судьбе, – заметил полковник Тоунлей.

– Вы еще не высказались, капитан Кросби, – сказал Фенвик. – Одобряете вы этот замысел?

– Да, – отвечал Вальтер. – Пускай другие действуют, как им кажется лучше.

– Не будем больше говорить об этом, – продолжал Фенвик. – Вы, по-видимому, не совсем согласны. Но я желал бы предложить несколько вопросов. Я слышал, что флот французского короля еще не готов, а укрепления Бреста, Шербурга и Гавра требуют исправлений. Между тем принц Оранский располагает здесь и в Голландии сотней кораблей.

– Ваши сведения неверны, сэр Джон, – отвечал Вальтер. – Укрепления, о которых вы говорите, в полной исправности. Это я могу удостоверить сам. Король Людовик намерен отправить целую эскадру из двадцати двух судов под командой графа де Шато-Реньо. Эта эскадра направится в залив Бентри и здесь встретится с адмиралом Гербертом.

– У нас есть, конечно, надежды на лучшее будущее, – сказал Тильдеслей. – И если мы одержим такую же победу, как при Килликранки, то мы можем овладеть и Эдинбургом, где у нас много сторонников.

– У нас есть там друзья, которые захватят крепость, как только высадится герцог Берик, – сказал Джон Фенвик.

– Все идет так хорошо, – заметил полковник Тильдеслей, – что нам, очевидно, незачем прибегать к бесчестным средствам. А теперь я хотел бы показать вам мои запасы оружия.

При этих словах все встали и вышли из комнаты, кроме полковника Паркера, доктора Бромфилда и священника, которые, видимо, остались недовольны результатами совещания.

– Жалею, что открыл им свой план, – сказал Паркер. – Я думал, что его примут совершенно иначе. Но я не оставляю его.

– Полагаю, что сэр Джон Фенвик присоединится к нам, – заметил доктор.

– Наверно, – подтвердил Джонсон. – Я переговорю с ним наедине.

Тем временем мужчины вышли из библиотеки, к ним присоединились сверху дамы, и все общество направилось опять в зал. Но здесь гости оставались недолго.

Полковнику очень хотелось показать сделанные им запасы оружия, и он повел их по разным потайным комнатам, где было сложено множество седел, сбруй, кобур, два или три ящика сабель, мушкетов, пистолетов, пик, барабанов, литавр, труб, два знамени и амуниция, которой хватило бы даже для двух полков.

Полковник Тильдеслей объявил также, что у него большой запас пороха и что дюжина бочонков спрятана в подвалах.

– Вполне достаточно для того, чтобы взорвать этот дом, – со смехом сказал Тоунлей.

– Вполне достаточно для того, чтобы взорвать полдюжины таких домов, – поправил его Паркер. – Я желал бы, чтобы принц Оранский явился сюда. Отсюда можно было бы отправить его на Небеса. У вас, полковник, конечно, найдется и соответствующее число лошадей для этого запаса сбруй?

– Да, – отвечал хозяин. – Я вполне подготовился. Я сегодня ожидаю ко мне подполковника Гирлингтона. Будут также капитан Бутлер, капитан Карус и лейтенант Вестби.

– Буду очень рад их всех видеть, – сказал сэр Фенвик.

– Да вот как раз и они: въезжают на двор! – воскликнул полковник Тоунлей.

Хозяин поспешил навстречу новопривывшим.

В этот день в Майерскофе, очевидно, должен был состояться большой съезд якобитов. Едва успел полковник Тильдеслей принять офицеров, о которых мы только что упомянули, как пожаловали еще более важные лица: лорд Молинэ, сэр Вильям Джерард и сэр Роуланд Станлей. Они приехали верхом в сопровождении полудюжины конных слуг.

Лорд Молинэ, полковник Тильдеслей и Тоунби были свойственниками.

– Благодарю вас, дорогой лорд, за ваш приезд ко мне, – приветствовал его хозяин. – Он тем более приятен, что мы не ждали вас.

– Не ждали? Как не ждали? – вскричал лорд Молинэ. – Ведь я же получил приглашение от вас!

– И мы тоже, – сказали Джерард и Станлей.

– Приглашение шло не от меня, – отвечал Тильдеслей, – и я подозреваю здесь дурной умысел. Тем не менее, повторяю, я очень рад видеть вас. Вы встретите здесь кое-кого из ваших друзей.

И он перечислил всех, кто в это время был в доме.

Но все были удивлены еще более, когда вслед за ними прибыли еще три важных приверженца партии якобитов – сэр Томас Клифтон, мистер Вильям Дикконсон и мистер Филипп Лангтон.

Они также приехали верхом в сопровождении своих слуг.

Никого из них полковник Тильдеслей не приглашал. Очевидно, тут был какой-то злой умысел. И хозяину и его гостям приходилось принять все предосторожности для сохранения своей безопасности.

Первою их мыслью было уехать скорее обратно, но по просьбе хозяина, сэра Фенвика и полковника Тоунлея решено было остаться всем на короткое время и обдумать положение.

Во избежание какой-либо нечаянности полковник Тильдеслей приказал запереть ворота парка и сторожить мост. Лошадей не отводили на конюшни, слуги оставались при них.

– Теперь мы в состоянии отбить даже сильное нападение, – сказал лорд Молинэ.

– Не думаю, чтобы кто-нибудь решился на такой безрассудный шаг, – сказал хозяин. – Однако это следует иметь все-таки в виду.

С этими словами он повел их в дом и там представил дамам, которые были чрезвычайно удивлены таким неожиданным наплывом гостей. Еще более удивились они, когда те объяснили, что все они явились по приглашению.

Миссис Тильдеслей была убеждена, что за этим кроется что-то ужасное, но Беатриса пыталась ободрить ее.

После нескольких слов взаимных приветствий полковник Паркер обратился к собравшимся и сказал:

– Очень понятно, почему эти приглашения были сделаны от имени полковника Тильдеслея. Очевидно, имелось в виду собрать в одно место всех наиболее видных приверженцев короля Иакова в этой местности и затем арестовать их как сообщников измены. Без сомнения, об этом уже отдан соответствующий приказ, и капитан Бридж с голландскими драгунами сейчас нагрянет сюда. Хозяин высказался в том смысле, что не следует сопротивляться им. В таком случае нам останется только бежать, так как невозможно скрыть столько людей и лошадей. Но, – прибавил он, переменяв тон, – я лично полагаю, что нам нужно сопротив-

ляться. У нас много людей и оружия, а дом с его рвом и мостом делает сопротивление вполне возможным.

– Конечно, дом можно защищать с успехом, – подтвердил Тильдеслей. – Но мне бы не хотелось прибегать к этому, ибо открытое сопротивление может повлечь весьма нежелательные последствия для нашей партии.

– Конечно, – поддержал его Тоунлей. – Не долее как через неделю мы все очутимся в ланкаширской крепости. Мой совет – сейчас же отправляться всем отсюда и ехать вместе до Престопа. Если же мы разделимся, то, хотя большинству и удастся ускользнуть, некоторые все-таки будут захвачены.

– Вы правы, полковник, – сказал лорд Молинэ. – Увидя нас всех вместе, капитан Бридж не решится напасть на нас, зато мы можем атаковать его, если пожелаем.

– Я всем вам дам оружие, – сказал Тильдеслей.

Выпив полные стаканы за здоровье короля Иакова, гости стали готовиться к отъезду. Так как Майерскоф был теперь не совсем надежным убежищем, то дамы также изъявили желание ехать к Тоунлею.

Стеречь дом должны были остаться полковник и отец Джонсон.

Вскоре все было готово к отъезду.

Всем невооруженным розданы были пистолеты, а конюхи повесили через плечо по мушкету.

Авангард состоял из шести вооруженных слуг с подполковником Гирлингтоном, капитаном Бутлером, Карусом, лордом Молинэ, сэром Джерардом и сэром Станлеем.

За ними ехали несколько вооруженных слуг, за которыми двигался большой экипаж Тоунлея с леди Фенвик и миссис Тильдеслей.

По одну сторону экипажа ехал сам полковник Тоунлей, по другую – доктор Бромфилд. Полковник Паркер ехал один. В арьергарде следовали Беатриса и Вальтер Кросби.

Кавалькада проехала уже мили четыре по дороге к Престону, не встречая никаких препятствий, как вдруг вдали показалась группа всадников, быстро ехавших от Браутона.

Не было сомнения, что это капитан Бридж с его голландскими драгунами. Он ехал на сильном коне. То был красивый человек в малиновом камзоле, треугольной шляпе с пером и в больших сапогах. Из кобур у него торчали пистолеты, а через плечо свешивалась длинная сабля. Смотрел он грозно и властно.

Крупные голландские драгуны отлично сидели на лошадях. На них красовались стальные латы.

Увидев якобитов, капитан Бридж сначала изумился их многочисленности, но затем громким голосом приказал им остановиться и выстроил своих людей поперек дороги, как бы желая преградить им дальнейший путь.

Полковник Паркер, которому было вверено командование якобитами, выехал вперед и надменно спросил, почему им мешают ехать.

– Отвечайте на мои вопросы, – строго сказал капитан Бридж. – Откуда вы едете? Куда вы едете и зачем?

– Мы не желаем отвечать ни на какие вопросы, – сказал Паркер. – Прочь с дороги и позвольте нам проехать.

– Ага! – свирепо воскликнул Бридж. – Вы изменники и якобиты, вы воображаете, что вам удастся безнаказанно составить заговор против короля. Но вы ошибаетесь, мне известно, что у вас было изменническое совещание в доме полковника Тильдеслея в Майерскофе.

– Откуда вам это известно? – спросил Паркер.

– Я получил точные сведения обо всем, что вы затеваете, – отвечал капитан Бридж.

– Вы сами затеваете измену, – сказал Паркер. – Большинство этих господ приехало в Майерскоф по ложному приглашению, очевидно разосланному вами.

– Это ложь, – вскричал Бридж с деланным негодованием. – Мне не было никакой надобности заманивать вас в ловушку. Я давно бы мог арестовать и вас всех, и еще некоторых озлобленных и опасных лиц в этой местности, но ожидал только удобного случая, чтобы захватить вас всех разом.

– Но, не найдя такого случая и не желая примириться с неудачей, вы и решили прибегнуть к этой бесчестной уловке, – отвечал Паркер. – Знайте, однако, что мы вовсе не расположены превратиться в ваших пленников и, если вы вздумаете арестовать нас, мы будем сопротивляться.

Эти слова были сказаны так решительно, что Бридж стал колебаться и обернулся на седле, чтобы взглянуть на своих людей.

Те стояли по-прежнему безмолвно и, по-видимому, не совсем ясно понимали все происходящее. Но в то же время они готовы были исполнить любое приказание своего командира.

Бридж колебался.

Его план не удался. Он надеялся захватить всех якобитов в Майерскофе, но теперь ясно видел, что будет разбит, если вздумает арестовать их силой.

Не стараясь даже скрыть своей досады, он повернул лошадь и скомандовал своим людям следовать за ним.

Когда капитан Бридж остановил кавалькаду якобитов, Беатриса, как мы уже знаем, ехала рядом с капитаном Кросби.

Вдруг ее лошадь, чего-то испугавшись, бросилась в сторону. Вальтер последовал за нею. Испуганное животное бросилось с дороги налево в кустарник и понеслось по полю. Вальтер полетел за невольной беглянкой и держался рядом с нею, стараясь предупредить всякую опасность.

Таким образом они неслись почти три мили. Наконец лошади стали обнаруживать признаки усталости, а всадникам, ни на минуту не потерявшим мужества, удалось наконец остановить их.

Вальтер сошел с лошади и поздравил Беатрису с избавлением от опасности.

– Ваша лошадь неслась так, что я боялся, как бы вы не упали в реку.

– Ну, нет, хотя я не могла остановить ее, но я отлично знала, где опасность, и повернула ее от реки. Но злое животное как будто замышляло что-то против меня и пустилось опять в Майерскоф.

– Не видно уже ни врагов, ни друзей, – сказал Вальтер, оглядываясь кругом. – Что мы будем теперь делать?

– Ехать в Престон, конечно, – отвечала Беатриса.

Но это оказалось невозможным. Во время скачки по полю ее лошадь повредила себе ногу и теперь едва шла, сильно хромая.

Оставалось только вернуться в Майерскоф. Вальтеру пришлось сопровождать свою спутницу.

Медленно ехали они вперед вдоль речки Бруна, подвигаясь к Майерскофу. Подъехав к воротам, они с удовольствием узнали, что капитан Бридж еще не приезжал сюда с своими драгунами. У Вальтера явилась мысль, что он и не решится потревожить их покой.

В парке никого не было, но на мосту их встретили с дюжину слуг, вооруженных мушкетерами.

Горнби немедленно доложил полковнику и отцу Джонсону о неожиданном возвращении Беатрисы и Вальтера, и те сейчас же вышли им навстречу. Узнав о случившемся, полковник решил послать гонца в Престон уведомить обо всем миссис Тильдеслей, а кстати сообщить, что капитан Бридж не появлялся в Майерскофе.

Вальтер хотел было сам исполнить это поручение, но полковник удержал его.

– Уж если случай заставил вас вернуться сюда, то оставайтесь здесь до завтра, – сказал он. – Если до завтра не произойдет ничего, тогда вам можно будет ехать беспрепятственно в Тоунлей.

– Я поступлю так, как вы желаете, полковник, – отвечал молодой человек, обменявшись взглядом с Беатрисой.

Все вошли в дом, где Вальтер еще раз рассказал в подробностях все случившееся с Беатрисой.

– Как вы думаете, явится сюда капитан Бридж? – спросил отец Джонсон.

– Трудно сказать, – отвечал Вальтер. – Я думал, что он уже здесь.

– Не верю, чтобы и теперь мы были в безопасности от него, – заметила Беатриса. – Я была в полной уверенности, что он захватит нас в плен.

– Святая Дева сохранила вас от большой опасности, дочь моя, – сказал священник. – Вы должны возблагодарить ее.

– Я и так хотела идти в церковь, – отвечала Беатриса.

– Мне прикажете идти с вами?

– Нет, я хочу быть одна.

С этими словами она вышла из комнаты. В церкви она горячо молилась перед изображением Святой Девы.

Вдруг ей показалось, что кто-то тихонько отворил дверь. Не поворачивая головы, она продолжала молиться.

Окончив молитву и поднявшись, она увидела перед собою Вальтера.

– Разве вы не слышали, как я сказала отцу Джонсону, что хочу быть одна? – спросила она, бросая на него недовольный взгляд.

– Прошу извинить мое вторжение, – отвечал он. – Мне нужно сказать вам несколько слов, и я хотел бы сделать это именно здесь.

– Говорите.

Несмотря на такое ободрение, он все еще колебался. Набравшись наконец смелости, он взял ее за руку, которую она не отнимала.

– Мне незачем повторять вам, как горячо я люблю вас, – начал он. – Но никогда моя любовь не была так сильна, как в ту минуту, когда вы понеслись от меня сегодня. Какое было бы для меня несчастье, если бы я лишился вас!

– Зачем строить такие предположения? – прервала она его. – Вам и не пришлось бы терять меня.

– Мы так редко остаемся наедине, – продолжал Вальтер. – А любовь, говорят, не терпит продолжительной разлуки.

– Но не такая любовь, как моя, Вальтер. Не бойтесь ничего. Верьте мне, что я нисколько не изменилась к вам.

– Я верю в это, пока слышу вашу речь и смотрю в ваши глаза. Но бывают минуты, когда на меня нападают сомнения и страх.

– Отгоняйте их сейчас же. Для них нет основания.

– О, как бы я хотел отогнать их! – вскричал он.

– Вы, по-видимому, обладаете ревнивым характером, Вальтер, и любите мучить себя.

– Может быть, – согласился он. – По временам я действительно жалок.

– Мне хочется посмеяться над вами, Вальтер. Неужели вы не замечаете, что сами на себя накликаете несчастье? Слышали ли вы, чтобы я предпочла вам кого-нибудь другого? Слышали ли вы, что кто-нибудь ухаживает за мною?

– Да, слышал. За вами ухаживают несколько человек. Я не уверен, что и теперь их нет.

– Никто не ухаживает за мною, Вальтер. Мне делали немало предложений, но я их все отвергла.

– Но когда-нибудь ваше сопротивление может быть сломлено.

– Не думаю, – сказала она с улыбкой.

– Ответьте мне, Беатриса, на один вопрос, но ответьте мне искренне. Если бы ваш отец стал уговаривать вас вступить в брак с другим, которого он считал бы более достойным, чем я, послушались ли бы вы его?

– Нет. Я уже показала свою непреклонность. Если даже потребуют этого мой отец и мой родственник полковник Тильдеслей, то я сумею показать свою стойкость. Я очень упряма и если раз на что-нибудь решусь, то никакие уговоры на меня не подействуют.

– Позвольте предложить вам другой вопрос. Ответ на него имеет для меня чрезвычайную важность. Ответьте откровенно.

– Постараюсь, если могу, – сказала она, отчасти угадав его намерение.

– Знает ли полковник Тильдеслей, что вы отдаете предпочтение мне?

– Он об этом никогда не говорил, но я полагаю, что он знает, – отвечала она.

– Будет ли он против нашего брака или за него?

– Не могу вам сказать. Думаю, однако, что мой отец не согласится на него.

Молодой человек издал возглас отчаяния.

– Стало быть, будет совершенно бесполезно говорить с ним об этом.

– Совершенно бесполезно. Вы получите категорический отказ. Предоставьте это мне.

– О, пожалуйста! – вскричал Вальтер. – Вот что я вам предложу, – продолжал он, видимо, опять начиная колебаться. – Впрочем, после того что вы сказали, я не смею этого предложить. Обручимся здесь перед лицом Святой Девы!

– Не требуйте этого от меня, Вальтер, – сказала Беатриса, отдергивая свою руку. – Я не хочу связывать себя таким образом.

– Во всяком случае, вы не любите меня так, как утверждаете! – вскричал он.

– Нет, я люблю вас. Но обстоятельства могут воспрепятствовать нашему браку.

– Вы не хотите дать торжественный обет в том, что будете моей, – сказал он тоном, полным тоски.

– Вовсе нет, – возразила она твердо и спокойно. – Я полагаю, что все будет именно так, как мы хотим, но обета я давать не желаю.

Вальтер отшатнулся и покачнулся, как будто получил сильный удар.

В это время дверь в церковь, которую молодой человек не притворил как следует, открылась, и вошел отец Джонсон.

– Вы правильно поступили, дочь моя, – сказал он, обращаясь к Беатрисе. – Я слышал все, что тут было, и одобряю ваше поведение.

– Не думал я, что и вы будете против меня! – воскликнул Вальтер.

– Я не против вас, – возразил священник. – Но я предвижу столько препятствий к вашему браку, что лучше всего не давать никаких обязательств. Вы должны ждать, пока не исполните то, что вы должны сделать.

Вальтер бросил умоляющий взгляд на Беатрису, но та оставалась непроницаемой.

Они вышли из церкви и двинулись в дом, где их нетерпеливо поджидали полковник Тильдеслей и Горнби.

Очевидно, что-то случилось.

– Вы как раз вовремя, – вскричал полковник. – Я уже хотел посылать за вами. Прибыл капитан Бридж со своими драгунами и требует, чтобы его впустили в дом. Он заявляет, что имеет приказ арестовать меня.

– Я сам видел этот приказ, – сказал Горнби.

– Где капитан Бридж? – спросил Вальтер.

– На той стороне моста.

– Вы, конечно, будете сопротивляться? – спросил Вальтер.

– Я еще не знаю. Прежде чем дать ему ответ, я хочу посоветоваться с отцом Джонсоном. Как мне поступить? – спросил он священника.

– Не могу вам сказать, – ответил тот. – Я могу ведь и ошибиться.

– Но я желаю знать ваше мнение.

– По-моему, сдаться было бы безопаснее, – сказал священник. – Капитана Бриджа с его драгунами можно, конечно, и прогнать. Но он опять вернется с подкреплением и возобновит атаку. Успех будет, вероятно, на его стороне.

– Но прежде чем они займут дом, вы можете бежать, – сказала Беатриса полковнику.

– Я не хочу спасаться бегством, – возразил тот.

– Как? Вы не будете сопротивляться и покорно отдадите себя в их руки? – с изумлением спросила Беатриса.

– Сигнал к восстанию еще не дан, – заметил священник. – Полковник может навлечь на себя нарекания за свою поспешность.

– Такого совета я от вас не ожидала, – сказала Беатриса.

– Что прикажете ответить капитану Бриджу, полковник? – спросил Горнби. – Он выражает большое нетерпение.

– Скажи, что я сам переговорю с ним здесь. Он может взять с собою двух солдат, но другим я не позволю войти в Майерскоф, пока мы не придем к соглашению.

– Слушаю. Все будет передано в точности, – отвечал Горнби, отправляясь исполнять поручение.

Капитан Бридж не замедлил явиться. Сопровождавшие его два солдата остановились в дверях.

– Мне очень неприятно нанести вам такой визит, полковник, – сказал Бридж, отвешивая поклон. – Но я должен исполнить свой долг.

– Не извиняйтесь, сэр, – возразил Тильдеслей высокомерно. – Вы явились с тем, чтобы арестовать меня?

– Так точно, полковник.

– Не стоит и спрашивать, по какой причине. Вероятно, по поводу предполагаемых изменнических замыслов. Говорю – предполагаемых, потому что не признаю себя виновным ни в чем.

– Сегодня утром здесь, в Майерскофе, было значительное число якобитов, полковник. Я сам их видел.

– Вы могли встретить нескольких лиц, которых вы называете якобитами, но у вас нет доказательств, что они были здесь.

– Извините, полковник, у меня есть для этого положительные доказательства. Я даже могу показать вам список ваших гостей. До сведения тайного совета дошло, что среди католического поместного дворянства в Ланкашире готовится обширный заговор, имеющий целью возвести на престол бывшего короля. Поэтому за поведением всех его приверженцев был установлен строгий надзор. Повторяю, мне известно, что здесь сегодня состоялось многочисленное собрание подозрительных лиц.

– Это собрание было не у меня, сэр! – вскричал полковник Тильдеслей.

– Это все равно: оно было. Этому мы имеем достаточные доказательства. Я сам знаю большинство из тех, кто здесь был. Поэтому я арестую вас по обвинению в государственной измене. Я должен взять вас отсюда и отправить в крепость в Ланкашире.

С этими словами он предъявил приказ об аресте.

– Неужели вы позволите, полковник, чтобы вас захватили таким образом? – спросил Вальтер.

– Сопротивляться будет бесполезно, – отвечал Бридж. – Полковник должен отправиться со мною.

– Должен? – с презрением спросил Тильдеслей.

– Конечно, вы должны... Все ненужные стеснения будут для вас устранены.

– Дайте мне полчаса времени, чтобы сделать все приготовления к отъезду, – сказал полковник.

– С величайшим удовольствием, – отвечал Бридж. – Я останусь здесь, пока вы не вернетесь.

– Прикажите подать закуски для капитана Бриджа, – сказал полковник Горнби.

– Не беспокойтесь, пожалуйста, – возразил Бридж. – Мне ничего не нужно.

– Не разрешите ли, господин капитан, отвести ваших людей в людскую? Там я мог бы предложить им по стакану хорошего эля, – сказал Горнби.

– Только не давайте им слишком много, – отвечал Бридж, давая этими словами понять, что он принимает предложение Горнби.

Полковник Тильдеслей с Джонсоном вышли из зала. Вальтер и Беатриса последовали за ними.

Между тем Горнби отвел обоих солдат в людскую и, дав им по большой кружке эля, также исчез.

Первым его делом было вооружить всех слуг, оставшихся в Майерскофе, и поставить их у входа в зал. В то же время полковник вместе с другими быстро прошли в комнату отца Джонсона, где, как мы знаем, был устроен тайник. Священник стал развивать свой план, как провести Бриджа.

Странно было только то, что капитан Бридж, обыкновенно столь подозрительный, по видимому, и не предчувствовал, что ему готовилось. Он никак не думал, что кто-нибудь может ускользнуть отсюда, раз его отряд сторожит мост.

Прошло уже более получаса, а между тем никто еще не возвращался. Наконец появился Горнби. Капитан Бридж вскочил.

– Собрался ли наконец полковник Тильдеслей? – спросил он. – Я не могу ждать его больше.

– Я не могу его найти, – отвечал дворецкий.

– Как не можете найти? – воскликнул Бридж. – Не обманул же он меня! Он дал слово вернуться, и я поверил его обещанию.

– Если он дал слово, то, конечно, вернется. Но мне кажется, что вы ошибаетесь.

– А, негодяй! Теперь я вижу все. Ты помог бежать твоему господину. Его здесь нет.

– Не стану отрицать этого, ибо полагаю, что он теперь в полной безопасности, – сказал Горнби.

– Другие также бежали? – спросил Бридж.

– Ваша догадка совершенно верна, господин капитан, – отвечал дворецкий.

– Каким же образом они могли бежать? Отвечай, негодяй, иначе я велю тебя повесить.

– Не могу вам этого объяснить. Знаю только одно: они бежали.

– Это меня не удовлетворяет! – вскричал Бридж. – Я обыщу весь дом.

– Ну, нет, господин капитан. Дом оставлен на мое попечение, я за все отвечаю и не могу позволить делать здесь обыск.

– И ты осмелишься стать мне на дороге? – вскричал Бридж.

Горнби только усмехнулся.

– Вы мой пленник, и я буду держать вас в заключении, сколько пожелаю. Оба ваши солдата также в плену и обезоружены. Я уже сказал вам, что полковник Тильдеслей и его гости уехали. Бесполезно будет искать их, да я и не позволю этого.

– Ты понимаешь ли, что ты делаешь? – спросил капитан Бридж.

– Я готов ко всему, – отвечал дворецкий. – Но слушайте: вы не выйдете отсюда до тех пор, пока не дадите клятву оставить нас в покое. Вы в моей власти, и я вас выпущу только с

этим условием. Даю вам пять минут на размышление. Если по прошествии этих пяти минут вы откажетесь исполнить мое требование, я прикажу вывести вас на двор и расстрелять, а с вами и обоих ваших драгун. Не думайте, что я угрожаю зря. Все уже готово для исполнения моих слов.

Капитан Бридж взглянул на него и по его решительным манерам понял, что он не задумается привести в исполнение свои угрозы. Бросились ему в глаза и вооруженные слуги, стоявшие в дверях.

– Выпустите меня и моих солдат, и я уеду – клянусь вам, – сказал он.

– И не вернетесь? – спросил Горнби.

– Не вернусь.

Через несколько минут Майерскоф опустел. Едва удалился капитан Бридж, как Тильдеслей и его гости вышли из тайника и все вместе направились из комнаты священника вниз, в главный зал.

I

Король Иаков и сен-жерменский двор

Прошло пять лет. Много событий совершилось за этот долгий промежуток времени, но все они были неблагоприятны для изгнанного короля.

Осаду Лондондерри, благодаря продолжительной и храброй защите его жителей, пришлось снять. Огромный якобитский заговор, во главе которого стояли лорды Дармаут, Эльсбери и Кларендон и многие лица из высшего общества северных областей, был открыт. Множество его участников, в том числе лорды Дармаут и Кларендон, были заключены в Тауэр. Произошла решительная битва при Бойне, после которой Иаков был вынужден оставить Ирландию и вернуться во Францию. Дублин покорился Вильгельму. Мирный договор, заключенный при Лимерике, пришлось подписать поневоле, и несчастный Иаков, сидя в Гааге, был свидетелем того, как рушились огромные приготовления Людовика XIV к вторжению французов в Англию.

Такое множество неблагоприятных событий и все возрастающее могущество Вильгельма ослабляли надежды Иакова и зароняли в него сомнение в том, будет ли он в состоянии вернуть себе престол. Впрочем, у него было еще много приверженцев, которые требовали от него продолжения войны и пророчили ему полный успех.

Весною 1694 года – с этого времени начинается здесь наш рассказ – сверженный король жил еще в королевском дворце Сен-Жермен, великодушно назначенном ему для жительства Людовиком XIV. Король-Солнце выдавал сверх того Иакову еще на его личные расходы восемьсот тысяч франков и предоставил в его распоряжение роту своих гвардейцев.

Кроме того, у Иакова была собственная гвардия, составлявшаяся из беглецов, недовольных или обиженных Вильгельмом. Были и такие, жизни которых грозила на родине опасность. Король Иаков и супруга его Мария Моденская с радостью принимали их к себе.

Между сен-жерменским двором и английскими якобитами постоянно поддерживались тайные сношения, и всякая новость, которая почему-либо могла интересовать бывшего короля, немедленно сообщалась ему.

Благодаря преклонному возрасту Иаков теперь не так уже стремился в изгнавшую его страну, как прежде. Теперь он хлопотал уже о том, чтобы обеспечить престол для своего сына Эдуарда, которого называли шевалье де Сен-Жорж и претендентом. Этот шевалье родился в 1688 году, и в это время ему было около шести лет.

Мария Моденская, почти ровесница своему мужу, была наделена отважным духом и мужеством, которого так не хватало бывшему королю. Во что бы то ни стало решила она добыть престол для своего сына. Пылая ненавистью к Вильгельму, которого она считала узурпатором, она не пренебрегала никакими средствами для его устранения.

Дочь Альфонса IV, герцога Моденского, Мария вышла замуж, когда ей было всего пятнадцать лет. Несмотря на то что это было около тридцати лет тому назад, она и до сих пор не утратила еще привлекательности. Ее фигура была так же легка и стройна, как и в молодые годы, ее глаза блестели прежним блеском, а косы поражали своей длиной. Некоторые находили, что она стала теперь даже красивее, чем прежде. Неудачи и тревоги как будто не осмелились вредить ее прелестям.

Как и ее супруг, Мария была до крайности набожна и находилась всегда под влиянием духовенства. Особенным авторитетом пользовался у нее ее духовник, некий отец Петр.

Среди ее фрейлин, взятых из лучших семей английских католиков, не было ни одной, которая по красоте и уму могла бы соперничать с Беатрисой Тильдеслей. Возможность быть около королевы, к которой она так стремилась, доставил ей Вальтер Кросби, который лично просил королеву назначить Беатрису фрейлиной. Отец Джонсон сам привез ее в Сен-Жер-

мен. Там ей отвели прелестное помещение с окнами в сад, в котором она чувствовала себя совершенно счастливой: главная ее цель была достигнута.

Королева Мария с первого же свидания отнеслась к ней снисходительно и милостиво и вскоре полюбила свою новую фрейлину.

Красота и изящество Беатрисы произвели большое впечатление среди придворной молодежи, которая обыкновенно сопровождала Людовика во время его наездов в Сен-Жермен. Вскоре она сделалась главной приманкой двора сверженного короля. Из-за нее произошло даже несколько дуэлей.

Отец Джонсон не вернулся в Майерскоф и сделался постоянным тайным посредником между Иаковом и его приверженцами в Ланкашире и Чешире. То был ловкий, изворотливый человек, и исполнял свои обязанности он великолепно.

Вспомнив о Майерскофе, мы должны здесь сказать, что полковник Тильдеслей года четыре тому назад потерял свою жену и жил теперь в одиночестве.

Из всех лиц, составлявших двор сверженного короля в Сен-Жермене, никто не мог занять у королевы такого выдающегося положения, как Вальтер Кросби. Ему давались самые важные поручения; но если их исполнение требовало его продолжительного отсутствия, королева торопила его и нередко посылала ему приказание вернуться.

Участие, которое Мария принимала в молодом капитане, не укрылось от Беатрисы; хотя она и чувствовала некоторую ревность, но, как верная фрейлина, никогда не позволяла прорываться своим чувствам. Она ни на минуту не допускала и мысли, чтобы Вальтер, несмотря на всякие поощрения со стороны королевы, осмелился так высоко задирать нос.

У короля Иакова было двое министров: лорд Мельфорд и лорд Мидлтон, которые по очереди управляли делами короля, капризно менявшего их одного за другим. Оба министра сильно соперничали между собою. За каждым из них стояла сильная партия, и трудно было сказать, кто из них пользуется большим влиянием при дворе.

В приемные дни замок Иакова бывал обыкновенно переполнен знатными лицами, которые являлись в Сен-Жермен предложить королю свои услуги. Самыми видными среди них были граф Эльсбери, принимавший участие в заговоре, за который лорды Кларендон и Дармаут были брошены в тюрьму, сэр Джон Фенвик, полковник Паркер и капитан Портер.

В одно прекрасное утро в конце мая 1694 года несколько богато одетых дам и кавалеров, видимо принадлежавших ко двору, собрались небольшой группой на террасе Сен-Жерменского дворца, недалеко от павильона Генриха IV.

С этой великолепной террасы, построенной знаменитым Ленотром лет за двадцать до того, как начинается наш рассказ, открывается дивный вид на долину Сены, которая имеет в этом месте крайне извилистое течение.

На противоположном берегу реки, ниже террасы, тянется Везинетский лес, налево – акведук Мон-Валериан, а вдали виднеются остроконечные крыши собора Святого Дионисия и часть Парижа. Все это вместе составляет великолепную панораму.

Старинный замок Сен-Жермен, построенный в двенадцатом столетии Людовиком Толстым, впоследствии достался Эдуарду, Черному принцу, который, по-видимому, обходился с ним как победитель. От этого старинного здания сохранились теперь только башня и домашняя часовня.

При Франциске I замок был исправлен и сильно переделан итальянским архитектором Серлио. В этом подновленном дворце жили Генрих II и Генрих IV, который очень любил это место.

Два короля увидели свет в стенах этого замка – Карл IX и Людовик XIV. Последний родился как раз в павильоне Генриха IV, который стоял в конце террасы, выходящей на Сену.

Великий король не раз жила в Сен-Жермене и расстался с ним только потому, что отсюда был виден собор Святого Дионисия, где покоились его предки.

Сен-Жермен к тому времени, как в нем поселился Иаков, имел несколько мрачный вид, но был в полной исправности и прекрасно обставлен Людовиком.

Цветники и парк содержались прекрасно, аллеи его нисколько не уступали версальским; не было только фонтанов. Бесподобная терраса, имевшая в длину около полуторы мили и поддерживавшаяся стеной с парапетом, составляла гордость этого замка. Словом, Иаков был обставлен здесь нисколько не хуже, чем у себя в Уайтхолле или в Сент-Джемском дворце.

Кроме прогулок по террасе, он имел возможность ежедневно совершать прогулки верхом и охотиться на оленей в Сен-Жерменском лесу, который тянулся на несколько миль позади замка.

Мужчины и женщины, о которых мы говорили, были не одни в этот вечер.

Недалеко от входа в павильон Генриха IV стояла группа пажей в шелковых камзолах и голубых бархатных плащах, украшенных серебряным шитьем, в шляпах с перьями и белых башмаках с вышитой на них красной гвоздикой.

Большие ворота дворца охранялись алебардистами, а внутри двора виднелся отряд французских королевских гвардейцев, предоставленных Иакову Людовиком, в своих стальных латах и широкополых шляпах с перьями.

Пока пажи смеялись и оживленно беседовали между собою, из павильона вышел престелный мальчик, которому было не более шести лет, и стал сходить по лестнице.

Пажи приветствовали его чрезвычайно почтительно. Одет он был в шелковый костюм, весьма к нему шедший, а на его белокурой курчавой голове красовалась небольшая шапочка с пером.

То был сын Иакова II, Иаков Эдуард, которого при французском дворе и в Сен-Жерменском замке титуловали принцем Уэльским.

Едва он показался на террасе, как придворные дамы окружили его и наперерыв стали ухаживать за ним. В это время к группе подошли две дамы, предшествуемые камер-лакеем.

Одна из них, старшая, была, очевидно, более знатного происхождения, чем ее спутница. На ее прекрасном лице блестели великолепные черные глаза. Одета она была в темное бархатное платье с серебряной оборкой, а на шее красовалось жемчужное ожерелье.

То была сама Мария Моденская с фрейлиной Беатрисой Тильдеслей, которая теперь была в самом расцвете своей красоты. Утренний костюм из белого шелка чрезвычайно шел к ее изящной фигуре. Она была немного выше королевы и не уступала ей по красоте, только в ней не было заметно такой величавости.

Увидев королеву, пажи отвесили установленный поклон, а дамы сделали глубокий реверанс. Юный принц бросился навстречу к матери и поцеловал ей руку, поклонившись при этом и Беатрисе.

После взаимных приветствий королева взяла сына за руку и стала гулять с ним по террасе. Впереди ее шел камер-лакей, а сзади фрейлины и пажи.

Едва они сделали несколько шагов, как Беатриса, обернувшись назад, сказала:

– Капитан Кросби вернулся, ваше величество. Он только что въехал во двор.

– Вы уверены в этом? – спросила королева.

– Совершенно уверена, – отвечала Беатриса. – Я не могла обмануться.

Королева остановилась и, подозвав пажа, велела привести к себе Вальтера.

Приказание было немедленно исполнено.

Вальтер, не успевший еще переменить дорожный костюм, бросился к ногам королевы и поцеловал ее руку, которую она милостиво ему протянула.

– Очень рада, что вы наконец вернулись, капитан Кросби, – сказала королева. – Надеюсь, вы привезли хорошие новости?

– Очень хорошие, ваше величество, – отвечал он, поднимаясь с колен. – Ваше величество сейчас узнаете все. Мне нужно передать многое.

– Вы подстрекаете мое любопытство. Но я могу и подавить его, если вы говорите, что все идет хорошо.

– Не привезли ли вы писем для меня от отца и полковника? – тихо спросила Беатриса.

– Привез, – отвечал Вальтер. – Я вам передам их потом.

– Вы забыли обо мне, капитан Кросби, – сказал принц, глядя на него.

– Никак нет, ваше высочество, – отвечал Вальтер, низко кланяясь и целуя ему руку. – Во время моего отсутствия я много слышал о вас.

– Я надеюсь скоро опять увидеть Лондон, – сказал принц.

– Как, тебе уже не нравится Сен-Жермен? – спросила королева.

– Нет, но все говорят мне, что я должен быть в Сент-Джемском дворце.

– Да, вы должны там быть, принц. Скоро и будете там, – заметил Вальтер. – Английский народ ждет вас с нетерпением.

– Боюсь, что вы обманываете меня, – сказал принц.

– Обманывать вас! Неужели ваше высочество может так думать?

– Некоторые говорят мне совсем другое.

– Тому, что говорит капитан Кросби, ты можешь верить, – сказала королева. – Он только что вернулся из Англии.

– Тогда он должен знать лучше, – сказал принц, улыбаясь. – Но как добраться до Лондона? Должны ли мы вторгнуться в Англию?

– Я думаю, что вы правы, принц, – отвечал Вальтер. – Мы будем вынуждены принять этот план.

– Но он может потерпеть неудачу прежде, чем мы вздумаем его осуществить.

– Да, но в таком случае должны быть некоторые особые причины, которых я не сумею объяснить вашему высочеству, – возразил Вальтер. – Но надеюсь, что таких причин не будет.

– Я на это не надеюсь, – заметила королева значительно. – Но пойдемте дальше. Не уходите, капитан Кросби. Мне нужно еще переговорить с вами.

– И мне тоже, – сказал принц, хватая его за руку.

Едва королева и ее свита успели сделать несколько шагов, как на боковой дорожке, ведущей к террасе, показались два человека.

Один из них был очень высокого роста. Хотя его нельзя было назвать красивым, так как части его тела как будто не подходили друг к другу, тем не менее он имел величавый и достойный вид. Черты его лица, красивые и резкие, носили отпечаток сильной меланхолии. В больших, с красивым разрезом глазах не было блеска, а длинный черный парик, кудри которого падали ему на плечи, резко оттенял его бледное лицо. Одет он был в черное бархатное платье с богатой вышивкой, на груди было длинное жабо из великолепных фландрских кружев. На голове шляпа, украшенная белым пером. На боку висела шпага, а в руках он держал трость.

То был сверженный король Иаков II.

С ним был один из его министров, лорд Мельфорд, высокий, худощавый человек средних лет, одетый в богатый костюм, сшитый по французской моде, и в большом напудренном парике. Веселое выражение его лица представляло странный контраст с мрачным настроением короля. Увидев королеву, Иаков, шедший довольно медленно, вдруг остановился и сел на скамейку, зная, что она сама подойдет к нему.

Мария сейчас же догадалась о его желании. Оставив свою свиту и взяв лишь Беатрису и капитана Кросби, она спустилась по лестнице террасы и направилась к скамейке, на которой сидел король.

Лорд Мельфорд двинулся ей навстречу и церемонно подвел к королю, который поднялся и дал ей место рядом с собою.

По приказанию королевы Беатриса отошла немного с принцем, Вальтер же подошел к скамье и был милостиво встречен королем.

— Очень рад, что вы вернулись, капитан Кросби, — начал Иаков. — Так же ли преданы мне мои ланкаширские друзья, как и прежде?

— Я не видел ни одного, у кого бы верноподданнические чувства испытали охлаждение, — отвечал Вальтер. — Все сторонники короля Иакова на севере готовы поднять знамя восстания, как только вашему величеству угодно будет подать к этому сигнал. Все необходимые приготовления уже сделаны.

— К сожалению, я принужден охладить ваше усердие, — сказал Иаков, — думаю, что теперешнее положение вещей не совсем благоприятно для восстания.

— Ваше величество совершенно правы. Нам нужно выждать, — заметил лорд Мельфорд, стоявший возле короля. — Может случится нечто такое, что сразу изменит нынешнюю ситуацию. Тогда вторжение может скорее рассчитывать на успех.

— Это общее мнение, — отвечал Вальтер. — Прежде чем поднимать восстание, нужно устранить узурпатора.

— На это я не согласен, — возразил Иаков. — Я не желаю вернуть себе королевство посредством убийства.

— Об убийстве никто не думает, клянусь вам, — сказал Вальтер.

— Что же тогда имеется в виду? — спросил король, пристально глядя на него.

— Плен и заключение, — отвечал Вальтер.

— Но каким же образом осуществить это?

— Для этого выработано несколько планов, которые я, с разрешения вашего величества, и изложу сейчас.

— Нет, я не желаю слышать о них, — возразил бывший король.

— Но если вашему величеству неуютно будет одобрить тот или другой план, то я боюсь, что мысль о вторжении придется оставить! — воскликнул Вальтер.

— А хотя бы и так, — холодно возразил король.

— Нет, нет, — воскликнула королева. — Ваше величество не должны разочаровывать ваших верных сторонников. Вы должны одобрить этот план.

— Я не могу сделать этого по совести, — отвечал Иаков.

— Посоветуйтесь с отцом Петром, — тихо промолвила королева. — Он положит конец вашим колебаниям.

Иаков не отвечал.

Королева дала Беатрисе знак, чтобы она подвела принца Уэльского. Король поцеловал сына.

— Ваше величество должны вернуть себе королевство ради вашего сына, — шепнула королева. — А для этого нет другого пути. Хочешь ехать в Англию? — спросила она у принца.

— Очень, очень хочу! — воскликнул мальчик. — Капитан Кросби говорил, что весь народ ждет меня.

— Не верю я этому, — сказал король. — Лучше оставаться на своем месте. Здесь мы в безопасности.

— Стало быть, я не буду королем Англии? — спросил мальчик.

— Надеюсь, что будешь, — промолвил Иаков. — Но не могу поручиться тебе за это. Может быть, события и помешают этому.

— Но вы должны сами оставить мне корону, — продолжал принц.

— Постараюсь, — сказал удивленный Иаков с неудовольствием, — но ты не должен рассчитывать на нее.

С этими словами он поднялся. Королева не смела противоречить ему из страха увеличить его неудовольствие и тоже встала. Королевская чета направилась к террасе, а принц Уэльский шел между ними. По знаку королевы лорд Мельфорд подошел к ней с левой стороны.

Беатриса и капитан Кросби шли сзади и беседовали.

– Я надеюсь, дорогая Беатриса, что вы вспоминали меня во время моего отсутствия? – спросил он.

– Я постоянно помнила о вас, – отвечала она, – и сильно беспокоилась за вашу безопасность.

– Я не раз был близок к гибели, но меня как будто защищал ангел-хранитель.

– Надеюсь, что так будет всегда. Но скажите мне откровенно: действительно ли наша партия имеет шансы на успех?

– Без всякого сомнения! – воскликнул он. – Мы теперь сильнее и сплоченнее, чем когда-либо. Но для нас есть одно затруднение: пока Вильгельм жив, восстание осуждено на неудачу. Благодаря протестантской партии, которая готова биться за него на жизнь и на смерть, он всемогущ. Нечего и думать о битве, ибо, если мы ее проиграем, якобиты будут разбиты наголову и сокрушены окончательно. Пока Вильгельм действует против нас, мы не можем мечтать об успехе. Нужно сознаться, что, как полководец, он гораздо лучше нашего короля.

– Вы хотите сказать: гораздо счастливее, – возразила Беатриса.

– Нет. Я не беру назад своих слов. Повторяю, необходимо устранить Вильгельма.

– Но не убивать, Вальтер!

– Достаточно лишь помешать ему командовать армией. Поговорим лучше о своих собственных делах. Они так же неважны, как и раньше. До брака нам так же далеко, как и прежде. Мы ждем уже почти пять лет, и, кажется, придется ждать еще столько же.

– Увы! Это верно. Но королева милостива ко мне, и я надеюсь хорошо здесь устроиться. Больше всего беспокоюсь я о вас, Вальтер.

– Я не могу, конечно, перемениться! – воскликнул он. – Я по-прежнему буду рисковать всем для короля Иакова и делать все, что он прикажет.

– Хвалю вашу решимость, Вальтер, и надеюсь, что ваша преданность будет когда-нибудь вознаграждена.

На этом и кончился их разговор.

Их величества дошли уже до террасы, где их ожидала свита. Иаков хотел было направиться прямо во дворец, но королева упросила его продолжить прогулку.

Король предпочитал гулять по уединенным местам парка, но открывшийся с террасы прелестный вид понравился ему. К тому же он был польщен выражениями почтительной преданности, которую ему выказывала толпа, уже успевшая собраться около террасы. В ней было немало его бывших подданных, которые последовали за ним в изгнание и теперь жили с ним в Сен-Жерменском замке. Было тут немало и французов, которые приветствовали его так же демонстративно, как и англичане.

По мере того как Иаков шел дальше по террасе, народу становилось все меньше и меньше: присутствовавшие не решались следовать за королем, так что королевская чета осталась наконец одна.

Королю надоело уже смотреть вниз, на долину Сены. Взяв сына на руки, он начал показывать ему извилины реки и некоторые понравившиеся ему места.

Когда он обратил его внимание на собор в Сен-Дени, принц спросил:

– Здесь погребены короли Франции? Не так ли?

Иаков отвечал утвердительно.

– А где же хоронят королей Англии?

– Твой дед Карл Первый погребен в церкви Святого Георгия в Виндзорском дворце, – угрюмо отвечал Иаков.

Королева, боясь еще каких-нибудь неудобных вопросов со стороны мальчика, вмешалась в разговор и приказала увести принца вниз.

Иаков возобновил свою прогулку, как вдруг какой-то человек в полувоенном костюме, с виду крепкий и коренастый, выждав приближения короля, быстро приблизился к нему и, несмотря на сопротивление лорда Мельфорда, подал ему какую-то бумагу.

Предполагая, что тот хочет о чем-то его просить, Иаков не принял его прошения и отстранил его рукою. Тогда незнакомец вдруг выхватил кинжал и хотел вонзить его королю в сердце.

Но прежде, чем он успел привести в исполнение свой злодейский умысел, Вальтер Кросби, стоявший возле короля, схватил его за руку и вырвал занесенное уже оружие.

Все это произошло в несколько секунд, и Иаков сообразил, что на него готовилось покушение, лишь тогда, когда убедился в том, что он невредим. Он не потерял самообладания, но королева, на глазах которой произошло это покушение, была страшно испугана и закричала, как и Беатриса, также бывшая свидетельницей покушения.

Произошло смятение. Придворные бросились было вперед, но их оттеснили. Лорд Мельфорд обнажил шпагу, желая воспрепятствовать убийце бежать. Увидев, что попытка не удалась, он, впрочем, и не пытался бежать и, по-видимому, покорился своей судьбе.

– Небо против меня! – воскликнул он.

– Кто ты такой, злодей? Что побудило тебя так дерзко покуситься на мою жизнь? – спросил Иаков преступника, которого крепко держал Вальтер Кросби.

– Кто тебя подучил? – спросил лорд Мельфорд. – Пытка заставит тебя говорить.

– Пытайте меня, попробуйте! – был ответ.

– Сознаешься ли ты, если я прощу тебя? – спросил Иаков.

Незнакомец недоверчиво взглянул на него.

– Ваше величество не отдаете отчета в своих словах, – сказал он.

– Если я обещаю тебе прощение, то я сдержу свое слово, – возразил король.

– Ты подкуплен узурпатором Вильгельмом Оранским? – спросила королева.

– Мне пощадят жизнь, если я все скажу? – спросил арестованный.

– Да, – сказала королева.

– Тогда я сознаюсь, что меня нанял английский король, – отвечал незнакомец.

Все были поражены этим ответом.

– Ты наверно это знаешь? – воскликнул Иаков.

– Я могу доказать то, что я утверждаю, – отвечал преступник.

– Как твое имя?

– Гендрик Вандаален, – отвечал тот.

– Ты голландец? – спросил король.

– Я из Роттердама.

Король был поражен.

– Вот необыкновенное открытие, – промолвила королева.

– Я должен допросить его наедине, – сказал Иаков. – Возьмите его с собою в замок, – приказал он лорду Мельфорду.

Явилась гвардия. Пленника со связанными за спиной руками поместили между солдатами, и все двинулись вперед. Вальтер, по приказанию лорда Мельфорда, отправился вместе с отрядом.

Если бы солдаты не охраняли Вандаалена от яростной толпы, то народ убил бы его на месте.

Король с семейством медленно шел за ними, приветствуемый толпой. В Версаль лордом Мельфордом немедленно был отправлен курьер – уведомить Людовика XIV обо всем происшедшем.

По дороге во дворец Иаков зашел в домовую церковь, чтобы возблагодарить Бога за свое спасение. С ним отправились королева, Беатриса, лорд Мельфорд и еще несколько человек. Молебен служил капеллан, достопочтенный Эдуард Скарисбрик.

Вернувшись в большую залу дворца, где бывали приемы придворных, король нашел здесь Эльсбери, лорда Монгомери и множество других, которые собрались для поздравления его с избавлением от угрожавшей опасности. Среди них был и сэр Джон Фенвик.

Когда Иаков сел на свое кресло, все преклонили колена и стали по очереди целовать его руку, давая клятву отомстить за него.

Иаков, видимо, был сильно тронут их привязанностью.

– После этого гнусного покушения ни под каким видом не следует вступать в сношения с узурпатором, – сказал граф Эльсбери.

– И я того же мнения теперь, – промолвил лорд Монгомери.

– Покушение удалось предотвратить, и потому я нисколько не жалею о нем, – сказал сэр Джон Фенвик. – Оно должно прекратить колебания вашего величества.

– Не совсем, – отвечивал Иаков

– Надеюсь, что оно сделает еще больше, – сказал Вильям Перкинс. – Теперь мы имеем право действовать, как находим нужным.

– Ваше величество изволили уже допросить преступника? – спросил другой лорд.

– Нет еще, – отвечал король. – Но он уже сознался, что был подкуплен принцем Оранским.

– Довольно. Больше и говорить нечего! – воскликнул капитан Чарнок.

– Если принц Оранский оказался способным на такой поступок, то это не причина и мне быть таким же, – сказал король. – Скорее как раз наоборот. Я простил преступника, чтобы открыть истину.

– А открыв ее, ваше величество теперь уже знаете, как вам поступать, – сказал Фенвик.

– Но прежде, чем решиться действовать, я должен знать, что это действительно правда, – заметил Иаков.

Тут как раз вошли в зал лорд Мельфорд и Кросби.

На вопрос короля лорд отвечал, что преступника тщательно обыскали, но ничего не нашли при нем. Денег при нем не оказалось, и он заявил только, что прибыл из Парижа.

– Приведите его ко мне, – сказал король. – Я допрошу его сам.

Вальтер Кросби бросился исполнять приказание, и через минуту Вандаален был введен в зал под конвоем двух алебардистов.

Он успел уже совершенно овладеть собою и имел самый решительный вид.

Около него с обнаженной шпагой стал Вальтер.

– Подтверждаешь ли ты то, в чем ты сознался? – спросил король.

– Да, ваше величество. Я все сказал и ничего не могу переменить в моих словах.

– Принц Оранский лично поручил тебе это ужасное дело?

– Я видался с ним в Кенсингтонском дворце, и он сказал мне, что если я хочу оказать ему услугу, то должен ехать в Сен-Жермен и освободить его от врага. Если бы я успешно исполнил поручение, меня ожидала бы хорошая награда.

Окружавшие короля не могли воздержаться от выражения негодования.

– Какое же у тебя доказательство, что ты говоришь правду? – спросил Иаков.

– Доказательств нет никаких. Я уничтожил свои бумаги, кроме той, которую я подал вашему величеству, но она была написана специально для этого случая.

– Не знаю, насколько всему этому можно верить, – заметил Иаков, обращаясь к графу Эльсбери и лорду Мельфорду, которые стояли около него.

– Не выпускайте его на свободу, государь, – сказал лорд. – Прежде чем отпустить его, посоветуйтесь с королем Людовиком!

– Я так и сделаю, – отвечал Иаков. – Стерегите его, но обращайтесь с ним мягко.

Преступника увели.

Граф Эльсбери и некоторые другие также выразили сомнение в правдивости его слов, но большинство присутствующих были уверены, что он сказал правду.

Вскоре возвратился офицер, посланный в Версаль, и доложил, что он встретил Людовика на дороге и что король едет сам в Сен-Жермен. Его величеству уже известно, что здесь произошло. Кроме того, офицер прибавил, что король приказал ему ехать назад и предупредить, что он сейчас будет в Сен-Жермене.

– Его величество едет один? – спросил король.

– Никак нет. С ним мадам Ментенон и две другие дамы. Кроме того, сзади едут еще две кареты.

– Пусть дадут знать об этом королеве, – сказал король дежурному камергеру и в сопровождении лорда Мельфорда направился в свой кабинет.

II

Людовик XIV и его супруга

Вскоре послышался тяжелый грохот экипажей, заиграли трубы, забили барабаны, гвардия выстроилась во фронт, множество придворных, пажей и лакеев выбежали из дворца навстречу великолепной карете, запряженной четверкой белоснежных лошадей в красивой сбруе, украшенной золотом.

Из этой кареты вышел сам великий монарх, богато одетый в белый шелковый камзол, шитый золотом, в огромном парике, кудри которого падали ему на плечи. На голове красовалась шляпа с пером.

Людовику в это время было пятьдесят шесть лет, но он держал себя с таким подавляющим величием, что казалось, он и в молодые годы имел такой же вид.

Он еще не испытал несчастий, которые омрачили конец его долгого и блестящего царствования. Хотя его и постигали иногда кое-какие невзгоды, но и эти невзгоды обратились во славу Франции больше, чем при каком бы то ни было короле.

Правду говорили, что слово «величество» было создано именно для него, ибо не было ни одного монарха, который среди самых тяжелых обстоятельств умел бы сохранять такую величавость.

Он справедливо заслужил эпитет «Великого», ибо в его царствование Франция стала величайшей из европейских стран.

Наука, литература, поэзия, искусство – все находило себе поощрение со стороны короля. То был век Боссюэ, Паскаля, Бурдалю, Лабрюйера, Мальбранша. Тогда же действовали Масильон, Фенелон, Буало, Расин, Мольер, Лафонтен, Кино, мадам де Севинье. Можно ли найти такое созвездие в какую-нибудь другую эпоху? Сколько тут красноречивых проповедников, сколько философов, поэтов, три несравненных драматурга – Корнель, Расин и Мольер! То был век скульпторов Жирардена и Пюже, живописцев Лебрена и Лезюера и создателя садов Ленотра!

Среди великих людей эпохи нужно вспомнить Конде, герцога де Ларошфуко, маршала де Вивонна, герцога Монтозье.

Людовик XIV придал новый блеск французской Академии, которую он осыпал почетными наградами. В течение двадцати лет он основал Академию художеств, Академию надписей и наук, устроил в Париже обсерваторию и ботанический сад.

Он назначил пенсию многим иностранным ученым, продолжал достраивать Лувр и создал чудный фасад лучшего в мире дворца.

Доказательством его королевской щедрости служило его отношение к Иакову II, которому он остался верен до последнего своего дня.

Говоря о дворцах, не нужно забывать о Версале, с которым не сравнится ни один дворец. Кроме него, Людовик проложил грандиозный Южный канал, соединяющий Средиземное море с Атлантическим океаном.

Воистину, он был великий король и заслужил большую благодарность народа, над которым он царствовал.

Выйдя из кареты, король подал руку мадам Ментенон и между двумя рядами придворных повел ее в вестибюль, где их встретили граф Эльсбери, лорд Монгомери, сэр Джон Феник, отец Петр и другие английские вельможи, жившие в Сен-Жермене.

Хотя мадам Ментенон в это время было уже около шестидесяти лет, но она с успехом сопротивлялась разрушительному действию времени и еще сохраняла свою красоту и изящество. На ней было белое шелковое платье почти без всяких украшений. На голове у ней

были туго накрахмаленные кружева с длинными концами, ниспадавшими ей на плечи. Этот убор назывался тогда «башней».

Всем было хорошо известно, что король сочетался с нею тайным браком. Он обращался с нею с величайшей почтительностью и требовал того же и от других. Впрочем, мадам де Ментенон довольствовалась перед публикой ролью простой статс-дамы.

Ее всегда сопровождали две молодые особы – воспитанницы Сен-Сирской школы, основанной ею для дочерей бедных дворян и щедро обеспеченной королем.

В качестве супруги короля (хотя публично она никогда не титуловалась королевой) мадам де Ментенон знала все государственные тайны, нередко присутствовала на заседаниях совета министров и высказывала свое мнение по самым сложным делам. Ее взгляд считался обыкновенно самым верным, и наиболее важные должности замещались по ее рекомендации.

Насколько мы можем проверить, советы, которые она давала королю, обыкновенно были удачны, хотя им и не всегда можно было следовать.

Как истая католичка, она была очень набожна. Гугеноты рассказывали, что именно она добилась отмены Нантского эдикта и стремилась к тому, чтобы заставить всю Францию исповедовать единую религию.

«Нет ни малейших признаков, чтобы мадам де Ментенон старалась стать признанной королевой, – писала начальница Сен-Сирской школы. – Внешние знаки королевского достоинства не имеют цены в ее глазах, а зависть и недоброжелательность принцев были бы для нее постоянной пыткой».

«Разве вы не видите, – писала она сама мадам де Мезонфор, – что я умираю со скуки среди своего благополучия, которое больше, чем я могла рассчитывать, и что только благодаря помощи Неба я не пала духом. Я была молода и красива. Я веселилась. Став постарше, я везде находила себе поклонников. Я снискала себе благоволение короля, но все это – скажу вам откровенно – оставило пустоту в моей душе. Я завидую вашему одиночеству и спокойствию и не удивляюсь тому, что королева Христина отказалась от престола, чтобы жить с большей свободой».

Мадам де Ментенон была в большой дружбе с Марией Моденской, которая обращалась с ней как с королевой.

Кроме Людовика и мадам де Ментенон в карете сидели еще аббат Гобелен и мадам де Мезонфор.

Во второй карете ехали Барбезье, маркиз де Телье, министр внутренних дел и две придворные дамы.

После небольшой остановки мадам де Ментенон и ее дамы были введены с установленными церемониями к королеве Марии, а Людовик и Барбезье направились в кабинет короля, сопровождаемые лордом Мельфордом и Вальтером Кросби.

Когда дверь кабинета отворилась, Иаков двинулся навстречу гостю и облобызался с ним.

Оба монарха, посмотрев некоторое время друг на друга с чувством истинной приязни, сели рядом, а маркиз де Телье, лорд Мельфорд и Вальтер Кросби стали поодаль.

– Вашему величеству едва удалось избежать смерти, – сказал Людовик. – Я никогда не был хорошего мнения о принце Оранском, но все-таки я не считал его способным на такое дело.

– Я обязан спасением моей жизни вот этому молодому человеку, – сказал Иаков, глядя на Вальтера. – Не будь его, кинжал, по всей вероятности, пронзил бы мое сердце.

– Но ваше величество знаете наверно, что убийца был подкуплен принцем Оранским?

– Негодяй сам сознался в этом.

– Да, с условием, что его простят. Но представил ли он какое-нибудь доказательство того, что он говорит правду?

– Нет.

– В таком случае я не могу ему верить, – сказал Людовик. – Я чувствую, что убийца обманывает вас и что причины, которые побудили его на такое дело, должны быть иные. Достоверно только одно: он покушался на жизнь вашего величества.

– Я почти жалею теперь, что простил его.

– Вы поступили чересчур поспешно. Но обещание, которое вырвалось у вас, конечно, не может вас связывать. Убийцу нужно было бы казнить. Но, сообразно обстоятельствам, мы несколько изменим наказание и сошлем его на галеры. Прикажите исполнить приговор, – добавил он, обращаясь к Барбезье.

– Убийца будет отправлен в Дьепп, ваше величество, – ответил тот.

– Какие новости привез капитан Кросби из Англии? – спросил Людовик. – Готовы ли якобиты к восстанию на севере?

– Есть еще, по-видимому, некоторые затруднения, – отвечал Иаков.

– В чем же дело? – вторично спросил Людовик, обращаясь прямо к Вальтеру.

– Партия протестантов еще слишком сильна, ваше величество, – отвечал тот. – Наши друзья не хотят затевать дело, которое может окончиться неудачей. Чтобы обеспечить себе успех, они хотят дождаться того момента, когда принца Оранского не будет.

– Но ведь нельзя поручиться за то, что его не будет. Разве только захватить его как-нибудь, – заметил Людовик.

– Это они и имеют в виду, – отвечал Вальтер. – Они хотят устранить его.

– А! – воскликнул Людовик. – Я не могу принимать участия в таком замысле. Не могу даже позволить, чтобы об этом говорили в моем присутствии. Вернувшись в Англию, вы можете передать вашим друзьям мои слова. Я еще не оставил мысли о вторжении в Англию с целью восстановить короля на престол, но они должны действовать честными средствами.

– Вполне разделяю ваше мнение, – промолвил Иаков.

– Могут наступить события, которые обеспечат успех вторжению; нам нужно ждать.

– Благоприятный случай, конечно, представится, – подтвердил Иаков.

– Мы должны быть всегда готовы воспользоваться им. А теперь пойдем к королеве, – прибавил Людовик, вставая.

Иаков тоже встал, и оба короля со свитой направились в большой зал, где была Мария Моденская. Рядом с нею на кресле сидела мадам де Ментенон.

Тем временем сюда собрались все знатные лица, жившие в Сен-Жермене. Людовик милостиво отвечал на их приветствия. Королева поднялась ему навстречу и просила его сесть рядом с нею. Мадам Ментенон проделала ту же церемонию с Иаковым.

Она была страшно поражена святотатственным, по ее словам, покушением на жизнь Иакова и питала твердую уверенность, что оно было подготовлено Вильгельмом. Она уже успела переговорить об этом с Марией, которая держалась того же мнения. Обе пришли к заключению, что Вильгельму, который не поколебался поднять возмущение против своего тестя, ничего не стоило одобрить и убийство короля. Обе полагали, что король сделал большую ошибку, простив убийцу, ибо своей мягкостью он только подталкивает к повторению таких покушений.

– Боюсь, что среди нас есть шпионы, – сказал Иаков. – К несчастью, мне не удастся открыть их.

– Вы должны искать их среди наиболее важных из ваших гостей, – заметила мадам де Ментенон многозначительно. – Если вы не имеете против них прямых улик, то, по крайней мере, сделайте вид, что вы подозреваете их.

– Я буду действовать, как вы советуете, мадам, – ответил Иаков, – и если я что-нибудь обнаружу, сейчас же сообщу вам.

Между тем Людовик беседовал с королевой.

– Должен сказать вашему величеству то, чего не мог сказать вашему супругу. Я был бы крайне опечален, если бы удался этот гнусный замысел на его жизнь. Небо хранило его и, будем надеяться, сохранит и на будущее время, а, назло врагам его, мне удастся вернуть ему престол. Я знаю, что партия протестантов сильнее и многочисленнее в Англии, чем партия католическая, но при помощи строгих репрессивных мер за нею можно установить строгий надзор и сделать ее совершенно безопасной.

– Молю Бога, чтобы скорее наступил этот день, – сказала королева. – Если король мой супруг опять взойдет на трон, то этим он будет обязан только вашему величеству.

– Не стоит говорить об этом, – возразил Людовик. – Я люблю короля Иакова как брата и буду поступать с ним по-братски.

Заметив юного принца, который стоял тут же и пристально смотрел на него, Людовик поманил его к себе. Мальчик бросился к нему и поклонился.

– Подойдите поближе, принц, – сказал Людовик, милостиво протягивая ему руку. – Мне нужно спросить вас кое о чем. Вы видели, что произошло на террасе?

– Да, ваше величество, – отвечал принц. – Я был сильно испуган.

– Но вам нечего тревожиться. Королю еще рано умирать. Его дело еще не кончено. Ему нужно вернуться в Англию – наказать своих мятежных подданных и наградить тех, которые остались ему верны.

– Подданные моего отца не так верны ему, как подданные вашего величества.

– Ими не управляли так строго, – заметил Людовик. – Если бы с ними держались строже, они не смели бы поступать таким образом.

– Я запомню то, что вы изволили сказать, и буду поступать сообразно с этим, если когда-нибудь мне придется царствовать.

Людовик остался очень доволен его ответами и одобрительно улыбнулся. Затем он простился с королевой. Несмотря на то что каждое движение было предусмотрено церемониалом, видно было, что он питал к ней большое уважение.

Возвращаясь из зала в сопровождении лорда Мельфорда и графа Эльсбери, он несколько раз останавливался и удостоивал разговором то того, то другого из английских вельмож, которые были собраны в зале.

Между лицами, удостоенными такого отличия, находились, между прочим, сэр Джон Фенвик, сэр Джон Френд и полковник Темпест. Все трое, видимо, были чрезвычайно польщены вниманием его величества.

Иаков лично проводил мадам де Ментенон до кареты. Аббат Гобелен и мадам де Мезонфор стояли возле экипажа, Людовик сердечно простился со сверженным королем и сказал, садясь в карету:

– Надеюсь скоро увидеть ваше величество и королеву в Версале.

Опять затрубили трубы, забили барабаны, и среди всех этих возбуждающих звуков королевский экипаж тронулся в обратный путь.

III Дуэль

Вальтер Кросби рассчитывал, что в этот вечер ему удастся обстоятельно переговорить обо всем с Беатрисой, но обманулся в своих расчетах.

Королева не выходила никуда из своих покоев, кроме церкви, и Беатриса не могла ее оставить. Вальтер видел их обеих в церкви, и это было для него единственным утешением.

На другой день он был, однако, вознагражден. Рано утром он вышел в сад в смутной надежде встретить здесь Беатрису. И действительно, не долго пришлось ему ждать.

– Мне очень досадно, что я не могла повидаться с вами вчера вечером, – промолвила она. – Но это было решительно невозможно. Чтобы избежать помех днем, я решила прийти сюда нарочно рано утром. Я догадывалась, что вы будете искать встречи со мною на том же месте, где вы виделись со мною и раньше. Мне нужно кое-что сказать вам, – продолжала она, принимая важный вид. – Вчера вечером королева сообщила мне нечто такое, чего я не могу скрыть от вас. Дело вот в чем: некий якобитский дворянин, живущий здесь в замке, влюбился в меня и просил у королевы разрешения предложить мне руку и сердце. Я не скажу вам пока, кто он.

– Да и не к чему говорить, – отвечал Вальтер. – Лицо, на которое вы намекаете, не кто иной, как лорд Монгомери. Я заметил это по его обращению с вами вчера.

– В таком случае вы отличаетесь более острой наблюдательностью, чем я, – сказала Беатриса. – Что касается меня, то я не замечала каких-либо проявлений его нежных чувств ко мне.

– Не очень-то я этому верю, – промолвил Вальтер. – Я инстинктивно чувствовал, что у меня есть соперник.

– Я не хочу подстрекать вашей ревности, но вы не можете не сознаться, что лорд Монгомери – красивый и храбрый джентльмен.

– И обладает всем, чем можно пленить сердце молодой девушки, – проворчал Вальтер. – Я все это вижу. Я понимаю, что этот лорд превосходит меня во всех отношениях, кроме одного: он не может любить вас так, как я.

– А королева уверяет, что может.

– Ее величество ошибается. Но если вы предпочитаете лорда Монгомери, если вас соблазняет его титул, то я уступаю.

– Вы это серьезно говорите, Вальтер? – спросила Беатриса, задетая за живое.

– Совершенно серьезно.

– Прежде чем дать вам окончательный ответ, я должна посоветоваться с ее величеством.

– Нет. Вы должны решить дело теперь же. Я не могу позволить, чтобы со мной играли. Если вы выберете этого молодого лорда, то не услышите от меня ни одного упрека.

– Я начинаю думать, что вы никогда и не любили меня, как следует. Иначе вы не согласились бы так спокойно уступить меня другому.

– Я любил вас, но сумел победить свою страсть. Повторяю, вы свободны.

– Тогда я ловлю вас на слове, – воскликнула она с раздражением. – Не удивляйтесь, если я последую советам королевы.

– Я ничему не удивляюсь более, – произнес он горько. – Теперь между нами все кончено.

– Довольно! – вскричала она и, не взглянув на него, пошла прочь.

Не успела она удалиться, как Вальтер уже стал упрекать себя за свое поведение. Ревнивое чувство, которое толкало его на резкости, теперь вдруг пропало.

Беатриса еще шла по направлению к дворцу. Он бросился за нею вслед, но уже не мог догнать ее. Он окликнул ее, но она продолжала идти вперед, не отзываясь на его зов.

Иаков II чрезвычайно любил Сен-Жерменский лес и почти каждый день совершал туда прогулку верхом, иногда один, иногда с королевой и важнейшими лицами своего двора.

Этот великолепный лес, один из самых больших во Франции, в те времена кишел оленями. Внутри его встречалось немало чудных мест для прогулок верхом или в экипаже.

Несмотря на то что там обыкновенно гуляло немало народу, внутренность леса была совершенно пустынна; благодаря чаще даже охотники редко туда проникали, а гуляющие, рискуя свернуть с тропинки, попадали на нее обратно обыкновенно с большим трудом.

В самой середине леса стоял охотничий домик, построенный Франциском I и охотно посещавшийся Генрихом IV. Назывался он «Pavilion de la Muette». Здесь держали собак и жило несколько охотников.

Этот павильон всегда служил местом сбора, когда Иаков выезжал на охоту. Сен-Жерменский лес имел для него какую-то особенную притягательную силу, и прогулки среди его чащ почти примиряли его с изгнанием.

В одно прекрасное утро блестящая кавалькада, состоявшая из короля, королевы и главных лиц их свиты, двинулась из замка по направлению к лесу.

День был прекрасный и очень подходящий для прогулки. Королева умелой рукой сдерживала своего коня. Возле нее ехал молодой принц на чрезвычайно красивом пони. За ними ехали фрейлины в красивых одеяниях. Больше всех из них блистала красотой Беатриса Тильдслей.

Рядом с ними ехали состоявшие при королеве дамы во главе с Марией Фенвик.

Иаков ехал впереди, сопровождаемый лордом Мельфордом и сэром Джоном Фенвиком, с которыми он вел разговор.

Кавалькада двинулась вперед. Вскоре участвовавшие в ней лорд Монгомери и граф Эльсбери отделились от своих и примкнули к той части, где ехала королева. Один хотел быть к услугам ее величества, другой искал близости Беатрисы.

В арьергарде двигалась целая толпа дворцовых служителей, одетых в одинаковые ливреи.

Кавалькада въехала в лес и некоторое время двигалась по дороге, прорубленной между двумя стенами огромных старых деревьев. В некоторых местах эти почтенные великаны протягивали поперек дороги свои гигантские ветви и образовывали свод над головами пестро одетых охотников. Все это вместе представляло чудную картину. По сторонам то там, то здесь открывались красивые поляны, в дали которых виднелись стада оленей.

Поднявшись на самый гребень холма, всадники увидели направо Сену, извивавшуюся по долине. Но дальше великолепный вид исчезал, скрытый деревьями.

Проехав некоторое время прямо, король вдруг повернул налево и, ускорив рысь, быстро выехал на чудную луговину, посередине которой стоял павильон «de la Muette» с его конюшнями и собачниками.

Не успел еще король остановиться, как к нему подскочил принц, испускавший радостные крики при виде павильона, который он видел в первый раз.

Королю, видимо, не хотелось слезать с лошади, он поджидал королеву, которая подъезжала со своей женской свитой. Увидав, что она хочет сойти с лошади, он не стал противоречить, и вся кавалькада вошла в павильон, оставив лошадей на попечении грумов.

Павильон внутри представлял собою большой высокий зал, украшенный оленьими рогами – охотничьими трофеями. Посередине красовался огромный камин с гербами Франциска I.

В центре зала стоял длинный стол с винами и закусками.

По окончании легкого завтрака король пошел с сэром Джоном Фенвиком и лордом Мельфордом смотреть собак, лай которых не умолкал. За ними направилась туда же королева, сопровождаемая леди Фенвик и графом Эльсбери. За ней шли Беатриса и лорд Монгомери.

По знаку короля собак выпустили на свободу. Как ни старались псары держать их всех вместе, их появление произвело замешательство среди женщин, которые поспешили со страхом удалиться от этого места.

Это замешательство отдалило Беатрису от королевы, и лорд Монгомери решил воспользоваться этим случаем, чтобы сказать ей несколько слов.

– Вы знаете, – начал он, – как страстно я люблю вас. Мое счастье зависит от вас. Решайте мою судьбу.

– Мое искреннее желание заключается в том, чтобы сделать вас счастливым, но...

– Нет, нет, не сомневайтесь, умоляю вас, – прервал он ее и прежде, чем она могла прийти в себя, схватил ее руку и поднес ее к своим губам. – Дайте мне ответ, когда мы вернемся в замок, – умоляюще сказал он.

– Не могу, – возразила Беатриса.

– Нет, нет! Вы можете, вы должны!

Подняв глаза, она встретила взглядом с Вальтером, который стоял недалеко от них и с упреком смотрел на нее.

– Я не могу вас слушать более, – сказала она. – Я должна вернуться к королеве.

– Я понимаю, кто вас прервал, – отвечал Монгомери, глядя на Вальтера. – Но не беспокойтесь об этом. Предоставьте мне переговорить с ним. Только обещайте дать мне ответ, когда мы вернемся. Это вполне меня удовлетворит.

– Я могу вам дать только такой ответ, который я уже дала вам. А теперь прошу вас отвести меня к королеве.

– Я отведу вас к королеве! – воскликнул Вальтер и, схватив ее за руку, повел на другой конец двора.

Лорд Монгомери быстро двинулся за ними. Его лицо пылало гневом.

Королева очень удивилась, увидев Беатрису в сопровождении такой необыкновенной свиты. Впрочем, она не сказала ничего, и Вальтер, доведя Беатрису, сейчас же уступил свое место молодому лорду, хотя она и приглашала его взглядом остаться возле нее.

Кавалькада не долго оставалась у павильона. Вскоре стало известно, что король собирается ехать обратно. В одну минуту все были в седле.

В обратный путь всадники тронулись в прежнем порядке. Лорд Монгомери опять занял место возле Беатрисы, которая выказывала ему большую холодность. Напрасно искала она Вальтера: его не было возле них.

Несмотря на то что соперник уже не стеснял его своим присутствием, лорд чувствовал себя раздраженным и решил при первом же удобном случае затеять с Вальтером ссору.

На обратном пути король поехал другой дорогой, которая, впрочем, почти ничем не отличалась от прежней: те же луговины, те же величавые деревья и те же виды.

Молодой принц теперь ехал уже не с матерью. По той или другой причине, которую он не хотел объяснить, он старался держаться около Вальтера Кросби и вел с ним оживленный разговор, расспрашивая его обо всем, что он видел в Англии, причем задавал такие вопросы, которые, казалось, никак не могли интересовать такого маленького мальчика, как он.

Когда кавалькада вернулась в замок, принц упросил королеву пригласить Вальтера к себе.

– Капитан Кросби, – сказал он, – сообщил мне много интересных вещей, которые я желал знать.

Ее величество улыбнулась и казалась очень довольной.

Теперь для Вальтера представлялся удобный случай объясниться с Беатрисой, но он и не подумал им воспользоваться.

Он не пожелал даже помочь ей сойти с лошади, предоставив это сделать лорду Монгомери, и молчал все время, пока они были у королевы.

Выйдя из замка, Вальтер направился к террасе, где встретил капитана Чарнока, и стал гулять с ним. Не успел он, однако, сделать несколько шагов, как из дверей вышел сэр Джон Фенвик и поспешно направился в их сторону.

Угадав его цель, Вальтер остановился и стал ждать. И действительно, сэр Фенвик ответил ему церемонный поклон и передал ему письмо.

Пробежав его, Вальтер обратился к своему спутнику и сказал:

– Я получил вызов от лорда Монгомери. Могу я рассчитывать на вас?

– Конечно, – отвечал Чарнок. – Я к вашим услугам. Но нельзя ли как-нибудь уладить дело мирным путем?

– Невозможно, – решительно отвечал Вальтер. – Скажите пославшему вас, – прибавил он, обращаясь к Фенвику, – что я буду ждать его завтра рано утром. Предоставляю условиться обо всем вам и капитану Чарноку.

С этими словами он сделал церемонный поклон и удалился.

– Неприятный случай, сэр Джон, – сказал Чарнок. – Но тут ничего не поделаешь. Будем надеяться, что дело не дойдет до фатального исхода и не причинит горя ни вам, ни мне.

– Я разделяю ваши чувства, капитан, – отвечал Фенвик. – Мне было бы слишком больно, если бы произошло что-нибудь серьезное. Но лорд Монгомери решил драться, и дуэли не избежать. Я думаю, обоим соперникам лучше всего встретиться завтра, в шесть часов утра, вот в той рощице и там свести свои счета.

– Отлично, – промолвил капитан Чарнок. – Мы встретимся с вами здесь, в дворцовом парке, и пойдем отсюда дальше, пока не найдем достаточно укромного местечка.

Сделав друг другу обычный поклон, секунданты разошлись.

Возвращаясь в замок, Вальтер встретил Беатрису. Холодно поклонившись, он хотел было молча пройти мимо, но она остановила его.

– Я вас искала, Вальтер, – сказала она серьезно. – Мне нужно переговорить с вами, я боюсь, что вам предстоит драться с лордом Монгомери. Отвечайте мне, так ли это?

– Что вам беспокоиться обо мне? – возразил он мрачно. – Вам совершенно безразлично, что будет со мною.

– Жестоко с вашей стороны говорить так. Я была бы глубоко несчастна, если бы с вами что-нибудь случилось из-за меня.

– В таком случае успокойтесь. Со мною ничего не случится.

– Вы обманываете меня, Вальтер. Обещаете ли вы мне не драться на дуэли с лордом Монгомери?

– Вы не имеете права брать с меня подобного обещания.

– До сих пор вы исполняли малейшие мои желания, Вальтер. Неужели вы совершенно изменились ко мне?

– Это вы перестали меня любить.

– Ошибаетесь, Вальтер. Я люблю вас по-прежнему.

Кросби недоверчиво покачал головой.

– Теперь вам уже не удастся обмануть меня, – промолвил он.

– Выслушайте меня, Вальтер! – воскликнула она. – Я не переменялась к вам.

– В таком случае вы никогда и не любили меня, – возразил Вальтер. – Бесплезно продолжать этот разговор. Я знаю, что вы отдали ваше сердце другому. Остается только перенести этот удар. Прощайте!

– Нет. Я не прощаюсь с вами, пока вы не обещаете, что этой дуэли не будет.

– Такого обещания дать не могу, – холодно прервал ее Вальтер и быстро отошел от нее.

На следующее утро первым явился на условленное место капитан Чарнок. Около пяти часов он уже ходил по террасе, как будто совершая свою утреннюю прогулку.

Он прошелся раза два-три, когда явился и Вальтер. Пожав друг другу руки, они вместе двинулись тихонько вперед, стараясь не привлекать внимания дворцового караула.

Оба были вооружены шпагами. Вальтер переменял свой обычный костюм на более легкий, который не стеснял его движений. Капитан Чарнок был совершенно спокоен, как будто ничего и не случилось. Спокоен был и Вальтер.

Сделав несколько поворотов, они увидели своих противников. Спустившись с террасы в парк, они направились по аллее, которая привела их на лужайку среди леса, вполне отвечающую их целям.

Здесь они решили дожидаться своих противников, которые не заставили себя долго ждать.

Обе стороны обменялись поклонами.

Капитан Чарнок прежде всего спросил сэра Джона Фен-вика, нравится ли ему лужайка. Тот вежливо отвечал в утвердительном смысле. Чарнок хотел сделать последнюю попытку мирно уладить дело, но пренебрежительный взгляд Фенвика отнял у него всякую к тому охоту.

Все предварительные формальности были окончены очень быстро. Противники заняли свои места, обнажили шпаги и стали сближаться.

С самого начала схватки было очевидно, что Вальтер гораздо сильнее и искуснее своего противника. Он только защищался, с удивительной ловкостью парируя удары, и всегда мог бы поразить противника, если бы того хотел.

Оба секунданта предугадывали исход поединка: лорд Монгомери беспрестанно открывал себя и подвергался опасности. Они надеялись только на то, что его противник не захочет воспользоваться его оплошностью. Вальтер спокойно продолжал борьбу. Наконец он почувствовал, что поединок уж слишком затянулся и что надо положить ему конец. Он быстро коснулся противника своей шпагой, вышиб у него оружие и подал его лорду.

Тот вежливо отказался.

– Нет, – сказал он. – Я не обращаю больше своего оружия против вас. Признаю себя побежденным. Вы обошлись со мной великодушно, и я надеюсь, что отныне мы не будем больше врагами.

– Я тоже надеюсь, – отвечал Вальтер, протягивая противнику руку.

Увидев это, секунданты, державшиеся несколько вдали, подошли к Вальтеру и поздравили его.

– Вы вели себя прекрасно, капитан Кросби, – сказал сэр Джон. – Я рад, что дело окончилось таким образом.

– Очень рад слышать это, – промолвил и Чарнок. – Я вполне разделяю вашу радость.

На дорожке, которая вела на лужайку, послышались шаги, и дуэлянты едва успели вложить шпаги в ножны, как появился, ко всеобщему удивлению, король, сопровождаемый неотлучным лордом Мельфордом.

Все сняли шляпы и, чтобы скрыть свое смущение, отвесили низкий поклон.

– Доброго утра, господа, – серьезно произнес Иаков. – Нет нужды спрашивать, что привело вас сюда в такой ранний час. Хотя вы пренебрегли моими приказаниями, но все-таки я рад, что никто из вас не пострадал.

– Ваше величество, – сказал сэр Фенвик. – Мы собрались сюда только для фехтования.

– Позвольте, сэр Джон! – воскликнул Иаков. – Ведь я явился сюда не случайно. Мне сказали, что в парке готовится дуэль, и я пришел ее предупредить.

– Конечно, ваше величество не ожидали найти здесь такую же роковую дуэль, какая состоялась здесь между Жарнаком и Шатенери. Повторяю, это была безвредная забава.

– Хорошо, что так вышло, сэр Джон, – возразил король с возраставшей строгостью. – Но ведь могло быть и иначе. Не следовало бы пренебрегать моими приказаниями.

– Умоляем ваше величество простить нас, – промолвили, кланяясь, оба противника. – Мы теперь вполне примирились между собою.

– Если бы вы принадлежали ко двору короля Людовика, – отвечал Иаков, – вы подверглись бы изгнанию месяца на два. Но я снисходительнее. Оба вы не должны являться ко двору в течение недели.

– В течение недели, ваше величество? – воскликнул лорд Монгомери. – Мы не можем так долго жить, не видя солнца.

– В таком случае мне остается вернуться в Англию, – промолвил, в свою очередь, Вальтер.

– Может быть, за вас будет просить одно лицо, к которому я расположен, – отвечал король. – Тогда мы посмотрим.

С этими словами он сделал обоим знак следовать за ним.

Каково же было удивление недавних противников, когда в парке оказались королева и Беатриса.

Теперь им все стало понятно. Король явился предупредить дуэль, но опоздал.

Как бы то ни было, никто не пострадал на дуэли, и, видя всех в добром здоровье, королева и ее фрейлина успокоились. Преступники были вызваны вперед и, выслушав от королевы строгий выговор, получили прощение.

IV Отъезд в Англию

Спустя неделю после описанных событий в Сен-Жермен прибыл какой-то незнакомец, по-видимому, лицо довольно важное, так как король тотчас же принял его в своем кабинете.

Это был тот самый Джон Лент, который, как мы знаем, пять лет тому назад высадился в Кокергаме и ездил к полковнику Тильдеслею с поручением от короля Иакова, осаждавшего в то время Лондондерри.

Нет надобности рассказывать здесь о всем том, что с того времени было с Лентом. Служа усердно секретным агентом изгнанного короля и его министров, он то и дело переезжал из Франции в Англию и обратно, доставляя ланкаширским якобитам письма и инструкции от сверженного короля и сообщая Иакову их ответ.

При такой деятельности, ежеминутно грозившей ему опасностями, Лент постоянно должен был переодеваться и умел это делать так ловко, что, даже попадая в отчаянное положение, ни разу не был арестован.

Возникли было некоторые сомнения относительно его безусловной верности делу реставрации, но и в этом случае Лент сумел устранить их и сохранить за собою полное доверие Иакова и лорда Мельфорда. В конце концов его положение еще более упрочилось. Он стал одеваться гораздо лучше и имел в своем распоряжении гораздо больше денег, чем в прежние времена.

Он обыкновенно объяснял это тем, что он сумел стать необходимым для некоторых якобитов, которые платили ему гораздо щедрее, чем другим, и давали ему пять гиней там, где другие довольствовались одной.

Его осанка сделалась важнее, и он частенько стал выказывать заносчивость. Вальтер Кросби недолго любил его и не доверял ему, но, не имея возможности доказать его измены, держал пока язык за зубами.

Прибыв в Сен-Жермен, Лент заявил, что у него есть проект чрезвычайной важности, но что он может открыть его лишь после того, как переговорит о нем с королем.

Лорд Мельфорд немедленно принялся хлопотать об аудиенции. Король заинтересовался и вскоре принял Лента в своем кабинете.

Кроме лорда здесь же присутствовали Джон Фенвик, доктор Бромфилд, живший теперь в замке, капитан Чарнок и Вальтер Кросби.

Лент, в вышитом бархатном камзоле и длинном парике, был принят очень милостиво. Король позволил ему поцеловать руку и сказал, что он чрезвычайно рад его видеть.

– Мне передавали, мистер Лент, – начал он, – что вы хотели бы предложить мне чрезвычайно важный план. Я знаю, что вы не стали бы говорить так, если бы дело шло о чем-нибудь обыкновенном, и потому я очень заинтересован вашими словами. Если ваш план действительно окажется необыкновенным и если его можно привести в исполнение, то заранее скажу вам, что вы и все те, кто примет в нем участие, будете награждены достойным образом.

Лент, стоявший возле стола, за которым сидел Иаков, сделал низкий поклон и, приняв таинственный вид, спросил:

– Что бы вы сказали, ваше величество, если бы я и те, кто участвует в этом плане, предоставили вам возможность овладеть Тауэром?

– Я сказал бы, что вы сделали очень много, – отвечал Иаков. – Но ведь вам нужно было бы не только захватить Тауэр, но и удержать его за собою.

– Вашему величеству этого бояться нечего, – возразил Лент. – Мы надеемся захватить Тауэр внезапно. Мы совершим нападение с удвоенной смелостью, так как обнаружилось, что многие из высших начальников крепости преданы вашему величеству и окажут нам помощь.

– Я уверен, что в Тауэре у меня есть друзья, – воскликнул король. – Но продолжайте, сэр.

– Должен доложить вашему величеству, что у нас есть от пяти до шести тысяч хорошо вооруженных и дисциплинированных людей. Мы полагаем, что их будет довольно для осуществления нашего замысла. Если же разразится восстание, то число их, по крайней мере, утроится.

– Это удивительно, сэр, – промолвил король. – Я и не знал, что у меня в Лондоне столько приверженцев.

– И я тоже, – присоединился лорд Мельфорд. – Надеюсь, что вы имеете доказательства того, что говорите?

– Я хотел бы теперь же предложить вам несколько вопросов, мистер Лент, – сказал Иаков. – Прежде всего позвольте узнать: каким образом вы рассчитываете захватить Тауэр?

– А вот каким, ваше величество, – отвечал Лент. – Когда мы сделаем все нужные приготовления и назначим определенный день, тысяча человек из наших, одетых в штатское платье, но с оружием, соберутся на Тауэр-Гилле и в конце улицы Темзы маленькими партиями, чтобы не привлекать внимания, и будут ждать сигнала. Когда внешние ворота и мост будут заняты надежными людьми, тогда будет дан знак. Это легко сделать при помощи наших людей в крепости. Они не только пропустят нас, но и выдадут нам все пушки. Менее чем в полчаса мы овладеем крепостью и введем туда гарнизон в двенадцать тысяч стойких солдат.

– Должен сознаться, что этот план представляется мне возможным, – сказал, подумав, Иаков. – Но как привести его в исполнение? Кто возьмет на себя руководство нападением?

– Да, в этом-то и вопрос, – подтвердил лорд Мельфорд.

– Позволю себе удовлетворить ваше любопытство, – гордо отвечал Лент. – Я могу назвать лордов Февертама, Стаффорда, Балтимора и сэра Вильяма Гаринга.

– Конечно, все это славные имена, – сказал король. – Они почти ручаются за успех.

– К вам готовы присоединиться и многие другие. Мы уверены, что ваше величество будете в Уайтхолле через неделю после того, как мы захватим Тауэр.

Иаков в раздумье покачал головой.

– Боюсь, что это будет не так-то скоро, – промолвил он.

– Ваше величество, вы имеете полную возможность разом обеспечить успех, – продолжал Лент.

– Я не совсем понимаю вас.

– Намек мистера Лента вполне ясен, государь, – сказал лорд Мельфорд. – Он хочет устранить принца Оранского.

– На это я и намекал, ваше величество, – подтвердил Лент. – Таково мнение не только тех благородных лордов, которых я уже назвал, но и всех католиков, с которыми мне приходилось сталкиваться.

– От нашего врага в Англии легко отделаться при помощи какого-нибудь дезертира французской армии, – сказал доктор Бромфилд. – Их найдутся сотни, которые взяли бы за это.

– Предоставьте это дело нам, – заметил лорд Мельфорд. – И не беспокойтесь об этом. Какой ответ прикажете, государь, дать лордам Февертаму и другим? – спросил он короля.

– Я еще подумаю. Ведь мистер Лент едет обратно не сейчас.

– Я недолго здесь останусь, – возразил Лент, – если только, ваше величество, вы этого не потребуете. Я обещал своим друзьям скоро привезти им ответ и обнадежил их, что он будет для них благоприятен.

– Если дело примет другой оборот, то я боюсь, что даже самые горячие приверженцы вашего величества падут духом, – прибавил Джон Фенвик.

– Совершенно верно! – воскликнул капитан Чарнок.

– Вы еще не высказались, капитан, – сказал король, обращаясь к Вальтеру. – Скажите нам ваше мнение.

– Если бы мне пришлось подавать свой голос, государь, то я, конечно, подал бы его за устранение узурпатора.

– Путем убийства? – строго спросил король.

– Нет, другим путем, государь, – отвечал Вальтер.

– В таком случае и мы голосовали бы с вами, – воскликнули присутствовавшие.

Аудиенция была кончена.

Сломить колебания короля оказалось не так-то легко, как предполагали сначала, и хотя отец Петр и старался убедить его, что не будет греха умертвить такого узурпатора, как принц Вильгельм Оранский, Иаков не соглашался и стоял на своем.

Не могла вырвать его согласия и королева, несмотря на то что она имела огромное влияние на своего царственного супруга.

Пробыв в Сен-Жермене неделю, Лент уехал, потерпев полную неудачу относительно короля.

Но никто не знал, какие инструкции дали ему королева и лорд Мельфорд.

V Заговор

В Сен-Жермене то и дело появлялись курьеры: одни приезжали, другие уезжали. Через них шло все сообщение с Англией, и письма по почте отправлялись очень редко, в исключительных только случаях.

Беатриса получила от отца всего два-три письма, но она не беспокоилась, имея о нем известия от своего родственника, полковника Тильдеслея. Спокойствие ее было, однако, нарушено появлением в Сен-Жермене отца Джонсона. Он приехал прямо из Майерскофа и сообщил Беатрисе, что ее отец опасно заболел. Он привез ей также письмо от полковника, в котором тот просил ее немедленно возвращаться домой.

Как ни грустно было Беатрисе расставаться с королевой, к которой она успела сильно привязаться, она без колебаний решила последовать призыву полковника. Да королева и сама не задерживала ее.

– Мне будет очень жаль расстаться с вами, дорогая Беатриса, – сказала она. – Ваше присутствие было чрезвычайно полезно для меня, но я не буду вас задерживать. Вы, однако, должны обещать, что вернетесь ко мне обратно, как только позволят обстоятельства.

– Я никогда не была так счастлива, как у вашего величества в Сен-Жермене. Надеюсь вернуться сюда не в отдаленном будущем. Мой родственник, полковник Тильдеслей, не пишет, какая болезнь у моего отца. Но отец Джонсон рассказывал, что его силы быстро падают и что он опасается близкого конца. Надеюсь, что мне удастся застать его в живых.

– Сколько времени употребил отец Джонсон на переезд? – спросила королева.

– Больше недели, хотя он ехал с возможной скоростью. Мы поедем с ним вместе. Кроме того, меня будет сопровождать Вальтер Кросби. Мы сядем на корабль в Дьеппе, где уже нанято небольшое судно, которое и доставит нас на английский берег.

– Вы отлично все устроили, – сказала королева. – И я уверена, что вам удастся избежать опасности. Вы должны теперь проститься с его величеством и с принцем. Не знаю, что мой сын будет делать без вас.

При мысли о принце Беатриса едва могла удержать слезы. Он оказался легок на помине и вошел в комнату матери, едва заговорили о нем.

– Капитан Кросби сейчас сказал мне, – заговорил мальчик, схватив фрейлину за руку, – что вы уезжаете из Сен-Жермена. Надеюсь, что это неверно?

– Увы, принц, вам сказали правду, – возразила Беатриса. – Я не рассталась бы с вами, если б могла. Но мой отец очень болен, и я должна ехать к нему.

– Очень жаль, – с искренней скорбью произнес мальчик. – Мы будем чувствовать ваше отсутствие.

– Я только что говорила то же самое, – сказала королева.

– Если вы останетесь там подольше, то мы можем встретиться с вами в Уайтхолле. Мистер Лент сказал, что король скоро будет там, – продолжал принц.

– Будем надеяться, что мистер Лент сказал правду.

– Вот идет мой муж: он, очевидно, хочет проститься с вами, – сказала королева, указывая на короля, входившего в сопровождении Вальтера Кросби и отца Джонсона.

– Я очень огорчен известием, что вы собираетесь покинуть нас, – сказал король. – Когда вы думаете отправиться?

– Как можно скорее, государь, – отвечала Беатриса. – Я могу собраться в один час.

– В таком случае все будет готово к вашему отъезду. Я уже приказал подать вам лошадей.

– Вы так добры, государь! – воскликнула она.

– Капитан Кросби рассчитывает быть в Руане сегодня вечером, – заметил Иаков. – Я думаю, что это едва ли возможно, но вы, конечно, можете попробовать.

– Она прекрасно ездит верхом, и к вечеру мы успеем приехать, государь, – сказал Вальтер.

– Я думаю то же, – согласился и отец Джонсон.

– Что ж, попробуйте, – продолжал король. – Я вас провожу до Манта.

– Как, вы, государь! – воскликнула Беатриса. – Я не могла ожидать такой чести.

– Сегодня прекрасная погода, и мне будет приятно проехаться, – отвечал Иаков.

– Позволь мне ехать с тобой! – обратился к отцу принц.

– Нет, этого нельзя. Расстояние слишком велико для тебя, и притом мы поедем быстро.

Принц принял обиженный вид, но король остался тверд и настоял на своем.

Через час все было готово к отъезду.

Простившись с королевой, Беатриса стала собираться в дорогу и надела свое платье для верховой езды. Все туалеты, которые она брала с собой, уместились в один чемодан, отданный на попечение служанки.

По приказанию короля для Беатрисы и ее спутников были поданы превосходные лошади. Полдюжине конных слуг приказано было проводить их до Дьеппа. Иаков взял с собою только двух слуг и всю дорогу беседовал исключительно с отцом Джонсоном.

Оглянувшись на замок, в котором она была так счастлива, и вспоминая любезный прием, который ей оказала королева, Беатриса не могла подавить своего волнения и успела овладеть собою только тогда, когда кавалькада подъезжала уже к Манту.

Милостиво попрощавшись с отъезжающими, Иаков выразил надежду, что Беатриса застанет своего отца в живых, и дал ей поручение к полковнику Тильдеслею. Затем он повернул обратно в Сен-Жермен, а Беатриса с провожатыми двинулась дальше к Руану, куда и прибыла за час до полуночи.

Луна ярко сияла на небе, и башни и живописные здания этого красивого города, порезанного величавой рекой, четко выделялись на темном фоне.

Путники остановились в большой гостинице недалеко от собора, на рыночной площади. Утомившись после дороги, Беатриса сейчас же удалилась на покой.

На другой день рано утром путники отстояли обедню в великолепном соборе. Беатриса горячо молилась о здоровье отца.

Но надежда найти его в живых была очень слаба, и она приготовилась к худшему. Тревога не давала ей возможности насладиться всеми красотами собора и заставляла ее рваться дальше.

Было еще довольно рано, когда путники пустились в дальнейший путь, в Дьепп. Оглянувшись на красивый город, лежавший за ними, Беатриса не могла не вздохнуть.

Местность вдоль Сены, по которой они теперь проезжали, представляла полную противоположность с чудными долинами, но Беатриса не замечала этой перемены: ее единственным желанием, казалось, было достичь скорее места назначения. Отъехав от Дьеппа мили две, путники нагнали партию каторжан. Эти несчастные имели самый жалкий вид: в лохмотьях, с непокрытой головой, они шли босые, с тяжелыми цепями на шее.

Вальтеру показалось, что он узнал одного из них. Конный стражник, ехавший возле него, подтвердил его наблюдение, назвав его Вандааленом. Это был тот самый голландец, который покушался убить короля Иакова.

Заметив, что разговор шел о нем, Вандаален крикнул Вальтеру:

– Король Иаков обещал мне прощение. Вот как он держит свое королевское слово!

– Молчи! – крикнул конвойный. – Или я прикажу дать тебе плетей. Я веду их в Дьепп, где для них приготовлены три галеры, – прибавил он, обращаясь к Вальтеру.

Кавалькада двинулась дальше и, обогнув слева прелестный замок д'Арк, скоро достигла этого приморского городка, раскинувшегося под охраной замка, расположенного на высокой скале к западу от гавани.

В эпоху, к которой относится наш рассказ, Дьепп представлял собою небольшой, но зажиточный приморский городок с деревянными домиками, теснившимися в чрезвычайно узких улицах. Это обстоятельство и погубило его, как сейчас увидим.

В тот же самый год, месяца два спустя, адмирал Россель и сэр Джордж Берклей решили после неудачной осады Бреста, который доблестно защищался под начальством знаменитого Вобана, сделать высадку на берегу Нормандии и бомбардировать Дьепп.

Обитатели городка приготовились всеми силами защищаться и загородили вход в гавань, затопив несколько кораблей, нагруженных камнем. Но это средство не помогло.

Осыпая город бомбами и гранатами, английский адмирал зажег его в разных местах и спалил дотла. От всего города остался только замок и несколько домиков около форта Палэ.

Когда наши путники прибыли в Дьепп, в его гавани стояло несколько судов, в том числе и три галеры для каторжан. То были некрасивые, странной формы суда длиной сто пятьдесят и шириной пятьдесят футов, с огромными веслами, которые торчали по бокам. На каждой галере было пятьдесят скамеек, по двадцати пяти на каждой стороне, к которым приковывались каторжане. Каждому из них давалось весло в пятьдесят футов длиной, с тяжелой ручкой, уравновешивавшей его тяжесть.

Такова была страшная работа, к которой был приговорен несчастный Вандаален. За малейшую провинность начальник галеры мог безнаказанно засечь его до смерти.

Беатриса несколько успокоилась, узнав, что небольшое судно, нанятое отцом Джонсоном, ждет их в гавани.

Капитан заявил, что он будет готов к отплытию через три часа, когда начнется прилив. Было условлено, что он доставит пассажиров прямо к берегам Сассекса.

Разузнав обо всем, Беатриса сошла с лошади и вместе со священником отправилась помолиться о здоровье отца в старинную церковь Святого Иакова. Когда она опустилась на колени, у нее явилось предчувствие, что ее отца уже нет в живых. Из церкви она явилась прямо на корабль. Жена капитана, красивая женщина средних лет, отвела ее в лучшую каюту и не покидала ее во все время переезда.

Слуги, посланные с нею королем Иаковом, остались в гостинице. Они должны были хорошенько дать отдохнуть лошадям, так что в обратный путь им можно было двинуться только на другой день.

Имея два часа свободного времени, Вальтер решил осмотреть город. Ему очень понравились маленькие деревянные домики, но ему и в голову не приходило, что скоро они будут уничтожены его земляками.

Когда он возвращался в гавань, партия каторжан вступала в город. Встреча, которую им устроили добрые обитатели Дьеппа, крайне удивила его. Вместо того чтобы пожалеть этих несчастных, жители осыпали их проклятиями, так что им пришлось скорее спастись на своих галерах. Начальник конвоя пригласил Вальтера посмотреть, как они будут спускаться в трюм и усаживаться по своим местам, но тот отказался и пошел дальше.

Экипаж «Святой Луции» – так назывался корабль, нанятый для Беатрисы, – состоял из трех человек и мальчика. Для небольшого судна этого было совершенно достаточно. Сам капитан Пьер Шабо был человек расторопный и опытный.

В назначенное время все было готово к отплытию. Маленький корабль был выведен на буксире из гавани, поднял паруса и благодаря попутному ветру скоро скрылся из глаз.

В течение суток не попалось навстречу ни одного враждебного судна. Только в отдалении то там, то сям мелькали иногда паруса. Ночью за ними гнался английский бриг, сделавший по ним три или четыре выстрела. Пользуясь темнотой, им удалось скрыться. За исклю-

чением этого случая переезд во всех отношениях совершился спокойно, а путники прибыли в Нью-Хейвен на следующее утро.

Рыбачья лодка быстро свезла их на берег.

VI

В родном гнезде

В те времена якобитов и папистов, которые пытались тайно высадиться на английский берег, хватали и отправляли в тюрьму. Той же участи подверглись бы и пассажиры, высадившиеся в Нью-Хейвене, если бы им не удалось обмануть бдительность береговой стражи. Но Вальтер Кросби и отец Джонсон не в первый раз совершали такой переезд и знали, как нужно действовать в таких случаях.

Они продвигались вперед лишь тогда, когда впереди нельзя было подозревать присутствия врагов. Не останавливались они и в гостиницах, не наведя предварительно подробных справок об их хозяевах.

В Нью-Хейвен жил некто Марк Вистон, на которого путники могли смело положиться. Они сразу направились к его дому, который находился в верхней части города, и, предложив крупную награду, уговорили его отвезти их в закрытой повозке в дом некоего мистера Макссуэлл, близ Льюиса.

Максуэлл был католик и якобит. Не будучи знакомы с ним лично, Вальтер Кросби и отец Джонсон были, однако, вполне уверены, что он окажет им самое радушное гостеприимство и поможет продолжать путь дальше.

И они не обманулись в своих ожиданиях.

После завтрака путники двинулись в карете по довольно дикой местности, покрытой лесом, в Вакехерсил-Плейс – старинное красивое здание, принадлежащее паписту сэру Никласу Кольпеннеру, ярому стороннику короля Иакова.

Сэр Никлас с удовольствием воспользовался случаем оказать услугу родственнице полковника Тильдеслея, так как ему было известно о благосклонности к ней королевы, которой она пользовалась в Сен-Жермене.

Он принял все меры для того, чтобы облегчить поездку Беатрисы в Ланкашир, дал ей и ее спутникам лошадей и посоветовал им ехать к мистеру Понсонби, который, со своей стороны, даст им возможность ехать дальше.

Действительно, мистер Понсонби принял пугников с распростертыми объятиями и доставил их к одному из своих приятелей в Беркшире, который, в свою очередь, отвез их в Нортampton.

Спать путникам приходилось очень недолго, и все удивлялись, как Беатриса могла не чувствовать усталости. Бодрость духа не покидала ее, и она беспрестанно торопила спутников, советуя им не обращать на нее внимания.

На шестой день после отъезда из Нью-Хейвена они достигли Манчестера и остановились в гостинице «Бычья голова». Здесь Беатриса узнала, что ее отец умер. Он скончался в тот самый день, когда она выехала из Сен-Жермена, и был похоронен в Престоне в церкви Святого Иоанна.

Это известие поразило ее. Она только и поддерживала себя надеждой снова увидеть отца. Теперь же, когда оправдались ее опасения, силы покинули ее. Сначала ей казалось, что она не в состоянии будет ехать дальше, но потом она уступила мягким настояниям Вальтера и отца Джонсона и решила сделать последнее усилие и добраться до Майерскофа, которому теперь предстояло стать ее домом. Она с трудом садилась на лошадь, но по мере того, как всадники приближались к месту назначения, силы к ней возвращались. Спутники, видя такую перемену, едва верили своим глазам. Она не жаловалась во время путешествия, но была вся поглощена мрачными мыслями.

Ночью путники прибыли в Престон. Первым делом Беатриса отправилась на могилу отца. Помолвившись и поплавав, она почувствовала большое облегчение.

С облегченным сердцем направилась она дальше в Майерскоф. Ее сопровождал только Вальтер. Отец Джонсон отправился туда заранее, чтобы предупредить о ее прибытии полковника Тильдеслея.

Сначала она ехала молча, но по мере того, как бежала дорога, завязывалась и беседа.

– Я чувствую, что я дурно обошлась с вами, Вальтер, так сильно предавшись своему горю. Простите меня, – начала Беатриса.

– Я сильно страдал за вас, Беатриса, – отвечал он. – И если я не решался утешать вас, то потому, что чувствовал себя совершенно неспособным на это. Судя по всему тому, что мне приходилось слышать, я был почти уверен, что вы никогда уже не увидите вашего отца. Но, конечно, я не мог сказать вам этого.

– Благодарю вас за вашу осторожность. Если б я знала, что приеду слишком поздно, я, может быть, и не поехала бы и, таким образом, не исполнила бы своего долга.

– Ради вашего спокойствия вам, по-моему, лучше было бы возвратиться обратно, – промолвил Вальтер.

– А знаете, у меня было много дурных примет во время пути, и я боюсь, что мы уже не можем надеяться на бывшее счастье. Будущее представляется мне в мрачном свете. Здесь, в Ланкашире, готовится обширный заговор против правительства, и дело, конечно, должно кончиться гибелью лучших семей.

– Я не согласен с вами, – возразил он, – и думаю, что кое в чем этот заговор будет очень удачен. Что же остается католикам, как не поднять восстание? Преследования, которым они подвергаются, становятся невыносимы.

– Я знаю это! – воскликнула она. – Но в то же время я чувствую, что восстание будет роковым для нас, для нашего дела, для нашей религии. Протестантская партия сильнее нас, и она должна восторжествовать. Во время нашего пути я всесторонне изучала положение и пришла именно к такому заключению. Боюсь, что, несмотря на все наши усилия, наш добрый король Иаков не вернется на трон. Я почти уверена, что не будет восстановлена и наша религия.

– Не нужно ни в чем отчаиваться, – попробовал утешить ее Вальтер. – По моим соображениям, король Иаков вернется сюда через несколько месяцев, а затем совершится и все остальное.

– Да помогут нам Небеса! – пылко воскликнула Беатриса. – Но я не могу питать таких надежд. Как бы мне хотелось повидать опять королеву. Мне кажется, что я рассталась с ней уже давным-давно!

– Если у вас такое желание, то вы можете ведь и вернуться в Сен-Жермен, – заметил Вальтер. – Я уверен, ее величество будет очень рада увидеть вас.

– Может быть, я действительно уеду обратно, – отвечала Беатриса. – Посмотрим.

В это время сквозь просеку парка показался Майерскоф. Беатриса остановила лошадь и стала смотреть на него.

Благодаря прекрасной погоде или потому, что она давно не была здесь, местность представлялась ей такой красивой, какой она никогда не видала ее прежде.

Старинный дом как будто улыбался ей и звал ее к себе, и эта мысль навевала на нее удивительное спокойствие.

– Как мирно все вокруг этого дома! – воскликнула она. – Можно подумать, что его обитатели наслаждаются полным счастьем. Боюсь, однако, что оно не составляет удела моего родственника.

– Он вполне заслуживает его, – сказал Вальтер. – Здесь нет другого такого человека, как полковник Тильдеслей.

– Это, конечно, так. Но он слишком запутался с якобитами, слишком вдался в их заговоры, и теперь у него нет ни спокойствия, ни безопасности. Каждую минуту он должен

быть готов бежать из этого дома, каждую минуту его могут схватить и увезти отсюда. Хуже всего, – прибавила она, вздрагивая, – что он может умереть на эшафоте.

– Во всяком случае, он умрет за благое дело, – произнес Вальтер. – Но я уверен, что его ждет лучшая доля.

В воротах парка, которые были раскрыты настежь, стоял Горнби. Сияя от радости, старый дворецкий поздравил Беатрису с возвращением в родные места.

– Рад вас видеть опять, дорогая леди, – воскликнул он тоном, не допускавшим сомнения в его искренности. – Все слуги тосковали по вам, а я больше всех. А полковник был сам не свой без вас.

Затем Горнби рассыпался было в сожалениях по поводу смерти ее отца, но, увидев, как огорчают ее эти напоминания, смолк и обратился к Вальтеру.

Полковник Тильдеслей ожидал Беатрису перед домом. Увидев ее, он поспешил навстречу и прижал ее к своему сердцу.

Хотя Беатриса уже заранее предвкушала эту встречу, рисуя ее себе приблизительно так, как она и произошла в действительности, однако свидание это слишком сильно подействовало на нее. Войдя в дом, она сейчас же направилась в комнату, которую привыкла считать своей.

Вскоре она вполне овладела собой и вышла в зал.

Между тем полковник дружески здоровался с Вальтером, который искренне любил его и был рад его видеть.

Явился и отец Джонсон. По настоятельной просьбе Беатрисы он должен был идти в церковь и отслужить там молебен, на котором присутствовали и Вальтер с Тильдеслеем.

Скоро обнаружилось, что Беатриса чересчур переутомилась от слишком длинного и быстрого пути. Она стала жаловаться на упадок сил и, удалившись, по совету полковника, в свою комнату, больше уже не показывалась в этот день.

Утром ей сделалось хуже, а к вечеру она опасно заболела.

Вальтер Кросби поскакал в Ланкастер – самый близкий город, где можно было найти врача, и привез с собою доктора Давенпорта, которому Тильдеслей вполне доверял: Давенпорт лечил неоднократно его покойную жену.

Осмотрев больную, доктор заявил, что она заболела от чрезмерного утомления. Выслушав рассказ Вальтера о путешествии, которое они только что совершили, он назначил больной лекарство, стимулирующее действие сердца, рассчитывая, что оно будет иметь хорошее действие.

Полковник Тильдеслей сильно тревожился за больную, и доктору пришлось заночевать в Майерскофе. Время от времени он давал больной капли и к утру следующего дня объявил, что она уже вне опасности. При надлежащем покое она должна была скоро поправиться.

Тяжелую ночь пришлось провести Вальтеру и полковнику, которые несколько успокоились лишь к утру, когда стало известно, что Беатрисе лучше. Хотя кризис и миновал, она все еще была очень плоха и несколько дней не показывалась из своей комнаты. Ее могли навещать только ее прислуга, доктор, спасший ей жизнь, и отец Джонсон.

У полковника Тильдеслея были и другие заботы. Как известный приверженец изгнанного короля и верный сын Папы, он был особенно замечен для правительства. Когда в 1680 году был издан закон об амнистии, Тильдеслей вместе с двумя-тремя своими друзьями нарочно не был подведен под него как продолжающий сопротивляться правительству.

Вскоре был издан новый закон, уполномочивавший судей отдавать распоряжения об аресте, обыске и конфискации оружия и боевых запасов в домах папистов. Лошади, стоявшие дорожке пяти фунтов, также отбирались у частных лиц в пользу короля.

Положение полковника при таких условиях было очень опасно, но друзья успевали уведомлять его, когда ему грозила какая-нибудь опасность. Недавно они предупредили его, что власти напали на след большого якобитского заговора, в который, может быть, замешают и его. Все боялись, что Тайный совет даст приказ о его аресте. Приходилось, следовательно, принимать все возможные меры предосторожности.

Полковник Тильдеслей не раз получал подобные предостережения и прежде и почти перестал обращать на них внимание. Но на этот раз дело было слишком серьезно, и Вальтер советовал ему не пренебрегать предупреждением.

Обдумав дело как следует, Вальтер пришел к заключению, что заговор, о котором говорило предупреждение, был не что иное, как план захватить Тауэр, предложенный Лентом королю Иакову. Он не мог только понять, каким образом заговор мог обнаружиться так быстро. Неужели о нем донес тот, кто сам его организовал?

Вальтер всегда сомневался в надежности Лента, а теперь его прежние подозрения получили новую силу.

После аудиенции у короля, на которой он изложил свой план заговора, Лент уехал из Сен-Жермена, захватив с собою и бумаги, которые могли бы подкрепить его донос. Почти сейчас же после его прибытия в Лондон пошли слухи о большом заговоре якобитов, которые, несомненно, предвещали большие аресты. Вальтер теперь не сомневался, что не кто иной, как сам Лент, выдал заговорщиков. Побудить его к этому могла предложенная правительством награда – ведь оно платило доносчикам очень щедро, наделяя их из имущества тех, которые подвергались осуждению. На этот раз для конфискации были намечены, очевидно, самые богатые из якобитских дворян.

В этом гнусном деле первым помощником для всех доносчиков был главный прокурор Аарон Смит. Он принимал шпионов у себя в канцелярии и, научив их, как действовать, передавал их с рук на руки своему помощнику Кулленфорду, от которого они получали дальнейшие инструкции.

Если Лент действовал по внушению этих господ – а было похоже на то, – в таком случае положение полковника Тильдеслея становилось очень опасным: негодяй, очевидно, не остановится перед предательством. Если бы удалось получить приказ об аресте полковника, то Лент, зная расположение Майерскофа, мог бы всегда выбрать для нападения наиболее слабое место, и все приготовления к защите оказались бы напрасными. Нападающие, очевидно, перерывают весь дом и парк в поисках драгоценностей хозяина, которые были спрятаны, о чем Ленту хорошо было известно. А его обширная коллекция оружия и лошади наверняка будут конфискованы.

Вальтер не говорил полковнику о всех своих подозрениях и ограничился лишь тем, что посоветовал ему быть как можно осторожнее.

– Нельзя пренебрегать полученными предупреждениями, полковник, – сказал как-то Вальтер, сидя с хозяином в большом зале. – Вам нечего ждать пощады от правительства, которое поставило вас вне закона. Что же вы намерены делать, если будет отдан приказ о вашем аресте? Вы так и дадите себя арестовать?

– Конечно нет, – отвечал полковник.

– В таком случае вам нужно подготовиться к защите или бежать.

– Как могу я защищаться? – мрачно произнес полковник. – Положим, я могу отбить одно нападение. Но на следующий день против меня явится еще более сильный отряд, и я должен буду уступить. Майерскоф не крепость, да и людей у меня нет.

– Это, конечно, верно, – согласился Вальтер. – Но все-таки вы не должны покоряться.

– Что же прикажете мне делать? Придется, по всей вероятности, покинуть отечество и искать убежище во Франции.

– Напрасно, – возразил Вальтер. – Держитесь здесь, пока можно, и рассчитывайте на то, что счастливый случай вас выручит. Может произойти нечто такое, чего мы теперь и не предвидим. Вильгельма Оранского могут убить. Может случиться восстание или вторжение. Тогда положение сразу переменится.

– Мы так часто обманывались в своих расчетах на восстание, что я потерял всякую надежду на него, – отвечал Тильдеслей. – А то касается вторжения, то, боюсь, его совсем не будет.

– Все возможно, – промолвил Вальтер. – Но вам нужно избежать ареста во что бы то ни стало.

При этих словах в зал вошел отец Джонсон. Узнав, о чем шел разговор, он выразил твердую уверенность, что заговор был выдан Лентом и что теперь следует ждать появления в Майерскофе полицейского отряда.

– Что он явится сюда, это я предвижу по многим признакам, – продолжал священник. – Явится с ним и Лент. Он ведь знает все тайники дома. Когда он приехал сюда в первый раз, я вообразил, что он вполне надежный человек, и, к несчастью, вверился ему. Я жестоко браню теперь себя за эту неосторожность. Но если он явится сюда с приказом об аресте, то не найдет уже здесь ни денег, ни ценностей, ни серебра.

– Он не должен найти ничего, – воскликнул полковник. – Надо все заранее увезти.

– Не должен он захватить и оружие, а также лошадей.

– Совершенно верно.

– Кроме того, нужно, чтобы он не мог найти вас, полковник, иначе вы скоро очутитесь в ланкастерской крепости.

– Я не могу бросить дом.

– Может быть, этого и не нужно, – возразил отец Джонсон, – хотя в Сен-Жермене вы были бы в большей безопасности. Но меры предосторожности нужно принять немедленно. Спрячьте серебро и ценные вещи и прикажите увести куда-нибудь лошадей.

– Я сделаю, как вы советуете, – отвечал полковник.

Посоветовавшись затем с верным Горнби, он решил изменить свои планы. Дворецкий считал, что лучше всего не трогать ни серебра, ни ценных вещей.

– Последуйте, сударь, моему совету и оставьте все так, как есть, – начал он. – Если вы начнете вывозить все отсюда, то вы только навлечете на себя новые опасности. Если обыск будет, то, я не сомневаюсь, мы успеем к нему подготовиться. Наконец, мы, во всяком случае, не позволим грабителям увезти отсюда их добычу. По тем же соображениям я советую вам не отводить ваших лошадей. Пусть стоят в конюшне. Они могут понадобиться вам, и тогда вам придется пожалеть о том, что их нет.

– Ты прав, Горнби, – сказал полковник. – Твой план совпадает с моим. Серебро и ценные вещи могут пригодиться при случае, ибо я знаю по опыту, что при обыске можно и подкупить. Что касается лошадей, то, конечно, они будут побыстрее драгунских и помогут мне скрыться от них.

– И я так думаю, господин полковник, – сказал дворецкий. – С вашего позволения я сделаю все приготовления и приму меры на случай ожидаемого визита. Посетители встретят здесь горячий прием, а если с ними явится и мистер Лент, то мы окажем ему особую честь.

На этом разговор окончился, и дворецкий удалился.

Но поднявшаяся тревога не соответствовала, по-видимому, опасности.

Все было спокойно, и в этой местности не было ни одного ареста. Полковник Тильдеслей стал было уже надеяться, что буря пронеслась мимо.

VII

Приключения Вальтера в Лондоне

Тем временем Беатриса поправилась настолько, что могла уже выходить из своей комнаты. Ее появление вызвало общую радость обитателей Майерскофа. Она все еще была слаба, но румянец уже вернулся к ней. Нечего, однако, было и думать ехать в Нью-Хейвен.

– Мне нужно поделиться с вами кое-чем, – сказал ей как-то Вальтер, когда они остались вдвоем. – У меня есть план, исполнение которого я отложил до тех пор, пока не переговорю с вами. Я хочу ехать в Лондон и добиться там в Уайтхолле свидания с министром внутренних дел сэром Джоном Тренчардом. Я предполагаю также повидаться с главным прокурором мистером Аароном Смитом.

– Да ведь это же наши смертельные враги! – воскликнула молодая девушка.

– Потому-то я и хочу их видеть, – возразил он. – Я уверен, что от них я мог бы получить очень ценные указания.

– Вас там арестуют.

– Напротив, я думаю, что меня примут с распростертыми объятиями. Оба они сильно поощряют доносчиков, а я именно и хочу явиться под видом одного из них. Я постараюсь уверить их, что у меня есть важные государственные тайны, которые я хочу им открыть. Они знают о моих связях с партией якобитов и, конечно, поверят мне.

– Такой способ действий, может быть, и удастся, но я не могу его одобрить: он недостойн вас.

– Против врага хорош всякий способ действий. Кроме того, это значит бороться с ним его же оружием. Этот негодяй и изменник Лент, очевидно, нанят Аароном Смитом, чтобы погубить жизнь наших друзей, а я хочу их спасти и поэтому-то и решаюсь рискнуть. Отец Джонсон и я последнее время только и ждем, что полковник Тильдеслей будет арестован по доносу Лента.

– В самом деле? – воскликнула она. – Я ничего не слыхала об этом.

– От вас нарочно все скрывали. Но я боюсь, что опасность еще не миновала.

– Это очень тревожное известие. Вы окажете огромную услугу друзьям, если расстроите замыслы этих негодяев. Вы уже говорили о вашем плане с полковником?

– Говорил. Он находит его слишком рискованным и старается убедить меня отказаться от этой попытки.

– Я тоже хотела отговаривать вас, Вальтер. Но, выслушав вас, я не могу не согласиться с вами. Поезжайте, а я буду горячо молиться о вашем успехе.

– Вы меня подбодрили, – сказал он, целуя ее руку.

– Когда вы предполагаете отправиться? – спросила она.

– В самом непродолжительном времени. Мне нужно быть в Лондоне именно теперь, и долго ждать здесь не приходится.

– Вы едете один?

Он отвечал утвердительно.

– Мне очень хотелось бы ехать с вами, – продолжала она. – Но, к сожалению, это невозможно.

– Я понимаю, – промолвил он со вздохом. – Вы не можете оказать мне какую-нибудь помощь. Я должен сделать все один. Все приготовления я уже сделал, остается только приказать подать лошадей.

– Стало быть, нам нужно проститься сейчас.

– Так будет лучше. Передайте мой привет полковнику и отцу Джонсону.

С этими словами Вальтер прижал ее к своей груди. От охватившего их сильного волнения они не могли промолвить ни слова и расстались молча.

Минут через десять Вальтер шел уже к конюшням. Он был одет в дорожный костюм и нес с собой небольшой чемодан. По дороге ему попался полковник Тильдеслей, которому волей-неволей пришлось рассказать о задуманной поездке в Лондон.

– Должен вам откровенно признаться, дорогой полковник, что мне не хотелось прощаться с вами, – сказал Вальтер. – Вы, конечно, легко поймете меня и не осудите, надеюсь. Я сообщил свой план Беатрисе, которая передаст вам все подробности. Я надеюсь скоро вернуться и привезти вам хорошие известия.

– Если вы ничего не имеете против, – воскликнул полковник, – то я провожу вас до Престона.

– Напротив, я буду чрезвычайно рад, – отвечал Вальтер. – Это придаст мне бодрости.

В конюшне они нашли Горнби, который распорядился уже оседлать для Вальтера сильного коня. Сбоку седла были прикреплены пистолеты, а спереди плащ. Чемодан привязали сзади.

– Надеюсь, вы не сердитесь на меня, полковник, – почтительно сказал Горнби. – Но я не мог не помочь капитану Кросби в осуществлении плана, который – одобрите вы его или нет – имеет в виду вашу же пользу.

– Ты поступил правильно, Горнби, – отвечал полковник. – Если капитан решился привести в исполнение свой замысел, то я ничего не имею против этого. Будем надеяться, что все пойдет хорошо. А теперь распорядись оседлать мою лошадь поскорее!

– Как, и вы едете в Лондон, полковник! – воскликнул удивленный дворецкий.

– Тебя не касается, куда я еду. Я возьму с собой только одного грума.

Из своей комнаты, из которой открывался вид на въездную аллею, Беатриса видела, как Вальтер и полковник, сопровождаемые грумом, проехали через подъемный мост и выехали на дорогу. Вальтер взглянул на окно и сделал своей невесте прощальный жест рукой.

Беатриса долго следила за ним, пока они ехали по дороге. Когда всадники наконец скрылись из виду, она отошла от окна и воскликнула с выражением полного отчаяния:

– Увижусь ли я еще с ним когда-нибудь?

Невесело ехал в Престон полковник Тильдеслей. Он никак не мог отделаться от предчувствия, что Вальтер напрасно подвергает себя опасности. Он не отговаривал его от затеи, но не мог и подбодрить его.

Сам Вальтер был в довольно хорошем настроении. Предприятие, которое он затеял, как раз соответствовало его характеру, склонному ко всякого рода приключениям. Мысль о неудаче как-то не приходила ему в голову. Напротив, он твердо верил, что ему удастся оказать огромную услугу как полковнику Тильдеслею, так и другим ланкаширским якобитам.

Когда всадники достигли Престона и настало время проститься, полковник в последний раз сделал попытку отговорить своего спутника от дальнейшего путешествия и вернуться в Майерскоф. Но Вальтер ответил решительным отказом.

– Нет, полковник, я теперь уж не хочу возвращаться назад, – сказал он. – Не вижу причин, почему я должен отказаться от моего плана.

– Не будем больше говорить об этом, – отвечал полковник. – Скажу только, что буду сердечно рад видеть вас опять у себя здоровым и невредимым. Но прежде, чем мы расстанемся, скажите, не нужно ли вам денег? Вот мой кошелек.

– Думаю, что я захватил довольно, – сказал Вальтер. – Впрочем, не откажусь от вашего любезного предложения.

Пожелав друг другу всего хорошего, они расстались, и каждый поехал своей дорогой.

Полковник Тильдеслей пробыл в Престоне часа два-три. Он поспешил повидаться с Тоунлеем, который жил в доме одного своего приятеля, и имел с ним продолжительный разговор наедине.

– Мы, несчастные якобиты, подвергаемся теперь большой опасности, – сказал Тоунлей. – Один Бог знает, что с нами будет, если только обстоятельства не повернутся в нашу пользу. Мы все ждем восстания и вторжения, но ничего подобного нет и нет. Нам обещали освободить нас от узурпатора, а он все еще сидит на троне. Мы с вами да еще лорд Молинэ, по-видимому, намечены в жертву, и я боюсь, что нам не удастся убежать и избегнуть заключения в тюрьму.

– Мне не хочется оставлять Майерскоф, – отвечал гость. – Иначе я, конечно, поспешил бы в Сен-Жермен, захватив с собою и мисс Тильдеслей. Но я должен еще дожидаться возвращения из столицы капитана Кросби. По новостям, которые он привезет с собою, видно будет, что нам делать дальше.

– Очень может быть, что он и не вернется совсем, – промолвил Тоунлей, – и мы скоро услышим, что его заключили в Тауэр.

– По правде сказать, я этого не думаю; но если это случится, я немедленно отправлюсь во Францию.

– Мне кажется, следовало бы собрать всех наших друзей, – сказал Тоунлей, – и обсудить, что нам делать при настоящих обстоятельствах.

– Это непременно нужно сделать, – согласился с ним Тильдеслей. – Необходимо только соблюдать в этом случае особую осторожность, как бы не проводали об этом правительственные шпионы и доносчики. Иначе нас непременно арестуют. Где нам лучше собраться, в Тоунлее или в Майерскофе?

– Лучше всего собраться через неделю у меня, – ответил Тоунлей. – Я приглашу и всех других.

– Можете на меня рассчитывать. Может быть, и капитан Кросби вернется к этому времени из Лондона. Тогда я привезу его с собою.

– Непременно постарайтесь, – сказал Тоунлей.

Вскоре Тильдеслей ехал обратной дорогой к себе в Майерскоф.

Что касается Вальтера, то, расставшись с полковником и проехав Престон, он остановился на короткое время в Чорлее. Переночевав затем в Манчестере, он рано утром двинулся дальше и к завтраку был уже в Маклфилде.

Лошадь бежала бодро, и к вечеру Вальтер достиг уже Дерби. Отсюда он направился на Нортгамптон и поздно вечером на четвертый день прибыл наконец в Лондон. Здесь он остановился в гостинице «Королева» на улице Стрэнд. Хозяин этой гостиницы Никлас Прайм был тайный якобит, и его дом служил местом сбора всей партии.

Сильно утомившись от продолжительной поездки, Вальтер проснулся на другой день довольно поздно и, сойдя в общую залу, застал там только одного слугу.

Заказав для себя завтрак, он объявил, что хотел бы переговорить с самим хозяином. Прайм сейчас же явился. Поздоровавшись с гостем, хозяин сказал:

– Я слышал, что кто-то прибыл сегодня ночью, но я никак не думал, чтобы это были вы, сударь. Советую вам держаться как можно осторожнее, – прибавил он, понижая голос. – Безопасность еще не наступила для наших друзей. С того времени, как открыли заговор, произведено немало арестов и ожидаются дальнейшие.

– Я отлично знаю об этом, Прайм, – сказал Вальтер, – хотя, должен сказать, я думаю, что тут и не было никакого заговора. Кажется, все это устроил Лент. Скажите, он еще здесь, в городе?

– Вчера он был здесь. Берегитесь его! Он очень опасный человек.

– Он негодяй, но я надеюсь сделать его безвредным при помощи еще большего негодяйства.

– От души желаю вам удачи, сударь, и со своей стороны готов помочь вам всем, чем могу.

Вальтер с аппетитом принялся за принесенный завтрак, покончив с ним, вышел из гостиницы и пошел по направлению к Черинг-Кросс.

Его бравый вид и красивая фигура невольно привлекали к нему общее внимание, так что некоторые долго смотрели ему вслед.

Один из этих ротозеев, который в течение нескольких минут смотрел на него как-то особенно внимательно, вдруг повернул назад и пошел за ним.

Бросив восхищенный взгляд на конную статую, украшавшую площадь Черинг-Кросс, Вальтер направился прямо к Уайтхоллу, который был как раз перед ним.

Этот огромный, великолепный дворец сохранялся почти в том же виде, в каком его застала внезапная смерть Карла II. Следующее царствование не внесло в него никаких переделок, восшествие на престол Вильгельма также ни в чем не изменило его внешности.

Дворец представлял собою огромное здание, в котором помещались королевские апартаменты, комнаты фрейлин и придворных чинов и дворцовая хозяйственная часть.

К дворцу примыкали помещения для высшей знати, красивая домашняя церковь, длинная широкая каменная галерея, прекрасный сад с четырехугольными клумбами, украшенными статуями, площадка для игры, на которой «веселый монарх» и его придворные состязались почти каждый день в мяч, и, наконец, огороженное место, где происходили любимые при дворе петушинные бои.

Несмотря на отсутствие симметрии и однообразие, Уайтхолл имел необыкновенно живописный вид, особенно если смотреть на него со стороны реки, откуда он лучше всего был виден, или со стороны ворот, увековеченных на рисунках Гольбейна.

Вальтер хорошо знал этот старинный дворец, в котором он долго жил в счастливую пору своей молодости. Он остановился перед ним и, впери в него взор, внутренне прочитал молитву, чтобы изгнанный из него король вернулся в него опять.

Пока Вальтер стоял перед дворцом, человек, следовавший за ним от улицы Стрэнд, поравнялся с ним; Вальтер узнал в нем Лента и невольно нахмурился.

Не замечая или делая вид, что он не замечает неудовольствия молодого человека, Лент вежливо приподнял шляпу и сказал:

– Очень рад вас видеть в Лондоне, капитан Кросби. Я думал, что вы еще в Сен-Жермене.

– Я удивлен, видя вас здесь, сэр, – отвечал Вальтер. – Должно быть, ваш огромный заговор рухнул, так как Тауэр до сих пор не в ваших руках.

– Не говорите так громко, сэр, – прошептал Лент. – Нас могут услышать. Мне бы хотелось поговорить с вами. Не хотите ли прогуляться со мной по парку?

– Сейчас я занят, – холодно отвечал Вальтер.

– Подождите одну минуту, сэр! – вскричал Лент. – Скажите, где вы остановились, и я зайду к вам.

Вальтер не ответил ему и быстро пошел домой.

– Не уйдешь от меня, мой милый, – проворчал ему вслед Лент. – У тебя, очевидно, здесь есть какое-то дело. Ты, может быть, хочешь стать шпионом. Ну, если так, тогда ты будешь иметь дело со мной. А теперь посмотрим, куда ты идешь.

VIII

Вальтер в пасти льва

Не зная, что за ним следят, Вальтер прошел сквозь широкие дворцовые ворота, в которых стояли два конных стражника и несколько часовых, и вступил на главный двор.

Как памятен ему этот двор! Но теперь он далеко не так оживлен, как в те времена, когда Вальтер был еще пажом. Тогда здесь толпилось множество разряженных придворных, а теперь лишь кое-где виднелись отдельные фигуры. Сам дворец имел какой-то мрачный, унылый вид, словно он чувствовал, что пережил свою славу.

Взглянув мимоходом на Банкетный зал, Вальтер двинулся на другой конец двора, где были сосредоточены главнейшие правительственные учреждения. Скоро он был перед казначейством – огромным зданием, лежавшим между канцелярией лорда-камергера и помещением Тайного совета. Вальтер быстро поднялся по лестнице и вошел в переднюю, из которой шел длинный коридор. Тут стояло несколько привратников и рассыльных, которые повели его в канцелярию сэра Джона Тренчарда, находившуюся в конце коридора. В первой комнате, в которую они вступили, сидело за столами несколько клерков. Один из них, по-видимому, сразу узнал Вальтера и вызвался доложить о нем сэру Джону Тренчарду.

Через несколько минут клерк вернулся и повел Вальтера в другую комнату, окна которой выходили во внутренний дворцовый сад. Посреди его стояла, к удивлению Вальтера, конная статуя короля Иакова.

Сэр Джон сидел один за столом, на котором лежали какие-то бумаги.

Это был красивый мужчина лет сорока, богато одетый в яркий камзол, шитый золотом, в длинном парике и галстук из брюссельских кружев. Широкие рукава его камзола также были украшены кружевами.

При входе Вальтера сэр Джон поднялся и, вежливо поклонившись, просил посетителя садиться.

– Не в первый раз мы встречаемся с вами, капитан Кросби, – начал он. – Я помню вас еще в детстве, когда вы считались самым красивым пажом короля Карла Второго. Помню вас и офицером в гвардии короля Иакова. С тех пор наружность ваша не изменилась.

– Вы льстите мне, сэр Джон, – сказал Вальтер с улыбкой.

– Нисколько. С тех пор я много слышал о вас. Мне передавали, что недавно вы спасли в Сен-Жермене вашего августейшего покровителя от руки убийцы. Надеюсь, вы явились сюда не для того, чтобы требовать награды за этот подвиг? – спросил он насмешливо.

– Я не прошу никакой награды, сэр Джон, – возразил Вальтер. – Если бы я просил, то, конечно, не сюда мне следовало бы обратиться.

– Чему же я обязан вашим посещением, капитан Кросби? – спросил сэр Джон, меняя тон. – Если вы хотите сделать мне какое-нибудь предложение, то я готов с радостью вас выслушать. Я знаю, у вас был прекрасный случай собрать важные сведения, и я полагаю, – прибавил он многозначительно, – что это обстоятельство следовало бы учесть. Скажите, вы давно были в Ланкашире?

– Я только что приехал оттуда.

– Ах, вот как! В таком случае вы могли бы сообщить кое-что о тамошних якобитах и папистах, которые вечно заняты разными заговорами?

– Я могу очень мало прибавить к тем сведениям, которые вы уже получили от мистера Лента.

– Ах, так вы слышали о нем? Мистер Лент сообщил мне многое, но мы желали бы знать все подробно, особенно относительно полковника Тильдеслея, Тоунлея, лорда Молинэ и других. Последнее время эти господа доставили нам немало хлопот, и их нужно успокоить.

– И вы просите меня помочь вам в этом деле, сэр Джон? А что вы можете мне за это предложить?

– Большую награду.

– Определите сумму точнее.

– Мой милый капитан, торгуясь со мною, вы не должны забывать, что вы сами отдались в мои руки. Я ведь могу арестовать вас. Нет, – прибавил он поспешно, – нет, я, конечно, не имею такого намерения, а вы можете положиться на щедрость правительства.

– Так дело у нас не пойдет, сэр Джон, – решительно сказал Вальтер. – Нужно точнее условиться относительно размера суммы – и суммы немаленькой. Ответа я могу и подождать, – прибавил он. – Завтра в этот же час я опять зайду к вам, и к этому времени вы, вероятно, уже обдумаете мое предложение.

– Условиться нужно немедленно. Мы хотим арестовать с дюжину этих ланкаширских дворян. Я желал бы, чтобы вы переговорили с прокурором Аароном Смитом. Условиться вы можете и с ним.

– Я готов, – отвечал Вальтер. – Но я могу его теперь и не застать.

– Я не могу пойти к нему с вами, – сказал Тренчард, – но я пошлю за его доверенным секретарем мистером Кулленфордом.

С этими словами он позвонил в серебряный колокольчик, стоявший на столе. Явился рассыльный.

– Позовите сюда немедленно мистера Кулленфорда, – сказал Тренчард.

– Мистер Кулленфорд в приемной, – отвечал рассыльный.

– Вот кстати, позовите его сюда.

В ту же минуту в комнату вошел странного вида человек. На его лице ясно была написана хитрость и дерзость, а его манеры были вкрадчивы и почтительны.

Дюжий, коренастый и краснощекий, он был одет в неуклюжий серый сюртук, на ногах у него были чулки и башмаки с четырехугольными носками, голову украшал небольшой парик.

Поклонившись почтительно Тренчарду, он бросил быстрый, испытующий взгляд на Вальтера.

– К вашим услугам, сэр Джон, – произнес он. – Вы желали меня видеть?

– Отведите этого господина к вашему начальнику. Скажите, что он прислан мною. Он сам изложит ему, в чем дело.

Мистер Кулленфорд поклонился.

– Могу узнать имя этого господина? – спросил он.

– Да, но только по секрету. Капитан Кросби.

– Тот, который спас короля Иакова в Сен-Жермене?

– Тот самый.

– Он хочет сообщить какие-то сведения?

– Это зависит от той суммы, которую мне предложат, – заметил Вальтер.

– Передайте вашему начальнику, чтобы он условился с мистером Кросби относительно суммы, – сказал Тренчард.

– Слушаю. Не угодно ли будет последовать за мною? – промолвил Кулленфорд, обращаясь к Вальтеру.

– Мы с вами увидимся завтра, капитан, – сказал Тренчард.

– Непременно, сэр Джон, – отвечал Вальтер, откланиваясь.

Канцелярия мистера Аарона Смита находилась направо от широкой улицы, которая вела от внешнего двора к Скотленд-Ярду. Место было довольно бойкое, так как улица отличалась многолюдством. Против канцелярии была расположена гауптвахта.

В помещение мистера Смита ход был прямо с улицы. Никаких часовых здесь не было.

Мистер Кулленфорд старался быть общительным и хотел указать Вальтеру главнейшие учреждения, но тот скоро дал ему понять, что он знает эти места не хуже его самого.

Когда они явились в канцелярию мистера Аарона, оказалось, что прокурор был занят, и Вальтеру пришлось ждать приема более получаса.

Аарон Смит, судя по физиономии, был, несомненно, еврейского происхождения. Настоящее его имя было Лазарь. Он уже давно переменял религию и выдавал себя за настоящего протестанта. Его черные пронизательные глаза вопросительно уставились на Вальтера, когда Кулленфорд, представив его прокурору, вышел из комнаты. Видно было, что Аарон Смит представлялся самому себе чрезвычайно важной персоной. Впрочем, он обошелся с Вальтером вежливо и предупредительно.

— Очень рад вас видеть, капитан Кросби, — сказал он. — Вы именно то лицо, которое нам нужно. Мы можем щедро оплатить ваши услуги. Признаюсь, я на них никак не рассчитывал и был чрезвычайно удивлен, когда несколько минут тому назад мистер Кулленфорд назвал мне ваше имя, прибавив, что вас прислал сюда сэр Джон Тренчард, чтобы уладить дело окончательно.

— В наше время люди меняют принципы, как одежду, — сказал Вальтер. — До сего времени я был якобитом.

— Это известно всем, — заметил мистер Аарон. — Я не буду спрашивать, что привело вас к столь внезапной перемене убеждений. Предполагаю, однако, что вы, вероятно, разочаровались в ваших симпатиях?

— Совершенно верно, — отвечал Вальтер. — Я обманулся в своих ожиданиях, и, когда узнал, что Лент за свое сообщение получил крупные деньги, я подумал: почему бы и мне не сделать то же самое?

— Очень рад, что вы так быстро поняли свои интересы, капитан Кросби, — сказал прокурор. — Теперь вам представляется возможность заработать крупную сумму. Никто, конечно, не может упрекнуть вас в том, что вы решили использовать такой случай.

— Я не уверен в этом, сэр, — возразил Вальтер. — Думаю, что меня будут сильно бранить.

— Ну, не следует обращать внимание на то, что говорят люди! — воскликнул мистер Смит. — Ваши сведения будут для нас гораздо важнее, чем сообщения Лента. Он не пользуется хорошей репутацией и только компрометирует правительство.

— Сколько же вы мне дадите, позвольте вас спросить?

— Извините меня, капитан Кросби, я не могу дать сейчас же ответа на этот вопрос, — отвечал Аарон Смит.

— Как вам угодно, сэр. Ваш ответ несколько не может повлиять на меня. Я сам назначил себе сумму.

— Какую же сумму вы хотите? — спросил Смит. — Перейдем прямо к делу, без дальних разговоров.

— Десять тысяч фунтов.

— Десять тысяч фунтов! — воскликнул прокурор, откидываясь от изумления назад. — Господи помилуй! Это гораздо больше, чем я ожидал, гораздо больше, чем мы могли бы дать!

— Отлично, сэр, — произнес Вальтер. — В таком случае не будем больше и толковать об этом.

Но мистер Аарон не мог, конечно, расстаться с ним таким образом.

— Если бы мы не пригласили Лента, — сказал он, — то тогда, конечно, было бы иное дело. А теперь как от него отделаться? Этого мы не можем.

— А почему бы и не отделаться? — спросил Вальтер.

— Но ведь сделка с ним заключена, — возразил мистер Аарон.

— Отлично, уплатите ему и прогоните. Это будет для вас лучше всего. Вы же согласны, что он только вредит правительству.

– Надо обдумать это дело, – сказал прокурор. – Я не могу дать теперь решительного ответа.

– Я условился с сэром Джоном Тренчардом покончить это дело завтра, – продолжал Вальтер. – Может быть, вы успеете к тому времени переговорить с ним.

– Я так и хочу сделать, – отвечал мистер Смит. – Мы с вами скоро столкнемся.

Он пожал ему руку самым дружелюбным образом и сам отворил ему дверь.

Выйдя из комнаты, Вальтер встретил Кулленфорда, который, очевидно, его поджидал.

– Надеюсь, что дело уладилось к вашему удовольствию, капитан Кросби? – спросил он.

– Пока еще ничего не уладилось, – отвечал тот.

– Очень жаль, – заметил Кулленфорд. – Но я вижу, в чем дело. Тут есть одно препятствие, которое нужно удалить. Я поговорю с самим мистером Смитом. Он не будет колебаться в выборе между вами и Лентом.

– Надеюсь, что не будет, – сказал, смеясь, Вальтер.

Не успел Вальтер удалиться из канцелярии, как туда влетел легкий на помине Лент. Он был страшно взволнован и яростно набросился на Кулленфорда, который еще оставался в приемной.

– Я знаю, кто здесь был сейчас, и знаю, зачем он сюда приходил! – вскричал он.

– Отлично, кто же именно здесь был? – последовал спокойный вопрос.

– Капитан Кросби. Я видел, как он вошел сюда, видел, как он вышел. Я могу сказать, что он говорил и делал, как будто бы он был передо мною. Он хочет сделать донос на своих друзей в Ланкашире. Он хочет войти в сделку с вашим начальником и таким образом отнять у меня заработок. Но я этого не позволю, слышите, не позволю! – кричал Лент, ударяя кулаком по столу.

– Мне кажется, вашего позволения никто и не спрашивает, – возразил Кулленфорд. – Надо еще узнать, действительно ли капитан Кросби обращался к моему начальнику с такими предложениями.

– Я уверен в этом, – твердил Лент. – Зачем же иначе приходил сюда этот Кросби?

– Этого я вам не могу сказать. Вам лучше спросить об этом у самого мистера Смита.

– Я и спрошу. Я скажу ему свое решение. Будьте добры доложить ему обо мне, сэр.

Кулленфорд хотел было что-то возразить, но, на беду, в этот момент сам Аарон Смит вышел в приемную. Волей-неволей приходилось принять назойливого посетителя.

Их разговор длился больше часа. Лент вышел от прокурора с гневным видом и сказал Кулленфорду угрожающим тоном:

– Не думаю, чтобы капитан Кросби отправился в Манчестер.

– Почему же? – с любопытством спросил тот.

– Узнаете все в свое время, – отвечал Лент, выходя из канцелярии.

Желая еще раз посмотреть на дворец, в котором он провел столько счастливых дней, Вальтер снова вступил на большой двор и обошел его кругом, осматривая каждое здание, мимо которого он проходил.

Ему хорошо была известна судьба каждого из них: все они были тесно связаны с историей «веселого монарха». Вот здесь помещался Киллигру, здесь отец Патрик, здесь мисс Керк, с которой он был близко знаком.

Постояв немного, он двинулся дальше к флигелю, который занимали графини Кесльмэн, Фальмоут и Суффолк. Вот апартаменты королевы, вот и комнаты фрейлин. Ах, что это были за прелестные создания, фрейлины!

Со смешанным чувством смотрел он на эти здания, где жило столько замечательных лиц.

Во времена Карла II Уайтхолл был в расцвете своего блеска. Он был средоточием красоты, знатности, веселья и остроумия.

А теперь? Вальтер даже не задавал себе такого вопроса. С первого взгляда видно было, что это уже не тот веселый дворец, каким он был во времена Карла.

Ему и в голову не приходило, что через пять лет – в январе 1688 года – произойдет страшный пожар, который в несколько часов истребит большую часть исторических зданий, на которые он теперь смотрел.

«Пламя этого пожара, – говорит один современный писатель, – превратило в пепел все, что стояло ему на пути, от Тайного совета до Банкетного зала и Скотленд-Ярда. Огонь прежде, чем удалось его погасить, распространился до ворот герцога Ормонда».

Этим пожаром было уничтожено около ста пятидесяти зданий, где жила большей частью высшая придворная знать.

Побродив некоторое время по прелестному внутреннему саду и по другим уголкам, будившим в нем сладкие воспоминания, Вальтер очутился, сам не зная как, около собственного подъезда королевы, выходявшего на Темзу. Здесь стояла шлюпка, приготовленная, очевидно, для королевы, судя по суевившимся около нее придворным служителям.

Погода была великолепная и как нельзя более годилась для прогулки.

Вальтер вспомнил, как приятно было когда-то кататься по Темзе на этой великолепной шлюпке. Он вздохнул о давно минувших днях и приготовился было удалиться отсюда как можно скорее, как вдруг показалась блестящая группа, впереди которой шел дежурный офицер, а сзади несколько служителей в королевской ливрее. Не было сомнения, что гордо глядевшая, богато одетая дама, возле которой шли обер-камергер и сэр Джон Тренчард, была не кто иная, как сама королева.

Теперь уже было поздно бежать, и Вальтер, выступив в смущении вперед, сделал ее величеству глубокий поклон.

Пораженная его наружностью, королева спросила у окружающих, кто это такой. Граф Ноттингем не мог удовлетворить ее любопытство, но тут выдвинулся сэр Джон Тренчард и сообщил о Кросби все, что королеве угодно было знать. Ее величество была, видимо, удивлена, с заметным любопытством взглянула на Вальтера и пожелала, чтобы сэр Тренчард представил ей капитана.

Тот поспешил исполнить приказание, и Вальтер был принят весьма милостиво.

– Я не ожидала видеть вас здесь, капитан Кросби, – произнесла королева. – Я полагала, что вы в Сен-Жермене. Я слышала о вашем благородном поступке, который вы недавно совершили.

– Я только исполнил мой долг, всемилостивейшая государыня, – с поклоном отвечал Вальтер.

– Вашему величеству да будет известно, что капитан Кросби оставил Сен-Жермен, – сказал сэр Тренчард многозначительно.

– В самом деле! – воскликнула королева. – Я хотела бы переговорить с ним. Скажите, чтобы он явился завтра в Кенсингтонский дворец.

– В котором часу прикажете? – осторожно спросил сэр Джон.

– В двенадцать. Я буду ждать вас, капитан Кросби, – обратилась королева прямо к нему. Вальтер низко поклонился.

Когда королева стала спускаться к шлюпке, граф Ноттингем, не принимавший участия в разговоре, подал ей руку и повел ее по набережной.

Сэр Тренчард следовал за ними, но не сел в шлюпку, а вернулся обратно.

Он нашел Вальтера на прежнем месте и сказал ему, что королева отправилась в Гринвич.

– Счастливый вы человек, капитан Кросби, – начал он с улыбкой. – Сами будете виноваты, если не сделаете быстро карьеры. Вы положительно понравились ее величеству.

– Вы льстите мне, сэр Джон, – заметил Вальтер.

– Нет, это верно. Вы, конечно, и сами это заметили. Я никогда не видел, чтобы королева так милостиво к кому-нибудь отнеслась. Я очень удивился словам, которые ее величество приказала передать вам. Когда я откланялся ей, она еще раз приказала не забыть привезти вас завтра в Кенсингтонский дворец. Приходите ко мне в одиннадцать часов.

– Не премину, сэр Джон, – отвечал Вальтер. – Но я еще не условился с мистером Аароном Смитом.

– Я так и думал. Возникли какие-нибудь недоразумения? Вскоре после того, как вы вышли от мистера Смита, появился Лент, узнавший каким-то образом о том, что вы здесь, и угадавший ваши намерения. Он заявил мистеру Смигу, что он не может действовать совместно с вами и что он оплатит всем в случае, если его захотят уволить. Его поведение указывает, что он чрезвычайно раздражен. Я полагаю, что мистер Смит мог бы покончить с ним разом. Но он этого не сделал. Положение создалось неприятное, но вы об этом не пожалеете. Завтра может случиться нечто неожиданное, и нам лучше будет подождать вашего свидания с королевой. Вы можете и не вмешивать себя в борьбу против якобитов. Но если вы решите быть нам полезным, то я велю уволить Лента. Я должен прибавить, что я еще не видел его, да и не желаю видетсья с ним, если он придет. Это я могу вам обещать.

– Хорошо, сэр Джон, – сказал Вальтер. – Я приду условиться с вами завтра. До свидания.

Из Уайтхолла Вальтер возвратился в гостиницу «Королева» и, войдя в столовую, приказал подать себе обед и стакан вина.

Он уже кончил обедать и потягивал вино, как вдруг вошли два человека и, оглядев комнату, уселись за столиком против него и приказали служителю подать бутылку бургонского.

Оба они были в париках, в красного цвета камзолах, высоких сапогах и шляпах с перьями, но, очевидно, не принадлежали к дворянству.

Прежде чем сесть за стол, оба отцепили свои шпаги и положили их на стол рядом со шляпами, не без некоторой настороженности, как показалось Вальтеру.

Посетители говорили громко, но их голоса были сиплы и так же неприятны, как и их манеры.

Вальтер спросил слугу, не знает ли он, кто это такие. Тот отвечал, что это капитан Стамп и капитан Стенер, что они не служат в войске, что это известные забияки и буяны, которые не выходят из игорных домов, и неизвестно, на какие средства живут.

– Не люблю я их, сударь, – сказал Прайм, – и ни за что не пустил бы их в общую залу, если б мог. Но они разнесут меня, если я вздумаю не пустить их. Не отвечайте на их вызывающие речи, сударь. Вот все, что я могу вам сообщить.

– Постараюсь держать себя как можно хладнокровнее, – отвечал Вальтер. – Но мне кажется, они уже сделали какое-то дерзкое замечание на мой счет. Если они еще раз это сделают, то я проучу их. На всякий случай дайте мне палку.

– Лучше бы держать себя спокойно и не связываться с ними, сударь.

– Постараюсь, – сказал Вальтер.

Прайм вышел из комнаты и вернулся с тяжелой дубинкой, которую Вальтер положил на стол около себя, чтобы в случае надобности она была под рукой.

Вид этой дубинки, по-видимому, произвел устрашающее действие на обоих капитанов. Они перестали острить на счет Вальтера и занялись своим вином.

Бутылка была уже пуста, когда в зале появился Лент. Он, казалось, не видел Вальтера и присел к буянам, которые, по-видимому, поджидали его.

– Вы запоздали, мистер Лент, – сказал один из них. – Мы уж покончили с бутылкой, как видите.

– И управились бы и со второй без вас, если б вы не пришли, – подтвердил Стенер.

– У меня было дело, – отвечал Лент, как бы извиняясь, – но я ушел, как только оказалось возможным. Человек, принеси еще бутылку бургонского и чистые стаканы!

Сам Прайм бросился исполнять его приказание.

– Наливайте, господа, – сказал Лент, наполняя свой стакан до краев. – Я хочу предложить тост.

Те не заставили себя долго ждать.

– Ну, теперь тост! – вскричал Стамп.

– Мы должны выпить его стоя, – сказал Лент. – Я предложу тост, который должен принять каждый верноподданный. Да здравствует король Вильгельм Третий и да погибнут его враги!

Все наполнили стаканы и встали, кроме Вальтера.

– Как! Вы отказываетесь выпить при таком тосте? – заревел капитан Стамп.

– Наливайте скорее стакан и встаньте, – зарычал Стенер.

Вальтер продолжал сидеть.

– Этот малый, должно быть, якобит, – вскричал Лент среди общей сумятицы.

– Клянусь Небом, вы выпьете ваш стакан, или я волью вам его в глотку! – произнес Стамп, обнажая шпагу и направляясь к Вальтеру.

– Только троньте меня! – закричал Вальтер и ударил его дубинкой по плечу с такой силой, что шпага вылетела у того из рук.

Лент и Стенер бросились на помощь своему другу. Произошло бы побоище, в котором Вальтеру могло бы сильно достаться, если бы в дело не вмешались сам хозяин, его слуги и некоторые из присутствовавших и не уговорили молодого человека удалиться поскорее из комнаты.

Вальтер не забыл захватить с собою дубинку, на случай, если нападение повторится на дворе.

Он простоял на дворе минут десять, но, вопреки его ожиданиям, Лент и его друзья не явились. Вышел только хозяин.

– Вы очень нетактично вели себя, капитан Кросби, извините, что я это говорю, – произнес Прайм. – Вы должны были выпить при этом тосте, как бы вам это ни было неприятно.

– Да, я и сам чувствую, что поступил неловко, – возразил Вальтер. – Но я не мог примириться с нахальством этого Лента, чувствуя, что он нарочно вызывает меня.

– Теперь все они успокоились, – продолжал Прайм. – Но вы не должны возвращаться, пока они не выйдут оттуда. Иначе произойдет новая свалка.

– Сколько времени они еще там пробудут?

– Постараюсь, чтобы они убрались к девяти часам, – сказал Прайм.

– Отлично, тогда я вернусь в половине десятого. Вот ваша палка. Она мне очень пригодилась. Принесите теперь мою шпагу. Она у меня в спальне.

Прайм взял палку и поспешил в комнату Вальтера, откуда скоро вернулся со шпагой.

Был прекрасный теплый вечер, и молодой человек направился к Сент-Джемскому парку. Часа два гулял он в нем, наслаждаясь хорошей погодой. Выйдя из парка, он медленно пошел по улице Пэлл-Мэлл.

Становилось уже темно. Когда он дошел до Кокспер-стрит, на колокольне церкви Святого Мартина пробило девять часов. Помня свои слова, он погулял еще с полчаса и отправился к себе в гостиницу.

Между тем совсем стемнело, и, так как на дворе гостиницы не было ни одного фонаря, он уже с трудом различал экипажи, стоявшие в огромном сарае на правой стороне. Ему показалось, что он слышит какой-то шорох в сарае. Он остановился и стал прислушиваться.

– Это он! Теперь он в наших руках! – донеслось до него.

Полагая, что это голос Лента, которого он считал способным на всякую гадость, Вальтер обнажил шпагу и принял оборонительную позу.

Он, конечно, мог бы позвать кого-нибудь на помощь, но предпочитал защищаться сам.

В этот момент из сарая появилась какая-то темная фигура со шпагой в руке. Завязалась схватка... Кросби быстро сделал выпад и, по-видимому, ранил нападавшего: по крайней мере, слышно было, как его шпага со звоном упала на камни двора.

Готовилось, очевидно, убийство, ибо из сарая выскочили еще два человека со шпагами в руках и яростно напали на него.

Вальтер отчаянно защищался, но, видя, что ему не справиться с врагами, стал громко кричать. На его крики прибежали из конюшни два кучера с фонарями. В то же время показался из дома Прайм со слугами. Но прежде, чем кто-нибудь из них успел добежать до места, где происходила схватка, противники Вальтера бросили его и скрылись.

К счастью, молодой человек оказался невредим.

Когда суматоха уже прекратилась, на дворе появились полицейский с сторожами. Но теперь уже не было никакой надобности в их присутствии. Они предложили было догнать преступников, но никто не изъявил согласия последовать их совету. Узнав, что у одного из нападавших была выбита шпага, они принялись ее искать, но ее не было: очевидно, раненый успел унести ее с собою.

На земле были видны пятна крови, указывавшие, что негодяй был ранен довольно серьезно.

Хозяин спросил Вальтера, будет ли он преследовать покушавшихся на его жизнь судебным порядком, но тот ответил отрицательно.

— Не стоит больше волноваться из-за этого дела, — сказал он. — Негодяи и так достаточно наказаны.

IX

Вальтер Кросби и королева Мария

На следующий день Вальтер отправился к назначенному времени в Уайтхолл.

У дверей казначейства он нашел красивый экипаж, поджидавший, очевидно, сэра Джона Тренчарда. Через несколько минут он, действительно, вышел из своей канцелярии и, дружески поздоровавшись с Вальтером, пригласил его к себе в экипаж. Усевшись с ним рядом, он приказал кучеру ехать прямо в Кенсингтонский дворец.

Дорога шла через Сент-Джемский парк мимо Букингемского дворца и далее по Гайд-парку, разбитому королем Вильгельмом. Этот парк считался в то время лучшим украшением города, ибо в нем были расставлены на некотором расстоянии фонари – новость для столицы, не имевшей в то время освещения.

Экипаж быстро двигался вперед и скоро въехал в дворцовые ворота. Кенсингтонский дворец, любимая резиденция короля Вильгельма, был куплен им у графа Ноттингема и значительно расширен, а местами и переделан заново. Внутренние работы вел знаменитый художник-архитектор Кент, по плану которого была устроена и главная лестница – чудо тогдашнего строительного искусства.

Украшения дворца носили отпечаток вкуса королевы Марии, которая следила сама за его перестройкой, пока ее супруг был во Фландрии. Следуя его указаниям, королева Мария приказала увеличить сад и разбить его в голландском вкусе, который так любил ее муж.

Главным украшением дворца был огромный сад, занимавший площадь больше трех квадратных миль. Сам дворец не отличался громадными размерами, и его в то время никак нельзя было сравнить с Сент-Джемским, Уайтхоллом и Виндзорским.

Вальтер, впрочем, не разделял этого мнения. Когда они подъезжали к дворцу по обсаженной великолепными деревьями аллее, ему показалось, что дворец имеет очень величавый вид. Он поделился своими впечатлениями с сэром Тренчардом, который посоветовал ему рассказать ее величеству, как поразил его новый дворец. Оба спутника говорили между собою очень мало, сэр Джон казался погруженным в свои думы и ограничивался лишь тем, что только отвечал на вопросы Вальтера.

Наконец они подъехали ко дворцу и, выйдя из экипажа, поднялись ко входу и вошли в вестибюль, где им навстречу вышли несколько дворцовых служителей. Их появление доказывало, что гостей ждали. Сэр Джон в сопровождении своего спутника вступил в длинный коридор, ведущий к главной лестнице, построенной, как сказано выше, Кентом. Им же были расписаны потолки и стены дворца.

Поднимаясь по черным мраморным ступеням, они узнали от дежурного камер-лакея, что ее величество в большой галерее. На это приглашение оба они ответили легким поклоном.

Прежде чем наши герои предстанут перед королевой Марией, скажем здесь несколько слов о ней.

В то время, к которому относится наш рассказ, королеве Марии было тридцать два года. Казалось, перед ней начинается длинный ряд лет власти и блеска. Но в книге судеб было написано другое, и ей оставалось жить всего несколько месяцев.

Ей суждено было рано умереть. Но никто не мог этого предполагать: здоровье ее было превосходно, и никакие неприятности, по крайней мере явные, не омрачали ее жизни.

Несмотря на свой сравнительно молодой возраст, Мария была уже семнадцать лет замужем. Хотя принц Оранский и не принадлежал к числу лиц, способных внушить к себе искреннюю любовь, однако ее привязанность к нему была непоколебима. Брак их был бездетен.

Мария была в полном блеске своей красоты. Высокого роста, достаточно полная, она сохраняла все обаяние молодости. Ее овальное приветливое лицо, обрамленное волною светло-каштановых волос, отличалось красотой и тонкостью черт. Ее обращение с окружающими было просто, хотя в нем каждый чувствовал величавость.

Достигнув верхней площадки лестницы, где стояло несколько лакеев, камер-лакей ввел сэра Джона и его спутника в первую комнату, за которой шел целый ряд других. В конце этой анфилады находилась большая галерея, где их ждала королева.

Комната, как успел заметить Вальтер, была вся увешана гобеленами, изображающими охоту Дианы на кабана. Над камином висела картина работы Гвидо Рени.

Во второй комнате, потолок которой был расписан Кентом, висели картины Гольбейна и портреты короля и королевы, когда они были еще принцем и принцессой Оранскими, написанные сэром Питером Лелем.

Пройдя еще три комнаты, украшенные картинами Тициана, Рафаэля, Аннибале Карраччи и Ван Дейка, они вошли в большую галерею. В конце ее сидела на кресле королева, рядом с которой расположилась леди Фортескью.

Эта длинная галерея была также увешана картинами первоклассных мастеров, начиная с портрета Генриха VIII кисти Гольбейна. Среди портретов висел и портрет Иакова II в бытность его герцогом Йоркским. Последним приобретением галереи были портреты короля и королевы в коронационных мантиях работы сэра Готфрида Неллера.

Королева была в утреннем белом шелковом платье, украшенном кружевами; ее прекрасные косы, уложенные короной на голове, не были напудрены.

Леди Фортескью, женщина также очень красивая, была одета гораздо богаче королевы и носила высокую прическу, скрадывавшую ее небольшой рост.

Обе с большим любопытством приняли и осматривали Вальтера, пока он приближался к ним по галерее.

– Капитан Кросби действительно красавец, и ваше величество совершенно верно описали его наружность, – заметила леди Фортескью.

Исполнив свою обязанность, камер-лакей удалился, а сэр Джон, отвесив королеве низкий поклон, представил ей Вальтера, который встретил такой же милостивый прием, как и накануне.

Королева поднялась с кресла и, дав понять молодому человеку, что она желает говорить с ним, медленно пошла по длинной галерее. Вальтер почтительно следовал за нею.

Леди Фортескью и сэр Джон остались на своих местах.

– Не могу надивиться! – сказал Тренчард.

– Очень понятно, – отвечала леди. – Ее величество желает говорить с капитаном Кросби о своем августейшем отце. Она чрезвычайно встревожена недавним покушением на него.

– А, теперь я понимаю! – воскликнул сэр Джон. – Как это раньше не пришло мне в голову!

Королева дошла почти до самого конца галереи и остановилась в амбразуре окна, почти скрытая занавесками от посторонних глаз. Тут только она нарушила молчание.

Ее обращение с Вальтером сразу изменилось.

– Вы спасли жизнь моего отца, капитан Кросби, – произнесла она весьма серьезно. – Благодарю вас от всего сердца.

– Ваши слова чрезвычайно милостивы, ваше величество, – отвечал Вальтер. – Но я не ожидал услышать их от вас.

– Я вижу, что вы разделяете общее мнение, будто бы я не люблю своего отца, – возразила королева. – Вы ошибаетесь. Я питаю к нему глубокую привязанность. Кроме короля, моего супруга, я люблю его больше всего на свете.

– Я ни одной минуты не сомневался в том, что вы изволите говорить, всемилостивейшая государыня, но вы простите меня, если я скажу, что ваше поведение не соответствует вашим словам.

– Прощаю вас, сэр, – отвечала королева. – Благодарю вас за то, что вы говорите со мною так откровенно. Но скажите мне – я даю вам право говорить мне всю правду, – неужели король думает, что это покушение было подстроено моим супругом?

– Преступник сам сознался в этом, – отвечал Вальтер.

– Это ложь, – воскликнула Мария с негодованием. – Король Вильгельм не способен на такое гнусное дело.

– Я вполне уверен в этом, – сказал Вальтер. – Думаю, что и ваш августейший отец считает его непричастным к этому делу.

– Благодарю вас за эту весть. Вы сняли с моей души страшную тяжесть. Я знаю, что отец считает меня неблагодарной. Знаю, что он смотрит на моего супруга как на злейшего своего врага, но я не могу себе представить, как он мог подумать, что я или он желаем его смерти.

Королева, видимо, сильно волновалась.

– Выслушайте правду и тем дайте мне возможность облегчить мое сердце, – продолжала она. – Я очень страдала от того, что я сделала. Но переделать что-либо я уже не могу.

– Почему же нет? Исправить ошибку никогда не поздно.

– Невозможно! – воскликнула королева с отчаянием в голосе. – Я боюсь небесного гнева.

– Позвольте мне утешить ваше величество, – сказал Вальтер, не смея сомневаться в ее искренности. – Могу ли я взять смелость повторить вашему августейшему отцу все то, что я здесь слышал?

– Конечно, сэр. Но никому другому, кроме него.

– Ваше величество можете в этом случае положиться на меня, – серьезно сказал Вальтер.

– По всей вероятности, мне не придется больше увидеться с отцом. Жаль, что не удастся получить прощение из его уст.

– Я надеюсь, что дело может повернуться иначе, – заметил Вальтер.

– Нет, – произнесла королева, вздрагивая, – у меня есть свои предзнаменования.

– Предзнаменования? – спросил Вальтер. – Я не понимаю вас, ваше величество.

– Да, мне было предсказано, что я не увижу отца.

Судя по тому, как она сказала эти слова, видно было, что она вполне верит в предзнаменование.

– Это мог предсказать вашему величеству только враг, – заметил Вальтер.

– Нет, это мне сказал человек, которому я вполне доверяю. Я желала бы умереть в мире со всеми. Но больше всего мне хотелось бы, чтобы отец меня простил. Добейтесь этого, если можно. Если вы увидите его, напомните ему о дочери, которую он так нежно любил. Я дрожу при мысли, что он будет проклинать меня.

– Не следует так думать, ваше величество, – сказал растроганный Вальтер. – Несмотря на все то, что случилось, я полагаю, нет, больше, я уверен, что он вас любит.

– Будем надеяться! – вскричала королева. – Вот его портрет. Всякий раз, как я гляжу на него, мне кажется, что он начинает хмуриться. Я не смею поднять на него глаза. Но, скажите, сильно он изменился?

– Лицо короля вовсе не хмуро, – отвечал Вальтер. – Напротив, оно всегда озарено улыбкой.

– Нет, я была права, – вскричала королева, взглянув на портрет и тотчас же отворачиваясь от него. – Он все еще хмурится на меня.

И, едва овладев собою, королева продолжала:

– Я не буду спрашивать вас о ваших планах. Я уверена, что они касаются ланкаширских якобитов. Но я не хочу верить, будто вы решились изменить вашим друзьям. Вы, очевидно, имеете какие-то другие причины так поступать. Объясните мне все откровенно.

– Ваше величество угадали, – ответил Вальтер. – Я не намерен изменять моим друзьям. Я стараюсь спасти их и уничтожить замыслы негодяев и изменников. Один из них – некий Лент – вчера ночью уже покушался на мою жизнь.

– Я слышала об этом Ленте от сэра Тренчарда. Мне очень досадно, что он принужден пользоваться услугами такого господина. Но я вот что скажу вам: как только я увидела вас, я сейчас же поняла ваши намерения. Ваша натура слишком благородна для предательства. Я не могу отдать себе отчета в доверии, которое чувствую к вам. Не обманите же меня. Я питаю расположение к вам, как к брату.

– О, доверие вашего величества глубоко трогает меня, – воскликнул Вальтер. – Вы изволили уже раньше что-нибудь слышать обо мне?

– Что вы хотите сказать? – спросила она с изумлением.

– Ваша благосклонность ко мне дает мне право говорить совершенно откровенно. Вашему величеству, вероятно, уже намекали, что меня считают сыном короля Иакова.

– Никогда я этого не слышала! Но если это так, тогда становится понятен интерес, который вы возбуждаете во мне.

– Это верно, ваше величество, – продолжал Вальтер. – Я действительно сын короля Иакова, хотя я и не признан им открыто. Но наедине он открыл мне, что он мой отец. Королева Мария также знает об этом и всегда обращается со мной весьма милостиво. Я не могу, конечно, судить по этому о ее доброте, но она охотно всегда исполняла все мои просьбы.

– Этим и объясняется кое-что, о чем мне недавно передавали, – прервала его королева. – Вы, конечно, не удивитесь, что мы располагаем секретными донесениями о сен-жерменском дворе, ведь и королева Мария Моденская получает сведения о нашем. Мне передавали, что Беатриса Тильдеслей была назначена фрейлиной именно по вашей просьбе.

– Вам верно сказали, государыня, – отвечал Вальтер. – Королева Мария сразу согласилась на мою просьбу.

– Если бы вы обратились с такой просьбой ко мне, – продолжала королева, – я бы также не отказала вам.

Вальтер поклонился в знак благодарности.

– Вы любите Беатрису Тильдеслей? – спросила она.

– Больше жизни! – пылко воскликнул он.

– В таком случае будьте уверены, что она будет принадлежать вам. Я обещаю вам это. Впрочем, что я говорю? Мне ведь не долго суждено жить.

– Государыня, отбросьте эти страхи, – сказал Вальтер. – После всего того, что было здесь сказано, я приложу все усилия, чтобы восстановить между вами и вашим отцом доброе согласие. Думаю, что мне это удастся.

– Теперь, когда я нашла брата, мне нечего падать духом. Как будто Небеса услышали мою молитву. Нужно, однако, окончить нашу беседу, хотя мне хотелось бы сказать вам еще многое. Вы должны явиться сюда еще раз.

– Я предполагал возвратиться в Ланкашир, государыня, – сказал Вальтер.

– Нет, нет, я вам приказываю.

– Повинуюсь приказанию вашего величества.

Королева направилась обратно в другой конец галереи, где сидели сэр Джон и леди Фортескью, которые поднялись при ее приближении.

– Благодарю вас, сэр Джон, за то, что вы привели ко мне капитана Кросби, – обратилась королева к Тренчарду. – У меня был очень интересный разговор с ним. Прежде чем вы уйдете, я хотела бы сказать вам несколько слов.

При этом намеке присутствовавшие поспешили отойти в сторону.

– Известны ли вам, сэр Джон, причины, по которым капитан Кросби пользуется таким расположением моего отца?

– Ваше величество, я слышал, что некоторые считают короля Иакова в родстве с ним, – отвечал тот уклончиво. – Но я не знаю, известно ли вам об этом.

– Я знаю об этом и потому особенно интересуюсь им, – сказала королева. – Поэтому я желаю, чтобы вы взяли его под свое покровительство, сэр Джон. Он должен быть в полной безопасности.

– Ваше величество можете положиться на меня: я сделаю все, что от меня зависит, – с поклоном отвечал Тренчард. – Вам не угодно более говорить с ним теперь?

– Нет, – последовал ответ.

Сэр Тренчард отвесил глубокий поклон и приготовился к уходу.

Также поклонившись, Вальтер почтительно поцеловал протянутую ему королевой руку. Она следила за ним глазами и едва могла подавить вздох, когда он скрылся за дверью.

– Ваше величество довольны молодым человеком? – спросила леди Фортескью.

– Вполне. Он ведь сын моего отца.

– Вот как! – воскликнула графиня. – Это, впрочем, не новость.

На обратном пути в Уайтхолл сэр Тренчард поздравлял Вальтера с благоприятным впечатлением, которое он произвел на королеву, снова подчеркивая, что он сам будет виноват, если не создаст себе при дворе выдающегося положения. У ворот дворца они расстались. Сэр Джон просил своего спутника прийти к нему завтра, говоря, что у него есть важные новости.

– А теперь я должен переговорить с мистером Аароном Смитом, – прибавил он. – Итак, до завтра.

Вальтер не знал, что ему думать и как действовать. Одно только решил он твердо: ни за что на свете не выдавать короля Иакова.

– Что бы ни случилось, я буду верен ему, – твердил он про себя.

Х Арест

Прежде чем вернуться в гостиницу «Королева», Вальтер долго гулял по Сент-Джемскому парку. Дома хозяин сообщил ему, что незадолго до его возвращения к нему явились два каких-то господина, которые теперь ждут его в общем зале.

– Вам нечего их бояться, сударь, – сказал Прайм. – Я отвечаю за них.

Вальтер, боясь попасть в какой-нибудь новый заговор, хотел, чтобы теперь никто не беспокоил его своим посещением. Ему не доставило особого удовольствия узнать в поджидавших его господах полковника Паркера и доктора Бромфилда в его неизбежном квакерском одеянии.

– Как только мы узнали, что вы здесь, – начал полковник, дружески поздоровавшись с Вальтером, – мы сейчас же поехали вас проводить. Правда ли, что вы наметили какой-то план, чтобы сокрушить замыслы этого гнусного Лента? Может быть, мы могли бы помочь вам в этом случае?

– Благодарю вас, полковник, – отвечал Вальтер. – Возникли неожиданные затруднения, которых я не предвидел. Боюсь, как бы мне не пришлось расстаться со своим планом.

– Ну, до этого не дойдет! – воскликнул доктор. – Но у нас есть свой, которым мы и хотим поделиться с вами. Присаживайтесь к нам и разопьем для вида бутылку бургунского.

Когда Прайм поставил на стол вино, Вальтер украдкой бросил на него взгляд, которого тот сначала не понял. Вскоре, однако, значение его выяснилось.

Только собеседники, сдвинувшись поплотнее, принялись обсуждать свои дела, как дверь отворилась и в залу вошел мистер Аарон Смит. Все трое знали его, и он знал их всех.

Полковник Паркер и доктор сильно струхнули, полагая, что появление такого лица несет за собою беду. Но каково же было их удивление, когда Смит подошел к их столу и дружески сказал Вальтеру:

– Я думал, что вы зайдете ко мне в канцелярию по возвращении из Кенсингтонского дворца.

Паркер и Бромфилд вздрогнули от этих слов.

– Я ведь не обещал вам, – отвечал Вальтер, стараясь скрыть свое смущение.

– А я все-таки вас ждал. Скажите, вы видели ее величество?

– Какое вы имеете право предлагать мне подобные вопросы, сэр? Я не желаю отвечать вам! – воскликнул Вальтер.

– С вашего позволения, – сказал Аарон. – Я спросил только из любопытства. Очень рад был узнать, что вы имели во дворце полный успех.

– Я имел такой именно успех, на который рассчитывал.

– Вам, кажется, неприятны мои расспросы, – заметил Аарон Смит. – Но я, право, не желал вас оскорбить, да и сюда я пришел не за вами. Но я увидел вас и решил к вам подойти – вот и все.

И, неловко поклонившись, он вышел. Вальтер был рассержен, а его собеседники не могли прийти в себя от изумления.

– Я и не знал, капитан Кросби, что вы были в Кенсингтонском дворце, – сказал Паркер. – Это правда?

– Правда, – отвечал Вальтер. – Я не могу теперь же объяснить вам, как все это случилось. Но что бы там ни было, у Смита были, очевидно, свои причины наведаться сюда. Его посещение меня касаться не может, но для вас оно будет иметь последствия.

– Я думаю, что нам лучше всего уйти отсюда как можно скорее, – сказал Бромфилд.

– Я думаю то же, – подтвердил Вальтер. – Я не могу быть вам полезен, иначе я бежал бы с вами. Предоставьте мне обделать дело с хозяином.

Оба посетителя разом поднялись и направились было к выходу, но в зал вошел уже Кулленфорд в сопровождении двух вооруженных полицейских и, быстро подойдя к столу, сказал:

– Я уже давно слежу за вами, господа. Наконец-то я нашел вас. Я имею приказ арестовать вас, подписанный шестью членами Тайного совета, и должен вас отправить в Ньюгетскую тюрьму.

– В чем нас обвиняют? – спросил полковник.

– В изменнических действиях, – отвечал Кулленфорд. – Вы будете заключены в Ньюгетской тюрьме под крепкий караул. Посмотрим, что будет, когда вас станут допрашивать. Говорят, существует большой заговор. У нас есть против вас три свидетеля: Лент, Уомбалль и Вильсон.

– Три негодяя! – воскликнул полковник. – Нам нет спасения, – шепнул он Бромфилду.

– Сопротивляться бесполезно, – сказал Кулленфорд. – Со мной здесь экипаж, который может вас доставить в Ньюгет.

– Да, лучше будет покориться, – произнес Бромфилд. – Вы очень счастливы, что унесли ноги из этой ловушки, – прибавил он, обращаясь к Вальтеру.

– Если дело идет о заговоре Лента, то вы оба можете доказать, что были в то время в Сен-Жермене.

– Конечно, мы можем это сделать, – сказал Паркер.

– Предоставьте им действовать самим, капитан Кросби, – прервал его Кулленфорд. – Они сами могут постоять за себя.

– Мы, наверно, сошлемся на него как на свидетеля, – сказал Бромфилд, – и мы...

– Идем, господа, садитесь в экипаж, – прервал его один из полицейских. – Нечего больше мешкать.

Арестованных увели.

Было запрещено выходить во двор, а хозяин гостиницы должен был строго следить, чтобы во время ареста все было спокойно, пока арестованные не тронутся в путь.

Таким образом, все обошлось тихо.

XI

Гроза надвигается

Дней десять спустя после посещения Вальтером Кенсингтонского дворца полковник Тильдеслей и Беатриса в один прекрасный вечер гуляли по аллеям майерскофского парка.

Беседа их была невесела: виды на будущее якобитской партии повсеместно становились все более и более безотрадными.

Как ни противился полковник Тильдеслей бегству, но становилось очевидным, что ему придется оставить свой дом и искать спасения во Франции. Хотя его и вызвались провожать несколько друзей, в том числе и полковник Тоунлей, но сердце его было разбито. Он скучал по Вальтеру и нетерпеливо ждал его возвращения.

Беатриса тоже чувствовала себя несчастною. Не имея вестей от Вальтера с того самого времени, как он уехал, она мучила себя самыми мрачными предчувствиями. Иногда ей начинало казаться, что он уже брошен в тюрьму и больше не вернется, но отцу Джонсону удавалось уговорить ее отгонять эти мрачные мысли.

В этот вечер полковник и священник, выйдя из парка, пошли полем, а Беатриса вернулась назад. Подходя к дому, она заметила недалеко от моста, переброшенного через ров, всадника и сразу узнала в нем Вальтера. Тот тоже увидел ее, быстро соскочил с лошади и, бросив поводья Горнби, вышедшему ему навстречу, бросился к ней. Беатриса в волнении остановилась под одним из дубов, которыми была обсажена аллея.

— У вас вид такой, как будто вы достигли полного успеха, Вальтер! — сказала она, сердечно поздоровавшись с приезжим.

— Да, я добился успеха, поскольку дело касается лично меня, — отвечал он. — Я виделся с королевой!

— С царствующей королевой? — спросила она с изумлением.

— Да, я виделся с нею дважды в Кенсингтонском дворце, и оба раза она была чрезвычайно милостива ко мне. Теперь не время рассказывать о всех подробностях свидания, скажу только, что я встретил ее случайно, когда она садилась в шлюпку у Уайтхолла. Она пожелала, чтобы сэр Тренчард представил меня ей. На следующий день он возил меня в Кенсингтонский дворец, где я имел аудиенцию, во время которой она выказала большую благосклонность ко мне. Через два дня я был вторично принят ею в прощальной аудиенции, и она была еще милостивее, чем в первый раз.

— Все это чрезвычайно радует меня, Вальтер, — сказала Беатриса. — Но я слишком предана королеве Марии Моденской, и ваша королева мало интересуется меня.

— Послушайте, бросьте ваше предубеждение против нее. Я уверен, что вы привязались бы к ней и пожалели бы ее.

— Пожалела бы ее, Вальтер? — воскликнула Беатриса с изумлением.

— Да, пожалели бы, — продолжал Вальтер. — Она очень несчастна.

— Как, однако, я ошиблась! Я думала, что она недоступна никаким чувствам.

— Напротив, она горько жалеет о своем поступке относительно отца.

— Вы изумляете меня! Это примиряющая черта в ее характере.

— Я надеюсь, что отец простит ее, — заметил Вальтер.

— Очень может быть. Король Иаков так добр, что может простить ее.

— Будем надеяться — сказал Вальтер. — Но позвольте задать вам один вопрос. Если бы она предложила вам быть ее фрейлиной, приняли ли бы вы такое предложение?

— Нет, — решительно отвечала Беатриса. — У меня только одна государыня — Мария Моденская, и никакой другой я служить не буду. Я еду обратно в Сен-Жермен. Полковник едет со мною.

– Ему небезопасно оставаться здесь, – сказал Вальтер. – Полковник Паркер и доктор Бромфилд уже заключены в тюрьму. Скоро будут произведены большие аресты.

– Но Тильдеслею сильно не хочется расставаться с этим местом, Вальтер. Ему все кажется, что он уже не вернется сюда, и он впал от этой мысли в меланхолию.

– Когда он попадет в Сен-Жермен, он оправится. Может быть, ему придется провести несколько лет за границей, а затем, я уверен, он вернется.

– Вы поедете с нами, Вальтер?

– Не могу обещать вам этого сейчас. Может быть, полковник попросит меня остаться здесь на некоторое время после его отъезда. Отец Джонсон позаботится о вашей безопасности, а я рано или поздно буду в Сен-Жермене.

Разговаривая, они незаметно подошли к самому дому. Здесь их встретили полковник и священник, узнавшие о приезде Вальтера и вернувшиеся с прогулки другим путем.

– Как я рад видеть вас опять! – воскликнул полковник, сердечно здороваясь с Вальтером. – Я боялся, не случилось ли с вами какого-нибудь несчастья.

– Мы получили известие об аресте Паркера и Бромфилда, – сказал отец Джонсон, – и боялись, как бы и вы не попались вместе с ними.

– Нет, я счастливо избежал и ареста, и покушения на мою жизнь, – отвечал Вальтер. – Но мне не удалось положить конец замыслам Лента. Вы должны быть очень осторожны теперь, полковник. Многие из наших друзей в этой местности накануне ареста, в их список внесены и вы.

– Кажется, мне придется бросить дом и бежать во Францию, – со вздохом сказал полковник. – Это для меня хуже смерти. Но я не вижу другого выхода.

– Я тоже, – сказал Вальтер. – Во что бы то ни стало вы должны избежать ареста.

Полковник совсем погрузился в печальные думы, и только прибытие конного гонца с письмом от полковника Тоунлея вывело его из глубокой задумчивости. Это письмо заставило его совершенно изменить свои планы. Он объявил, что вместо того, чтобы ехать во Францию, он отправится завтра же в Нортумберленд к сэру Джону Фенвику, у которого и пробудет месяца два-три в полном уединении.

«Надеюсь, дорогие друзья мои, – писал Тоунлей, – что вы приедете ко мне. Сэр Фенвик будет очень рад видеть вас у себя, и вы можете оставаться здесь сколько угодно. Приезжайте ко мне завтра утром. Вашу прекрасную Беатрису лучше будет оставить в Майерскофе. Там с отцом Джонсоном она будет в безопасности. Завтра к ней приедет миссис Стандиш, которая гостит здесь».

– О, если со мной будет миссис Стандиш, я не буду чувствовать себя одинокой, – воскликнула Беатриса.

– В таком случае я также могу остаться с вами и охранять вас, – сказал Вальтер. – Меня арестовать не могут, так как у меня охранный лист от королевы.

Полковник Тильдеслей был в восторге от такой перспективы, которая давала ему возможность отложить свое бегство во Францию. Он послал Тоунлею ответ, что непременно будет у него завтра утром и что Беатриса с нетерпением ждет миссис Стандиш и других дам, если те пожелают ее навестить.

На следующее утро полковник поднялся очень рано и отдал Горнби распоряжения, чтобы во время его отсутствия все в доме слушались мисс Тильдеслей.

– Исполню ваши приказания в точности, господин полковник, – отвечал дворецкий. – Надеюсь, что вы вернетесь к нам целы и невредимы.

После завтрака Тильдеслей простился нежно с Беатрисой и в сопровождении двух верховых, которые везли с собой багажные вьюки и были вооружены пистолетами, двинулся к Тоунлею, чтобы вместе с ним продолжать свой путь в поместье сэра Фенвика.

Подъехав к воротам, он бросил печальный взгляд на свой дом, не зная, суждено ли ему вернуться в него. Беатриса стояла у окна в верхнем этаже, в воротах неподвижно застыл верный Горнби. Вальтер поехал с полковником, желая проводить его несколько миль.

Полковник Тильдеслей был, впрочем, так расстроен, что дорогой едва мог поддерживать разговор со своим спутником.

На прощанье он стряхнул с себя задумчивость и, обращаясь к нему, сказал:

– Вы должны знать о том, какие распоряжения я сделал. Я боюсь, что в самом непродолжительном времени поместья лучших семей будут конфискованы. Я принял все меры, чтобы сохранить свое, но я не отдал его иезуитам, как мне советовали. Если со мной что-нибудь случится, оно достанется Беатрисе. Я оставляю ей весь дом со всеми принадлежностями. Она будет моей единственной наследницей.

– Я полагаю, что вы правильно поступили, – сказал Вальтер. – Но вы, конечно, избегнете всех опасностей и еще долго-долго будете жить в своем старинном доме.

– Сильно сомневаюсь, – мрачно сказал полковник. – Я очень желал взять с собой к Фенвику и Беатрису, но она, кажется, не расположена туда ехать. Пожалуй, лучше, что она осталась в Майерскофе. А теперь прощайте!

– Прощайте, полковник. Будем надеяться, что вы скоро вернетесь к нам.

С этими словами Вальтер круто повернул лошадь и дал ей шпоры. Когда он вернулся в Майерскоф, Горнби доложил ему, что с ним желает говорить отец Джонсон, который ждет его в своей комнате.

К удивлению своему, Вальтер застал священника в самом радостном настроении.

– Я получил хорошие вести, – сказал он. – Полковник Паркер и доктор Бромфилд уже не в Ньюгете.

– Это удивительное известие! – воскликнул Вальтер. – Впрочем, доктор Бромфилд гораздо на все, да и полковник Паркер ему не уступит. Очевидно, мы скоро увидим их здесь, в Ланкашире.

– Они уже в Ланкашире, – продолжал священник, – и, по-видимому, недалеко от нас.

Заинтересованный этими словами, Вальтер вопросительно поглядел на собеседника.

– Они здесь?

Отец Джонсон встал с своего кресла и отворил потайную дверь. Оба беглеца вышли из своего убежища. Вальтер горячо пожал им руки.

– Мог ли я думать, что снова увижусь с вами после того, как мы расстались в гостинице «Королева»? – сказал он. – Но как вам удалось вырваться из Ньюгетской тюрьмы? Верно, кто-нибудь из тюремщиков выпустил вас на волю?

– Это сделали пятьдесят гиней, – отвечал доктор Бромфилд.

– Из Лондона мы прямо направились в Майерскоф, – прибавил полковник Паркер. – Мы были уверены, что полковник Тильдеслей окажет нам радушный прием.

– Полковник только что уехал к сэру Фенвику, – сказал Вальтер.

– Я им уже об этом говорил, – заметил отец Джонсон. – Но это все равно. В его отсутствие я могу от его имени предложить убежище нашим добрым друзьям.

В это время послышался стук в дверь. В комнату вошел Горнби и доложил, что мисс Тильдеслей будет очень рада видеть гостей и что прибыла миссис Стандиш в сопровождении мистера Роджера Дикконсона.

– Очень рад, очень рад, – заговорил доктор. – Дикконсон мой старый приятель. Он главный винт всего заговора.

– Не очень-то радуйтесь, – заметил полковник Паркер. – У него, кажется, есть что-то на уме.

Полковник Паркер и доктор Бромфилд были встречены Беатрисой очень сердечно. С миссис Стандиш и ее спутником оба были уже знакомы.

Несмотря на свои немолодые годы, миссис Стандиш была замечательно красива. Она держала себя со всеми любезно, но в высшей степени сухо.

Роджеру Дикконсону было лет сорок. Наружность его ничем не обращала на себя внимания. Несмотря на простоту, с которой он держал себя, видно было, что он хорошо воспитан и наделен острой проницательностью. Как и его старший брат, Уильям Дикконсон, он был ярым якобитом и участвовал во всех заговорах, имевших целью вернуть корону Иакову.

При тогдашнем положении вещей он чрезвычайно беспокоился за брата, которому угрожал арест. В Майерскоф он приехал для того, чтобы посоветоваться с капитаном Кросби. Он был, видимо, очень рад, что застал здесь еще двух соратников, которые также могли дать ему полезный совет.

Маленькое общество якобитов уселось около широкого окна и принялось обсуждать положение дел.

– У меня есть план, – быстро заговорил Дикконсон, – который я хотел бы предложить вашему вниманию прежде, чем приводить его в исполнение. Я узнал от сыщика, некоего Джона Таффа, – вы, вероятно, о нем уже слышали, – что в случае, если наши друзья будут арестованы и преданы суду, главным свидетелем против них будет этот вероломный негодяй Лент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.